

№ 190-91.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА

Г. Уэллсъ

БОРЬБА МІРОВЪ

Переводъ съ англійскаго
М. Шишмаревой.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ

Изданіе зарегистрировано и цѣна
утверждена Отделомъ Печати
М. С. Р. и К. Д.

Акц. О-во
УНИВЕРСАЛЬНАЯ
БИБЛІОТЕКА
МОСКВА.

Врем. цѣна 12 р.

Универсальная библіотека.

501. Толстой. Смерть Ивана Ильича. Хозяинъ и работникъ.
502. Толстой. Крейцерова соната.
503. Толстой. Власть тьмы.
504. Толстой. Плоды просвѣщенія.
505. Толстой. Корней Васильевъ.
506-507. Къ волѣ. Крѣпостное право въ народной поэзіи. Сборникъ. Сост. Н. Бродскій.
508-509. Рабство и воля. Крѣпост. право въ рус. лит. Сост. И. Розановъ и Н. Сидоровъ.
510. Толстой. Ходите въ свѣтѣ, пока есть свѣтъ и др. разсказы.
511. Толстой. Первый винокуръ и др.
512,513. Гоголь. Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. Ч. I и II.
514. Карамзинъ. Бѣдная Лиза, Наталья боярская дочь, Мареа Посадница.
515-516. Аксаковъ. Семейн. хроника.
517. Толстой. Чѣмъ люди живы и др.
518. Пушкинъ. Капитанская дочка. Исторія села Горюхина.
519. Пушкинъ. Повѣсти Бѣлкина. Дубровскій.
520. Пушкинъ. Пиковая дама. Арапъ Петра Вел. Египетскія ночи.
521-524. Толстой. Воскресеніе.
525-526, 527-529. Бѣлинскій. Статьи о Пушкинѣ. Ч. I и II.
530-531. Лермонтовъ. Кн. Лиговская. Герой нашего времени.
532. Лермонтовъ. Вадимъ.
533. Толстой. Три смерти. Поликушка.
534-536. Аксаковъ. Дѣтскіе годы Багрова-внука.
537. Воейковъ. Домъ сумасшедшихъ.
538. Фонвизинъ. Бригадиръ. Недоросль.
539,540. Гоголь. Миргородъ. Ч. I и II.
541-543. Квитка - Основъяненко. Панъ Халявскій.
544-545. Аксаковъ. Воспоминанія.
546,547. Толстой. Для дѣтей. Ч. I и II.
548. Сологубъ. Отрокъ Линъ и др.
549. Толстой. Живой трупъ и др.
550. Сологубъ. Маленькій человѣкъ.
551. Никитинъ. Дневн. семинариста.
552. Никитинъ. Кулакъ.
553. Никитинъ. Избранныя стихотворенія и біографія.
554. Гоголь. Портретъ. Носъ. Ш...
555. Гоголь. Невскій просп... Записки сумасшедшаго. Ри...
556-557. Добролюбовъ. Те... царство.
558. Добролюбовъ. Что такое ...ломовщина? Когда же при... настоящій день?
559. Думы и пѣсни. Сборникъ с...хотвореній новыхъ поэтовъ. С...ставила Анс. Чеботаревск...
560-561. Никитинъ. Стихотворен...
562-563. Ломоносовъ. Избранн... сочиненія и біографія.
564. Добролюбовъ. Лучъ свѣта в... темномъ царствѣ.
565-567. Загоскинъ. Рославлевъ.
568-569. Погорѣльскій. Мо... стырка.
570. Жуковскій. Наль и Дамаянти.
571. Жуковскій. Рустемъ и Зорабъ.
572. Слово о полку Игоревѣ. Подъ ред. С. К. Шамбинаго.
573. Маркъ Криницкій. Пошлост...
574. Пѣсни каторги. Собр. В. Гартевельдъ.
575-577. Нарѣжный. Бурсакъ.
578. Богдановичъ. Душенька.
579. Ленскій. Левъ Гурычъ Синичкинъ.
580. Мей. Царская невѣста.
581. Мей. Псковитянка.
582-583. Отечественная война въ русской поэзіи. Составили Н. Бродскій и Н. Сидоровъ.
584. Гусевъ-Оренбургскій. Капитанъ Кукъ и др.
585. Ковальскій. Жизнь—мгновенье.
586. Сологубъ. Опечаленная невѣста и др.
587. Толстой. Отецъ Сергій. Дьяволъ.
588-589. Комическая опера XVIII вѣка: Аблесимовъ, Княжнинъ Плавильщиковъ.
590. Андреевъ. Разсказъ о семи повѣшенныхъ.
591-592. Помяловскій. Молотовъ.
593-594. Помяловскій. Вуколъ. Мѣщанское счастье.
595-596. Помяловскій. Очерки бурсы.
597-599. Русская лирика. Сборникъ. Составилъ Вл. Ходасевичъ.
600. Грибоѣдовъ. Горе отъ ума. Подъ ред. Н. К. Пиксанова.

Г. УЭЛЛСЪ.

Борьба міровъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО
М. Шишмаревой.

издание.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
«УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА»
МОСКВА

МОСКВА—1919.
Тип. Книгоиздат. «Универсальная Библіотека».

КНИГА I.

Прибытіе марсіанъ.

I.

Накануне войны.

Еще недавно, даже въ послѣдніе годы девятнадцатаго вѣка, никто бы не повѣрилъ, если бы сказали, что за человѣческою жизнью на землѣ зорко и неотступно наблюдаютъ разумныя существа, стоящія по развитію выше человѣка, хотя и смертныя, какъ онъ; что покуда люди занимаются своими дѣлами, ихъ изучаютъ и изслѣдуютъ такъ же подробно и обстоятельно, можетъ быть, какъ изучаетъ человѣкъ въ микроскопъ тѣ недолговѣчныя существа, что кишатъ и плодятся въ каплѣ воды. Съ безграничнымъ самодовольствомъ снуютъ люди по земному шару, устраивая свои дѣлишки, счастливые безмятежной увѣренностью въ своей власти надъ матеріей. Возможно, что и инфузоріи подъ микроскопомъ поступаютъ такъ же. Никому не приходило въ голову думать о болѣе старыхъ мірахъ, какъ объ источникѣ опасности для человѣка, и самую мысль о возможности жизни на нихъ отвергали, какъ совершенно неправдоподобную. Любопытно припомнить теперь нѣкоторыя изъ ходячихъ представленій тѣхъ недавнихъ, но уже минувшихъ дней. Мы, жители Земли, еще кое-какъ допускали, что на Марсѣ могутъ быть люди, которые, вѣроятно, стоятъ ниже насъ по развитію и съ радостью примутъ всякую миссіонерскую попытку съ нашей стороны. А между тѣмъ, по ту сторону неизмѣримой бездны пространства умы, передъ которыми

нашъ умъ—то же, что умъ животнаго передъ человѣческимъ умомъ,—умы широкіе, холодные и враждебные смотрѣли на нашу планету завистливымъ окомъ и медленно, но съ вѣрнымъ разсчетомъ, ковали козни противъ насъ. И вотъ, въ началѣ двадцатаго вѣка насталъ моментъ великаго крушенія иллюзій.

Планета Марсъ, какъ мнѣ едва ли нужно напоминать читателю, обращается вокругъ солнца на разстояніи приблизительно 140,000,000 миль и получаетъ отъ него лишь половину того количества свѣта и тепла, какое получаетъ Земля. Если гипотеза туманнаго образованія имѣетъ какое-нибудь основаніе, то Марсъ долженъ быть старше земли, и задолго до того, какъ застыла земная кора, на поверхности Марса должна была начаться жизнь. Тотъ фактъ, что Марсъ по объему въ семь слишкомъ разъ меньше Земли, долженъ былъ ускорить его охлажденіе до той температуры, когда можетъ возникнуть жизнь. На Марсѣ есть воздухъ и вода и все необходимое для поддержанія животнаго организма.

Но такъ тщеславенъ человѣкъ и такъ ослѣпленъ своимъ тщеславіемъ, что ни у одного писателя, вплоть до конца девятнадцатаго вѣка, мы не находимъ и намека на то, чтобы развитіе умственной жизни на Марсѣ могло обогнать или даже догнать развитіе ея на Землѣ. Не понимали, говоря вообще, и того, что такъ какъ Марсъ старше Земли и удаленнѣе отъ солнца, онъ неизбѣжно долженъ былъ не только больше отдалиться отъ начала жизни, но и ближе подойти къ концу.

Вѣковой процессъ охлажденія, который когда-нибудь завершится и для нашей планеты, у нашей сосѣдки зашелъ уже довольно далеко. Физическое состояніе Марса — все еще загадка для насъ въ значительной мѣрѣ; но намъ уже извѣстно, что даже въ экваторіальныхъ его областяхъ полуденная температура еле-еле до-

стигаетъ температуры самой холодной нашей зимы. Воздухъ на Марсѣ болѣе разрѣженъ, чѣмъ у насъ, уровень воды въ его океанахъ понизился, и теперь она покрываетъ только треть его поверхности, а при каждой смѣнѣ его длительныхъ временъ года на полюсахъ его попеременно накопляются и таютъ огромныя залежи снѣга, періодически затопляя его умѣренные пояса. Эта послѣдняя стадія умиранія, для насъ еще невѣроятно далекая, для жителей Марса стала насущнымъ, злободневнымъ вопросомъ. Неотложная, гнетущая необходимость изощрила ихъ умъ, расширила ихъ рессурсы и ожесточила сердца. И вотъ, вооруженные умомъ и инструментами, о какихъ мы еще и не мечтали, они пронизываютъ взоромъ пространство и въ ближайшемъ отъ нихъ разстояніи, въ какихъ-нибудь 35,000, ‹0 миль по направленію къ солнцу, видятъ новую зарю для себя, зарю надежды—нашу, болѣе теплую планету, зеленѣющую растительностью, синѣющую массой воды,—видятъ Землю, съ ея облачной атмосферой, краснорѣчиво говорящей о плодородіи почвы, и гдѣ, сквозь мелькающіе иногда просвѣты между бѣгущими облаками виднѣются широкія полосы населенныхъ странъ и узкія ленты усѣянныхъ судами морей.

Мы же, люди, существа, живущія на Землѣ, мы имъ такъ же чужды и должны казаться имъ такими же низшими существами, какими кажутся намъ обезьяны и лемуры. Умъ человѣческій уже допускаетъ, что жизнь есть вѣчная борьба за существованіе; такъ же, повидимому, думаютъ и жители Марса. Ихъ планета теперь почти остыла, а наша еще кишитъ жизнью, но населена она существами, на которыхъ марсіане смотрятъ какъ на низшихъ животныхъ. И единственнымъ для нихъ избавленіемъ отъ вѣрной гибели, надвигающейся на нихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, было перенестись ближе къ солнцу, на нашу планету,—пойти на насъ войной.

Не будемъ однако судить ихъ слишкомъ строго: припомнимъ лучше, какое безжалостное, какое полное истребленіе приносила съ собой наша собственная раса не только животнымъ (вспомните исчезнувшихъ бизоновъ и додо *), но и низшимъ человѣческимъ расамъ. Тасманійцы, несмотря на свой человѣческій образъ, на протяженіи какихъ-нибудь пятидесяти лѣтъ были сметены съ лица земли въ истребительной войнѣ, поднятой противъ нихъ европейскими эмигрантами. Что мы за апостолы милосердія, въ самомъ дѣлѣ, чтобы быть въ правѣ роптать, если марсіане вели войну въ такомъ же духѣ?

Марсіане разсчитали свой полетъ съ поразительной точностью (ихъ математическія познанія, очевидно, далеко превосходятъ наши) и съ полнѣйшимъ единодушіемъ довели свои приготовленія до конца. Обладай мы болѣе совершенными телескопами, мы бы давно уже, еще въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, могли замѣтить собирающуюся грозу. Красную планету (странная вещь, къ слову сказать: планета Марсъ вѣками считалась звѣздою войны) наблюдали такіе ученые, какъ Скіапарелли, но не умѣли объяснить происхожденія тѣхъ дрожащихъ свѣтовыхъ точекъ, которыя они съ такою точностью заносили на карты. А это марсіане готовились къ войнѣ.

Во время противостоянія 1894 года, сначала съ Ликской обсерваторіи, потомъ Перротэномъ въ Ниццѣ и, наконецъ, другими наблюдателями былъ замѣченъ яркій свѣтъ на освѣщенной части диска Марса. Англійскіе читатели узнали объ этомъ впервые изъ книжки Nature отъ 2-го августа. Появленіе этого яркаго свѣта, мнѣ кажется, объясняется тѣмъ, что марсіане въ это время отливали гигантскую пушку въ глубокой буровой скважинѣ, продѣланной въ поч-

---

*) Вымершая порода птицъ

вѣ ихъ планеты, откуда потомъ и стрѣляли по насъ. Во время двухъ слѣдующихъ противостояній близъ того же самаго мѣста были замѣчены какія-то особенныя пятна, еще не получившія объясненія.

Гроза разразилась надъ нами шесть лѣтъ тому назадъ. Когда Марсъ приблизился къ противостоянію, телеграфныя проволоки между всѣми обсерваторіями земного шара усиленно заработали, передавая съ Явы отъ Лавелля поразительное извѣстіе о колоссальномъ взрывѣ раскаленнаго газа на этой планетѣ. Случилось это около полуночи 12-го августа, и спектроскопъ, къ которому сейчасъ же обратился Лавелль, показалъ, что огромная масса горящаго газа, преимущественно водорода, съ неимовѣрной быстротой несется съ Марса къ Землѣ. Около четверти перваго этотъ огненный потокъ сталъ невидимъ. Казалось, колоссальный столбъ огня внезапно съ необычайной силой вырвался изъ нѣдръ планеты «совершенно такъ, какъ вырывается горящій газъ изъ пушки при выстрѣлѣ» говоритъ Лавелль.

Его сравненіе оказалось удивительно точнымъ. И однако, на другой день объ этомъ не появилось ни строчки въ газетахъ, кромѣ небольшой статейки въ «Daily Telegraph», и міръ продолжалъ пребывать въ невѣдѣніи одной изъ величайшихъ опасностей, когда либо грозившихъ человѣческой расѣ. Я, можетъ быть, и совсѣмъ не зналъ бы объ изверженіи на Марсѣ, не повстрѣчайся я съ Огильви, извѣстнымъ астрономомъ въ Оттершоу. Онъ былъ потрясенъ этимъ извѣстіемъ и, въ избыткѣ своихъ взволнованныхъ чувствъ, предложилъ мнѣ сейчасъ же итти съ нимъ на обсерваторію и заняться ночью наблюденіемъ надъ красной планетой.

Я отчетливо помню эту ночь бдѣнія, даже послѣ всего того, что случилось потомъ. Черное, безмолвное зданіе обсерваторіи, затѣненный фо-

нарь, отбрасывающій слабый свѣтъ на полъ въ углу, назойливое, тиканье часового механизма телескопа, узкая щель въ потолкѣ и глядящая въ нее сверху бездонная глубина неба съ разсыпанными по ней звѣздами... Огильви двигался по комнатѣ невидимый, но слышный. Я заглянулъ въ телескопъ и увидѣлъ кружокъ темно-синяго неба и на немъ, въ полѣ зрѣнія, маленькую круглую планету. Чуть-чуть сплюснутая съ двухъ сторонъ, съ слабо обозначавшимися на ней поперечными полосами, она свѣтилась серебристотеплымъ свѣтомъ и казалась такою ничтожной, такою слабой и спокойной. Какая-то крапинка свѣта. Она какъ будто дрожала слегка, но это просто телескопъ дрожалъ отъ часового механизма, удерживавшаго планету въ полѣ зрѣнія.

Я смотрѣлъ на нее, и мнѣ казалось, что она то увеличивается, то уменьшается, то приближается, то отступаетъ; но это объяснялось просто усталостью моихъ глазъ. Сорокъ милліоновъ миль отдѣляли насъ отъ нея—40,000,000 слишкомъ миль пустоты. Рѣдко кто ясно представляетъ себѣ всю безграничность безвоздушнаго пространства, въ которомъ носятся пылинки матеріальнаго міра.

Недалеко отъ Марса, въ полѣ зрѣнія, виднѣлись, я помню, три крошечныя свѣтлыя точки—три безконечно далекія звѣзды, видимыя только въ телескопъ; а кругомъ была непроницаемая бездонная тьма пустого пространства. Вы знаете, какою глубокою кажется эта чернота въ морозную звѣздную ночь. Въ телескопъ она кажется гораздо глубже. И въ этой тьмѣ, невидимое мною—такъ далеко оно было и такъ мало — съ невѣроятно огромнаго разстоянія, приближаясь съ каждой минутой на тысячи миль, быстро и неуклонно неслось ко мнѣ нѣчто, посланное намъ марсіанами,—то, что должно было принести на землю столько борьбы, столько бѣдствій и смертей. У меня и мысли не мелькало

ни о чемъ подобномъ, пока я смотрѣлъ въ телескопъ. Да и никто на Землѣ не думалъ въ ту ночь объ этомъ несшемся къ намъ, безошибочно направленномъ метательномъ снарядѣ.

И въ эту ночь на Марсѣ было изверженіе газа. Я видѣлъ его. Красноватая вспышка на краю диска, чуть замѣтное измѣненіе очертаній... Это поризошло какъ разъ въ тотъ моментъ, когда хронометръ пробилъ полночь. Я сказалъ Огильви, и онъ занялъ мое мѣсто у телескопа. Ночь была жаркая, и мнѣ хотѣлось пить. Неловко вытягивая ноги, я ощупью въ темнотѣ направился къ столику, на которомъ стоялъ сифонъ. Вдругъ Огильви вскрикнулъ: онъ увидалъ струю горящаго газа, которая неслась къ Землѣ.

Въ эту ночь второй невидимый снарядъ полетѣлъ съ Марса на Землю, ровно черезъ двадцать четыре часа послѣ перваго, безъ одной или двухъ секундъ. Помню, какъ я сидѣлъ на кончикѣ стола въ темнотѣ и какъ передъ глазами у меня плавали зеленые и красные круги. Я думалъ о томъ, какъ было бы хорошо сидѣть у огня и курить; я и не подозрѣвалъ значенія слабой вспышки, которую только что видѣлъ, и всего того, что она принесетъ мнѣ съ собой. Огильви продолжалъ свои наблюденія до часу, а потомъ мы засвѣтили фонарь и пошли къ нему домой. Внизу, подъ нами, въ темнотѣ, раскинулись Оттершоу и Чертси съ ихъ сотнями мирно спавшихъ людей.

Въ ту ночь состояніе Марса сильно занимало Огильви. Онъ много говорилъ о немъ и смѣялся надъ дикой идеей, будто на Марсѣ есть живыя существа, и что это они сигнализируютъ намъ. Быть можетъ, тамъ происходило большое вулканическое изверженіе, а можетъ быть, это метеоры падали на планету тяжелымъ дождемъ,—таково было его объясненіе. Онъ ставилъ мнѣ на видъ всю неправдоподобность предположенія, чтобы на двухъ сосѣднихъ планетахъ органическая эволюція могла пойти однимъ и тѣмъ же путемъ.

«Милліонъ шансовъ противъ одного, что на Марсѣ нѣтъ человѣкоподобныхъ существъ», говорилъ онъ.

Сотни наблюдателей видѣли на Марсѣ огонь около полуночи въ ту ночь и въ слѣдующую, и такъ десять ночей кряду. Почему послѣ десятой ночи выстрѣлы прекратились, никто на Землѣ не пытался объяснить. Возможно, что образовывавшіеся при каждомъ выстрѣлѣ газы причиняли какія-нибудь неудобства марсіанамъ. Густыя тучи дыма или пыли, казавшіяся на Землѣ даже въ сильный телескопъ маленькими сѣрыми движущимися пятнышками, заволакивали ясную атмосферу Марса, скрывая отъ насъ его знакомыя очертанія.

Даже газеты, наконецъ, обезпокоились столь необычными явленіями: повсюду появились популярныя статьи о вулканахъ на Марсѣ. Юмористическій журналъ «Punch», помнится, сдѣлалъ весьма удачное примѣненіе этой темы къ политическимъ каррикатурамъ. А невѣдомые подарки, посланные намъ марсіанами, тѣмъ временемъ неслись къ Землѣ сквозь бездну пустого пространства, пролетая теперь уже помногу миль въ секунду и приближаясь къ намъ часъ за часомъ, день за днемъ. Теперь мнѣ кажется почти невѣроятнымъ, какъ могли люди заниматься своими маленькими дѣлишками подъ этимъ, занесеннымъ надъ ними, разящимъ мечомъ. Помню, какъ радовался Маркгэмъ, когда досталъ новый фотографическій снимокъ Марса для иллюстрированной газеты, которую онъ тогда издавалъ. Люди новаго поколѣнія не могутъ представить себѣ, какъ обильны, и какъ предпріимчивы были газеты девятнадцатаго столѣтія. О себѣ же скажу, что я былъ слишкомъ занятъ упражненіями въ ѣздѣ на велосипедѣ и слишкомъ поглощенъ чтеніемъ по вопросу о вѣроятномъ развитіи моральныхъ идей съ развитіемъ цивилизаціи, чтобы много думать о Марсѣ

Однажды вечеромъ (первый снарядъ марсіанъ былъ въ то время не болѣе какъ въ 10,000,000 миль отъ насъ) мы съ женою вышли прогуляться. Небо было звѣздное. Я объяснялъ женѣ знаки Зодіака и показалъ ей Марсъ—медленно двигавшуюся къ зениту крапинку свѣта, на которую въ эту минуту было направлено столько телескоповъ. Ночь была теплая. Насъ обгоняли группы гуляющихъ, возвращавшихся съ пѣніемъ и музыкой въ Чертси и въ Айльвортъ. Въ верхнихъ окнахъ домовъ виднѣлся свѣтъ: ихъ обитатели укладывались спать. Со станціи желѣзной дороги доносился далекій грохотъ маневрирующихъ поѣздовъ, смягченный разстояніемъ и казавшійся почти мелодичнымъ. Жена указала мнѣ рукой на ихъ зеленые, красные и желтые сигнальные огни, ярко выдѣлявшіеся на темномъ фонѣ неба. Все кругомъ дышало такой безопасностью и покоемъ...

II.

Падучая звѣзда.

Но вотъ настала ночь первой падучей звѣзды. Раннимъ утромъ видѣли, какъ она огненной чертой пронеслась высоко надъ Винчестеромъ по направленію къ востоку. Ее навѣрное замѣтили сотни людей и приняли за обыкновенную падучую звѣзду. Альбинъ говорилъ, что она оставляла по себѣ зеленоватый слѣдъ, свѣтившійся въ теченіе нѣсколькихъ секундъ. Деннингъ, величайшій изъ нашихъ авторитетовъ по метеорологіи, опредѣлилъ высоту ея полета въ моментъ ея появленія—въ девяносто, сто миль. Ему показалось, что она упала на Землю миль за сто отъ того мѣста, гдѣ онъ находился въ тотъ моментъ.

Въ этотъ часъ я былъ дома и писалъ у себя въ кабинетѣ; но хотя окна мои выходили на Оттершоу и шторы у меня были подняты (я лю-

билъ смотрѣть на небо ночью), я ничего не видалъ. А между тѣмъ этотъ странный предметъ—самое странное изъ всего, что когда-либо попадало на землю изъ безвоздушнаго пространства—долженъ былъ упасть именно въ то время, когда я сидѣлъ у себя, и я бы видѣлъ его, если бы поднялъ глаза въ тотъ моментъ, когда онъ пролеталъ. Нѣкоторые изъ видѣвшихъ его говорятъ, что полетъ его сопровождался какимъ-то особеннымъ, свистящимъ звукомъ. Я ничего не слыхалъ. Въ Беркширѣ, Сурреѣ и Миддльсексѣ многіе должны были видѣть его паденіе, но, вѣроятно, подумали, что это упалъ метеоръ. Въ ту ночь никто, какъ кажется, не далъ себѣ труда пойти взглянуть на упавшій предметъ.

Но бѣдный Огильви, который видѣлъ падучую звѣзду и былъ увѣренъ, что гдѣ-нибудь въ полѣ между Горселемъ, Оттершоу и Уокингомъ лежитъ метеоръ, поднялся на зарѣ съ твердымъ намѣреніемъ отыскать его. И онъ нашелъ его очень скоро неподалеку отъ ямъ, гдѣ копаютъ песокъ. Тяжелый снарядъ при паденіи вырылъ въ землѣ огромную яму, съ силой разбросавъ во всѣ стороны гравій и мелкій песокъ, образовавшій довольно высокія кучи, видныя издали мили за полторы. Къ востоку отъ этого мѣста горѣлъ верескъ, и къ утреннему небу тянулся тонкой струйкой голубой дымокъ.

Самъ же таинственный предметъ лежалъ, совсѣмъ почти зарывшись въ песокъ, среди разбросанныхъ щепокъ отъ сосны, которую онъ сокрушилъ въ своемъ паденіи. Та его часть, которая выступала наружу, имѣла видъ громаднаго цилиндра, ярдовъ въ тридцать въ діаметрѣ, сплошь покрытаго, какъ чешуей, толстымъ слоемъ коричневаго нагара, смягчавшимъ его очертанія. Огильви подошелъ ближе, дивясь размѣрамъ, а главное—формѣ метеора, ибо обыкновенно метеоры имѣютъ болѣе или менѣе закругленную форму. Но очень близко подходить было

нельзя, такъ какъ метеоръ еще не остылъ послѣ своего полета чрезъ атмосферу и былъ очень горячъ. Странный шорохъ, выходившій какъ будто изнутри его, Огильви приписалъ неравномѣрному охлажденію его поверхности: въ то время ему не приходило въ голову, что этотъ цилиндръ можетъ быть полымъ внутри.

Огильви стоялъ у края ямы, вырытой страннымъ метеоромъ, и въ недоумѣніи смотрѣлъ на него, не зная, чѣмъ объяснить его необыкновенную форму и цвѣтъ, но и тогда уже смутно усматривая нѣкоторую сознательность и преднамѣренность въ появленіи его на землѣ. Было удивительно тихое утро, и солнце, только-что показавшееся надъ соснами у Вейбриджа, уже грѣло. Какъ говорилъ потомъ Огильви, онъ не помнилъ, чтобы въ то утро пѣли птицы; вѣтра же навѣрное не было, и слабый шорохъ внутри цилиндра былъ единственнымъ звукомъ, нарушавшимъ тишину. Кромѣ его самого на полѣ не было ни души.

Вдругъ онъ замѣтилъ съ изумленіемъ, что темный нагаръ или накипь, покрывавшая метеоръ, отпадаетъ съ его закругленной верхушки. Она отпадала цѣлыми хлопьями, сыпавшимися на песокъ. Но вотъ отвалился большой кусокъ и упалъ съ рѣзкимъ стукомъ, отъ котораго у Огильви заколотилось сердце.

Съ минуту онъ стоялъ въ недоумѣніи, не понимая, что это значитъ; потомъ, несмотря на сильный жаръ, который шелъ отъ метеора, спустился въ яму и подошелъ къ нему, чтобъ хорошенько разсмотрѣть, въ чемъ дѣло. Даже и тогда еще онъ склоненъ былъ объяснить это явленіе неравномѣрнымъ охлажденіемъ цилиндра; но такому объясненію противорѣчилъ тотъ фактъ, что нагаръ отпадалъ только съ верхушки.

И тутъ онъ вдругъ увидѣлъ, что эта верхушка или крышка цилиндра вращается. Движеніе было настолько медленное, что, можетъ быть,

онъ ничего не замѣтилъ бы, если бы не обратилъ случайно вниманія на черное пятнышко у окружности крышки, которое сначала было совсѣмъ близко отъ него, а черезъ пять минутъ очутилось по другую сторону крышки. Но и теперь онъ не вполнѣ понималъ, что это означаетъ, пока не услышалъ глухого звука тренія и не увидѣлъ, что черное пятнышко разомъ передвинулось впередъ на дюймъ или около того. Тутъ только его осѣнило: цилиндръ сдѣланъ искусственно,— онъ полый внутри, и крышка отвинчивается. Ее отвинчиваетъ кто-то сидящій въ цилиндрѣ.

«Господи Боже!», воскликнулъ Огильви. «Тамъ человѣкъ... тамъ люди. Они стараются вылѣзть. Какъ только не испеклись они заживо въ этой жарѣ!»

И мысль его быстрымъ скачкомъ связала появленіе цилиндра съ огненной вспышкой на Марсѣ.

Но такъ ужасно было думать о запертыхъ въ этомъ цилиндрѣ живыхъ существахъ, что Огильви, позабывъ обо всемъ, бросился было отвинчивать крышку, но къ счастью во-время спохватился и не успѣлъ обжечь руки о все еще раскаленный металлъ. Онъ постоялъ въ нерѣшимости, потомъ повернулся, выкарабкался изъ ямы и со всѣхъ ногъ пустился бѣжать въ Уокингъ. Было около шести часовъ. Ему попался навстрѣчу человѣкъ въ повозкѣ, которому онъ пытался что-то такое объяснить; но и разсказъ его и весь его видъ (онъ потерялъ шляпу, закатившуюся въ яму) были такъ дики, что человѣкъ отмахнулся и поѣхалъ дальше. Такая же неудача вышла и съ другимъ,— съ какимъ-то пьяницей, входившимъ въ кабачокъ у Горселльскаго моста какъ разъ въ ту минуту, когда проходилъ Огильви. Тотъ принялъ его за сумасшедшаго и даже сдѣлалъ было безуспѣшную попытку втащить его въ кабакъ и запереть Это немножко отрезвило ученаго, такъ что, когда онъ увидалъ лондонскаго журналиста Гендерсона, копавшагося у себя

въ саду, онъ окликнулъ его чрезъ рѣшетку и заговорилъ сравнительно спокойно:

— Гендерсонъ! Видѣли вы вчера падучую звѣзду?

— Ну? — откликнулся тотъ.

— Она лежитъ теперь на выгонѣ подъ Горселлемъ.

— Ахъ, вотъ что! Метеоръ упалъ? Это хорошо, — сказалъ Гендерсонъ.

— Нѣтъ, это кое-что почище метеора. Это цилиндръ— искусственный цилиндръ, мой другъ. И внутри есть что-то живое.

Гендерсонъ, съ заступомъ въ рукѣ, стоялъ, не понимая.

— Что такое? — переспросилъ онъ. (Гендерсонъ глухъ на одно ухо, надо замѣтить).

Огильви разсказалъ все, что видѣлъ. Гендерсонъ съ минуту переваривалъ его разсказъ, потомъ бросилъ заступъ, схватилъ свою куртку и вышелъ на дорогу. Оба бѣгомъ вернулись на выгонъ. Цилиндръ лежалъ все въ томъ же положеніи, но звуки, слышавшіеся изнутри, теперь прекратились, а между крышкой и тѣломъ цилиндра сверкала узкая полоска свѣтлаго металла, и въ образовавшуюся по ободку щелку либо входилъ, либо выходилъ воздухъ съ тонкимъ шипѣніемъ

Они прислушались, постучали палкой по цилиндру и, не получая отвѣта, пришли къ заключенію, что человѣкъ или люди, сидящіе внутри. потеряли сознаніе или умерли.

Само собою разумѣется, что Огильви съ Гендерсономъ ничего не могли сдѣлать вдвоемъ. Прокричавъ въ щелку нѣсколько словъ ободренія и пообѣщавъ скоро вернуться, они бросились въ городъ за помощью. Можете представить, въ какомъ видѣ — взволнованные, растерзанные, обсыпанные пескомъ — бѣжали они въ то ясное утро по маленькой улицѣ городка, какъ разъ въ тотъ ранній часъ, когда онъ просыпался, когда

открывались ставни лавчонокъ и верхнія окна въ домахъ. Гендерсонъ сейчасъ же отправился на станцію желѣзной дороги, чтобы сообщить по телеграфу въ Лондонъ сенсаціонную новость, къ которой газеты уже успѣли подготовить умы.

Къ восьми часамъ толпа мальчишекъ и всякаго празднаго люда явилась на выгонъ смотрѣть «мертвецовъ съ Марса». Въ такомъ видѣ разсказывалась эта исторія. Я услыхалъ ее въ первый разъ отъ газетчика, у котораго всегда беру «Daily Telegraph». Понятно, я былъ пораженъ и, не теряя времени, направился къ песочнымъ ямамъ прямикомъ черезъ Оттершоускій мостъ.

III.

На Горселльскомъ выгонѣ.

Кучка людей, человѣкъ въ двадцать, стояла вокругъ большой ямы, гдѣ лежалъ цилиндръ. Я уже описывалъ этотъ колоссальный снарядъ, почти доверху зарывшійся въ землю. Дернъ вокругъ него обуглился, какъ отъ взрыва. Его паденіе, очевидно, вызвало вспышку огня.

Огильви и Гендерсона тамъ не было. Они, должно быть, сообразили, что пока все равно ничего нельзя предпринять, и отправились завтракать къ Гендерсону.

Четверо или пятеро мальчишекъ сидѣли, свѣсивъ ноги, на краю ямы и забавлялись тѣмъ, что запускали камнями въ цилиндръ. Когда же я строгимъ окрикомъ прекратилъ эту забаву, они принялись играть въ пятнашки, шныряя подъ ногами у остальной публики.

Въ числѣ ея было два велосипедиста, знакомый мнѣ садовникъ, работавшій иногда у меня поденно, какая-то дѣвушка съ ребенкомъ на рукахъ, нашъ мясникъ Греггъ съ сынишкой и два-три бродяги изъ тѣхъ, что постоянно шатаются по вокзаламъ. Разговоровъ почти не было слышно. Англійское простонародье въ тѣ дни имѣло,

говоря вообще, весьма смутное представленіе объ астрономіи. Большинство присутствующихъ молча таращило глаза на большую плоскую крышку цилиндра, который оставался въ томъ же положеніи, какъ его видѣли Гендерсонъ и Огильви При видѣ этого бездушнаго колосса, всѣ, думавшіе застать здѣсь груду обугленныхъ тѣлъ, были, вѣроятно, обмануты въ ожиданіяхъ. Нѣкоторые ушли, пока я былъ тамъ; на смѣну имъ приходили другіе.

Я спустился въ яму и, только подойдя къ цилиндру вплотную, убѣдился, что это дѣйствительно странный предметъ. На первый взглядъ, въ немъ не было ничего поражающаго, — не больше, чѣмъ въ какомъ-нибудь деревѣ, завалившемся черезъ дорогу, или въ опрокинутой повозкѣ. Больше всего онъ былъ похожъ, пожалуй, на полуоткрытую ржавую газопроводную трубу. Требовалась нѣкоторая степень научной подготовки, чтобы замѣтить, что покрывавшій его темный нагаръ не былъ обыкновенной окисью, и что блестѣвшая между крышкой и тѣломъ цилиндра полоска желтовато-бѣлаго металла имѣла какой-то особенный, незнакомый намъ оттѣнокъ. Опредѣленіе «внѣ-земной» для большинства присутствующихъ было бы пустымъ звукомъ.

Теперь мнѣ стало ясно, что странный предметъ явился къ намъ съ Марса; но мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобы въ немъ были живыя существа. Отвинчиванье крышки могло быть автоматическимъ. Вопреки мнѣнію Огильви, я вѣрилъ, что на Марсѣ есть люди. У меня разыгралась фантазія на ту тему, что цилиндръ, быть можетъ, заключаетъ какую-нибудь рукопись, и какія затрудненія возникнутъ при переводѣ ея, и не окажется ли въ немъ образчиковъ монетъ и т. д. Одно только: для такой цѣли цилиндръ былъ слишкомъ великъ. Меня разбирало нетерпѣніе посмотрѣть, когда его откроютъ. Но крышка теперь не вращалась. Часовъ въ одиннадцать,

видя, что ничего новаго нѣтъ, я пошелъ домой въ Мэйбери, думая объ этомъ странномъ явленіи. Однако, въ тотъ день мнѣ стоило большихъ усилій углубиться въ мою работу.

Послѣ полудня картина Горселльскаго выгона сильно измѣнилась. Весь Лондонъ былъ ошеломленъ огромнымъ заголовкомъ перваго выпуска вечернихъ газетъ:

«ПОСЛАНІЕ СЪ МАРСА»,

«Поразительныя вѣсти изъ Уокинга»

и тому подобное. Кромѣ того, телеграфное сообщеніе Огильви подняло на ноги всѣ обсерваторіи трехъ соединенныхъ королевствъ.

У ямы на дорогѣ стояло съ полдюжины наемныхъ кабріолетовъ изъ Уокинга, легкій фаэтонъ изъ Кобгема и щегольской «собственный» экипажъ, не считая цѣлой арміи велосипедовъ. Кромѣ того, несмотря на жаркій день, много народу пришло пѣшкомъ изъ Уокинга и Чертси, такъ что набралась порядочная толпа. Въ числѣ другихъ было двѣ-три нарядныхъ дамы.

Жара стояла нестерпимая: ни облачка въ раскаленномъ небѣ, ни дуновенія вѣтерка, и только подъ кое-гдѣ разбросанными соснами можно было найти клочокъ тѣни. Горѣвшій верескъ погасили, но ровное поле по направленію къ Оттершоу казалось все чернымъ, насколько хваталъ глазъ, и отъ него все еще тянулись вверхъ струйки дыма. Предпріимчивый бакалейщикъ изъ Кобгема прислалъ сюда сына съ тележкой, нагруженной кислыми яблоками и имбирнымъ пивомъ.

Я подошелъ къ ямѣ. Тамъ стояла кучка людей, человѣкъ шесть, въ томъ числѣ Гендерсонъ, Огильви, какой-то высокій блондинъ (астрономъ Королевской обсерваторіи Стентъ, какъ я узналъ потомъ) и двое-трое рабочихъ, дѣйствовавшихъ заступами и кирками. Стентъ отдавалъ приказанія высокимъ, звонкимъ голосомъ. Онъ

стоялъ на цилиндрѣ, который теперь уже значительно остылъ. Лицо у него раскраснѣлось отъ жары, онъ обливался потомъ и, видимо, былъ чѣмъ-то раздраженъ.

Большая часть цилиндра была уже открыта, но нижнимъ концомъ онъ еще сидѣлъ въ землѣ. Какъ только Огильви увидѣлъ меня въ толпѣ зѣвакъ, обступившихъ яму, онъ крикнулъ мнѣ, чтобы я спускался къ нимъ, и когда я подошелъ, далъ мнѣ порученіе къ владѣльцу сосѣдняго помѣстья, лорду Гильтону.

Все прибывавшая толпа (сказалъ мнѣ Огильви) начинала серьезно мѣшать ихъ землянымъ работамъ, особенно ребятишки. Необходимо было обнести яму рѣшеткой, чтобы преградить въ нее доступъ постороннимъ. За этимъ-то онъ и просилъ меня сходить къ лорду Гильтону. Онъ сказалъ еще, что изъ цилиндра попрежнему слышится минутами какой-то слабый шорохъ, но что рабочіе не могли отвинтить крышку, потому что она гладкая и не за что ухватиться. «Стѣнки цилиндра, повидимому, очень толсты», прибавилъ Огильви, «и весьма возможно, что до насъ лишь слабымъ звукомъ доносится происходящая внутри кутерьма».

Я съ радостью взялся исполнить порученіе, ибо попадалъ такимъ образомъ въ число привилегированныхъ зрителей, то-есть получалъ мѣсто внутри предпологаемой ограды. Лорда Гильтона я не засталъ, но мнѣ сказали, что его ждутъ изъ Лондона съ шестичасовымъ поѣздомъ; а такъ какъ было всего четверть шестого, то я забѣжалъ домой напиться чаю, послѣ чего уже отправился на станцію, чтобы перехватить милорда по пути.

IV.

Цилиндръ отвинчивается.

Когда я вернулся на вагонъ, солнце садилось. Отдѣльныя группы людей спѣшили со

стороны Уокинга къ ямамъ, человѣка два-три возвращались оттуда. Толпа вокругъ ямы выдѣлялась чернымъ пятномъ на ярко-желтомъ фонѣ неба. Она разрослась теперь человѣкъ до двухсотъ. Слышался гулъ спорящихъ голосовъ, и у ямы, повидимому, происходила какая-то борьба. Самыя странныя догадки мелькали у меня въ головѣ. Подойдя ближе, я услыхалъ голосъ Стента:

— Назадъ! Назадъ!

Навстрѣчу мнѣ бѣжалъ какой-то парень.

— Тамъ кто-то есть внутри, — крикнулъ онъ мнѣ на бѣгу. — Крышка все отвинчивается да отвинчивается. Я боюсь. Я лучше домой пойду.

Я подошелъ къ толпѣ. Тамъ было не меньше двухсотъ или трехсотъ человѣкъ. Всѣ не милосердно толкались, продираясь къ краю ямы, и особенно энергично дѣйствовалъ слабый полъ.

— Человѣкъ въ яму упалъ!—закричалъ кто-то.

— Назадъ! — кричали другіе.

Толпа немного раздалась, и я протискался впередъ. Всѣ были сильно возбуждены. Изъ ямы доносились какіе-то своеобразные скрипящіе звуки.

— Послушайте: помогите убрать отсюда этихъ идіотовъ, — сказалъ мнѣ Огильви. — Почемъ мы знаемъ, что тамъ такое въ этой проклятой машинѣ?

Я увидѣлъ, что какой-то молодой человѣкъ (кажется, это былъ приказчикъ изъ Уокинга) стоитъ на цилиндрѣ, стараясь выкарабкаться изъ ямы, куда его, очевидно, столкнули въ общей давкѣ.

Крышку цилиндра между тѣмъ отвинчивали изнутри. Уже около двухъ футовъ блестящихъ нарѣзовъ винта вышло наружу. Кто-то толкнулъ меня сзади, и я чуть-чуть не полетѣлъ внизъ, прямо на цилиндръ. Я обернулся назадъ. Должно быть, въ этотъ самый моментъ крышка отвинтилась; она со звономъ упала на песокъ. Я оттолкнулся локтемъ отъ стоявшаго у меня за спиной и снова повернулся лицомъ къ ямѣ. Заходящее

солнце било мнѣ въ глаза, и съ минуту мнѣ казалось, что въ зіяющемъ кругломъ отверстіи цилиндра совершенно черно.

Каждый изъ присутствующихъ, я думаю, ожидалъ, что оттуда покажется человѣкъ, быть можетъ, не совсѣмъ похожій на насъ, жителей Земли, но все-таки въ главныхъ чертахъ человѣкъ. Я, по крайней мѣрѣ, былъ въ этомъ увѣренъ. Но, вглядѣвшись, я вдругъ увидалъ что-то сѣрое, копошащееся въ темнотѣ... волнообразныя движенія, и потомъ два большихъ блестящихъ круга — очевидно, глаза. Потомъ изъ этой копошащейся кучи высунулось, извиваясь, что-то похожее на небольшую змѣю, толщиной съ обыкновенную палку, и замахало въ воздухѣ въ мою сторону...А потомъ и другая такая же штука...

У меня морозъ пробѣжалъ по спинѣ. Сзади въ толпѣ громко вскрикнула женщина. Полуобернувшись назадъ, но не отводя глазъ отъ цилиндра, откуда теперь высовывалось уже нѣсколько щупальцевъ-змѣй, я принялся проталкиваться назадъ отъ края ямы. Я видѣлъ, какъ удивленіе смѣнилось ужасомъ на лицахъ стоявшихъ подлѣ меня людей. Со всѣхъ сторонъ раздавались испуганные возгласы. Толпа шарахнулась назадъ. Приказчикъ изъ Уокинга все еще не могъ выкарабкаться наверхъ. Я очутился одинъ и видѣлъ, какъ бросились бѣжать люди, бывшіе по другую сторону ямы, и между ними Стентъ. Я снова взглянулъ на цилиндръ, и меня обуялъ неодолимый ужасъ. Ноги мои приросли къ мѣсту; я не могъ пошевелиться и не могъ не смотрѣть.

Изъ цилиндра очень медленно и съ усиліемъ вылѣзала какая-то сѣроватая круглая туша, ростомъ, пожалуй, съ медвѣдя. Когда это странное существо вылѣзло настолько, что на него упалъ свѣтъ, я замѣтилъ, что все его тѣло блеститъ, какъ мокрая кожа. Оно было круглое, и у него было что-то въ родѣ лица. Большіе тем-

ные глаза смотрѣли прямо на меня. Подъ глазами былъ ротъ, но безъ губъ. Этотъ ротъ то подергивался, то широко разѣвался, глотая воздухъ, и изъ него текла слюна. Все тѣло конвульсивно пульсировало отъ усиленныхъ вдыханій. Одно мягкое щупальце уцѣпилось за край цилиндра, другое болталось въ воздухѣ.

Кто не видалъ живого марсіанина, тотъ никогда не пойметъ, до чего ужасающій видъ у этихъ существъ. Своеобразный ротъ въ видѣ ижицы, повернутой кверху ногами; полное отсутствіе надбровныхъ дугъ, отсутствіе подбородка подъ клинообразной нижней губой; эти мягкія щупальца, какъ змѣи у Горгоны; эти шумныя вдыханія легкихъ въ чуждой атмосферѣ; эта видимая затрудненность движеній—результатъ большей силы притяженія на Землѣ, а главное, этотъ упорный взглядъ огромныхъ глазъ,—все это вызывало чувство, близкое къ дурнотѣ. Что-то невыразимо-страшное было въ этой маслянистой, какъ на грибахъ, коричневато-сѣрой кожѣ, въ неуклюжей обдуманности этихъ медленныхъ движеній. Съ перваго же взгляда, съ первой встрѣчи моей съ этими гадами, отвращеніе и ужасъ наполнили мою душу.

Чудовище вдругъ скрылось. Перевѣсившись черезъ край цилидра, оно шлепнулось въ яму съ глухимъ стукомъ, точно большой кожаный мячъ. Я слышалъ, какъ оно вскрикнуло какимъ-то особеннымъ, грубымъ голосомъ, послѣ чего въ темнѣющей впадинѣ отверстія цилиндра показалось другое такое же существо.

Столбнякъ мой разомъ прошелъ. Я повернулся и бросился бѣжать, какъ сумасшедшій, къ ближайшей группѣ деревьевъ, виднѣвшихся ярдовъ за сто впереди. Но я бѣжалъ зигзагами и спотыкался, потому что не могъ не оглядываться на то, что пугало меня.

Тамъ, въ рощицѣ молодыхъ сосенъ, я остановился, задыхаясь, и сталъ ждать, что будетъ

дальше. Весь выгонъ вокругъ ямы былъ усѣянъ народомъ. Этихъ людей, какъ и меня, пригвоздилъ къ мѣсту страхъ: они стояли и во всѣ глаза смотрѣли на невиданныя существа или, вѣрнѣе, на взрытый песокъ у края ямы, въ которой тѣ копошились. И вдругъ я увидѣлъ съ новымъ испугомъ, что надъ ямой то высовывается, то снова скрывается какой-то круглый черный предметъ. Это была голова свалившагося въ яму приказчика, казавшаяся издали маленькимъ круглымъ пятномъ, чернѣвшимъ на фонѣ заката. Но вотъ показалось плечо: онъ всталъ было на край однимъ колѣномъ, а потомъ, должно быть, соскользнулъ, потому что опять была видна только голова. Вдругъ онъ совсѣмъ исчезъ, и мнѣ почудился какъ будто слабый крикъ. На мигъ у меня явилось побужденіе бѣжать къ нему на выручку, но страхъ превозмогъ это чувство.

Затѣмъ не стало видно ничего: куча песку, набросаннаго при паденіи цилиндра, скрывала отъ глазъ происходившее въ ямѣ. Всякій, кому довелось бы проходить въ это время по дорогѣ изъ Кобгема или изъ Уокинга, былъ бы пораженъ необычайной картиной: толпа народу, человѣкъ въ сто слишкомъ, но съ каждой минутой рѣдѣющая, стояла неправильнымъ кругомъ и, прячась—кто въ канавѣ, кто въ кустахъ, кто за калиткой или за изгородью—и почти не обмѣниваясь никакими словами, а развѣ лишь короткими возбужденными возгласами, таращила глаза на какія-то кучи песку. Брошенная своимъ владѣльцемъ тележка съ яблоками вырисовывалась чернымъ силуэтомъ на багровомъ небѣ. Тутъ же тянулся рядъ опустѣвшихъ экипажей безъ кучеровъ, но съ лошадьми, которыя ѣли овесъ изъ подвѣшенныхъ подъ морды торбъ и рыли землю копытомъ.

V.

Тепловой лучъ.

Съ той минуты, когда я увидѣлъ марсіанъ вылѣзавшихъ изъ цилиндра, въ которомъ они прилетѣли къ намъ со своей планеты, меня какъ будто сковали какія-то чары, парализовавшія всѣ мои движенія. Я продолжалъ, какъ околдованный, стоять подъ деревьями, по колѣна въ высокой травѣ, и безсмысленно глазѣть на кучу песку, скрывавшую отъ меня этихъ пугалъ. Страхъ и любопытство боролись во мнѣ.

Я не рѣшался снова подойти къ ямѣ, но меня томило страстное желаніе заглянуть въ нее. Я отправился поэтому въ обходъ, въ поискахъ удобнаго пункта для наблюденій, описывая большой кругъ и поминутно оглядываясь на песчаную кучу. Я видѣлъ, какъ взметнулся кверху противъ солнца пучекъ темныхъ мягкихъ щупальцевъ, напоминавшихъ лапы осьминога, и сейчасъ же скрылся, а потомъ изъ ямы сталъ выдвигаться, постепенно раскладываясь, длинный колѣнчатый шестъ съ укрѣпленнымъ на верхушкѣ металлическимъ дискомъ, вертѣвшимся, какъ волчокъ, на оси. Что бы такое могло это быть?..

Большинство зрителей разбилось на двѣ группы. Одна, поменьше. стояла въ сторонѣ Уокинга, другая—въ сторонѣ Кобгема. Всѣ, очевидно, раздѣляли мою душевную борьбу. Нѣсколько человѣкъ стояло близко отъ меня. Я подошелъ къ одному (это былъ мой сосѣдъ по деревнѣ; я его узналъ, хоть и не зналъ его фамиліи) и заговорилъ, хотя для связной бесѣды моментъ былъ едва ли подходящій.

— Какіе гады!—сказалъ онъ.—Господи! Что за гнусные гады!—Онъ повторялъ это безъ конца.

— Въ ямѣ человѣкъ остался. Вы видѣли?—спросилъ я. Но онъ ничего не отвѣтилъ.

Мы замолчали и довольно долго продолжали

свои наблюденія, стоя рядомъ и, кажется, испытывая нѣкоторое облегченіе отъ того, что были вмѣстѣ. Потомъ я перешелъ на другое мѣсто— на бугорокъ, откуда было виднѣе, и когда я оглянулся, отыскивая глазами моего недавняго сосѣда, я увидѣлъ, что онъ идетъ въ Уокингъ.

Закатъ смѣнился сумерками, а на выгонѣ не произошло ничего новаго. Вдали, налѣво, въ сторонѣ Уокинга, толпа какъ будто прибывала, и оттуда доносился теперь неясный гулъ голосовъ. Кучка людей со стороны Кобгема разошлась. Яма, гдѣ лежалъ цилиндръ, не подавала никакихъ признаковъ жизни.

Должно быть, это болѣе всего другого ободрило публику, а можетъ быть, и подходившіе изъ Уокинга новые зрители способствовали успокоенію умовъ. Какъ бы то ни было, но съ наступленіемъ темноты возобновилось непрерывное движеніе по направленію къ ямѣ, которое все разрасталось: люди замѣтно набирались храбрости, видя, что около мѣста, гдѣ лежитъ цилиндръ, продолжаетъ царить тишина. Со всѣхъ сторонъ приближались по двѣ, по три черныя фигуры: онѣ шли, останавливались, всматривались въ темноту и подходили ближе, постепенно растягиваясь вокругъ ямы тонкимъ неправильнымъ полумѣсяцемъ, который скоро долженъ былъ сомкнуться въ кругъ. Я тоже началъ понемногу подходить.

Нѣсколько человѣкъ кучеровъ и еще какихъ-то людей смѣло вышли впередъ, и вслѣдъ затѣмъ я услышалъ стукъ колесъ и конскихъ копытъ. Потомъ я видѣлъ, какъ молодой парень, сынъ бакалейщика, катилъ свою телѣжку съ яблоками. А потомъ, ярдахъ въ тридцати отъ ямы, со стороны Горселля, показалась небольшая черная кучка людей. Шедшій впереди махалъ бѣлымъ флагомъ.

Это была депутація. Какъ оказалось потомъ, былъ на скорую руку созванъ совѣтъ, и такъ

какъ марсіане, несмотря на свою отталкивающую внѣшность, были, очевидно, существа разумныя, то на совѣтѣ и порѣшили отправить къ нимъ депутацію .и какъ-нибудь, при помощи сигналовъ, дать имъ понять, что и мы тоже разумныя существа

Бѣлый флагъ развѣвался ближе и ближе. Вотъ онъ свернулъ вправо, потомъ влѣво. Я стоялъ слишкомъ далеко, чтобы различить фигуры, но впослѣдствіи я узналъ, что въ числѣ участниковъ этой попытки завязать сношенія съ марсіанами были Огильви, Стентъ и Гендерсонъ. Эта кучка депутатовъ съ флагомъ вступила внутрь теперь уже почти сомкнутаго круга зрителей, отъ котораго сейчасъ же отдѣлилось нѣсколько темныхъ фигуръ и послѣдовало за нею на почтительномъ разстояніи.

Вдругъ вспыхнулъ яркій свѣтъ, изъ ямы одинъ за другимъ вылетѣло и потянулось вверхъ въ тихомъ воздухѣ три столба свѣтящагося зеленоватаго дыма.

Дымъ этотъ (пожалуй, слово «пламя» было бы здѣсь болѣе у мѣста) свѣтился такъ ярко, что и темно-синее небо, и все тянувшееся къ Чертси, подернутое мглой, темное поле съ разбросанными по немъ соснами какъ будто провалились въ темноту отъ этого свѣта, и послѣ того, какъ онъ разсѣялся, казались еще чернѣе.

Между тѣмъ изъ ямы слышалось шипѣнье. Пораженная этими явленіями депутація, со своимъ бѣлымъ флагомъ на высокомъ шестѣ, остановилась по другую сторону ямы, прямо противъ меня. Такая маленькая, ничтожная горсточка черныхъ фигурокъ на черной землѣ! Съ каждой вспышкой зеленаго дыма ихъ лица становились зеленовато-блѣдными, какъ у мертвецовъ, а потомъ снова уходили въ темноту.

Но вотъ, мало-по-малу шипѣнье перешло въ жужжанье и, наконецъ, въ громкое, протяжное гудѣніе. Изъ ямы, точно привидѣніе, медленно

поднялась какая-то безформенная фигура, и отъ нея во всѣ стороны брызнули яркіе лучи.

Вслѣдъ затѣмъ по разбросанной человѣческой толпѣ побѣжалъ, перескакивая съ одного на другого, настоящій огонь. Въ этихъ людей словно ударяли невидимой струей, сейчасъ же превращавшейся въ бѣлое пламя. Казалось, что каждый, въ кого попадала такая струя, внезапно и мгновенно загорался.

И при свѣтѣ этого пламени, приносившаго гибель, я видѣлъ, какъ одни шатались и падали, а другіе обращались въ бѣгство.

Я стоялъ ошеломленный, не понимая еще, что это носится смерть, выхватывая человѣка за человѣкомъ въ той дальней группѣ людей. Я чув ствовалъ только, что происходитъ что-то стран ное. Одна ослѣпительная вспышка свѣта, почти безшумная, — и человѣкъ падалъ и оставался недвижимъ, и какъ только невидимый горящій столбъ переносился выше, надъ головами людей, за ними загорались сосны, и каждый кустикъ, разомъ вспыхнувъ, превращался въ огромный огненный языкъ. Я видѣлъ, какъ вдали, подъ самымъ Нэпгиллемъ, запылали деревянныя постройки, изгороди и деревья.

Быстро и неуклонно сметала все кругомъ эта огненная смерть своимъ невидимымъ, неотразимымъ мечомъ—силой теплоты. По загорѣвшимся поблизости кустамъ я догадался, что она подходитъ ко мнѣ; но я былъ такъ ошеломленъ, что не двинулся съ мѣста. Я слышалъ трескъ огня въ песочныхъ ямахъ; слышалъ, какъ вдругъ болѣзненно заржала лошадь и сейчасъ же затихла. Затѣмъ по всей тянувшейся полукругомъ между мной и марсіанами полосѣ поросшаго верескомъ поля какъ будто провели невидимымъ, но раскаленнымъ пальцемъ: вся темная земля на этомъ мѣстѣ задымилась и затрещала. Вдали, налѣво, подъ Уокингомъ тамъ, гдѣ выходитъ на выгонъ дорога со станціи, что-то рухнуло съ громкимъ

трескомъ. Но тутъ гудѣнье въ ямѣ прекратилось: безформенный черный предметъ тихонько опустился и скрылся изъ глазъ.

Все это произошло такъ быстро, что я не успѣлъ очнуться отъ своего столбняка, какъ все уже кончилось. Если бы эта огненная смерть обошла полный кругъ, я бы и не опомнился, какъ былъ бы убитъ. Но она меня пощадила, неожиданно оставивъ цѣлымъ и невредимымъ во власти ночи, темной и враждебной.

Холмистое поле казалось теперь почти чернымъ: мѣстами лишь подъ темно-синимъ небомъ ранней ночи чуть-чуть бѣлѣли полосы дорогъ. Весь выгонъ разомъ обезлюдѣлъ. Вверху, надъ головой, уже проступали звѣзды, а на западѣ у горизонта еще виднѣлась блѣдно-зеленая полоса, и на ней рѣзкими, темными контурами обрисовывались верхушки сосенъ и крыши домовъ Горселля. Отъ марсіанъ и ихъ приспособленій не оставалось и слѣда; торчалъ только высокій шестъ съ неугомоннымъ зеркаломъ на верхушкѣ, продолжавшимъ вертѣться. Тамъ и сямъ еще дымились, догорая, отдѣльные кусты и деревья, да въ сторонѣ Уокинга, у станціи, отъ домовъ валилъ столбами дымъ, расплываясь въ тихомъ ночномъ воздухѣ.

Если бъ не это и не чувство подавляющаго, смѣшаннаго съ изумленіемъ ужаса, то можно бы сказать, что ничего не измѣнилось. Маленькая горсточка черныхъ фигурокъ съ бѣлымъ флагомъ впереди была вычеркнута изъ жизни,— и конецъ. Мирная тишина вечера какъ будто и не нарушалась.

Я вспомнилъ, что остался одинъ въ темнотѣ, безпомощный, беззащитный. И разомъ, словно что-то обрушившееся извнѣ, на меня напалъ страхъ.

Сдѣлавъ надъ собой усиліе, я повернулся и, спотыкаясь, побѣжалъ прочь.

Страхъ объявшій меня, былъ не сознательный страхъ, а паническій ужасъ, не только передъ

марсіанами, но и передъ окружавшими меня мракомъ и тишиной. Подавленный этимъ ужасомъ, я дошелъ до такого малодушія, что бѣжалъ и плакалъ — тихонько, какъ дитя. Разъ уже заставивъ себя отвернуться отъ страшнаго мѣста, я не рѣшался оглянуться назадъ.

Помню, я испытывалъ странную увѣренность, что со мною играютъ, какъ съ мышью, что вотъ сейчасъ, теперь, когда я почти въ безопасности, таинственная смерть—скорая, какъ свѣтъ,—выскочитъ изъ ямы, гдѣ лежитъ цилиндръ, кинется за мной, настигнетъ и поразитъ.

VI.

Тепловой лучь на Кобгемской дорогѣ.

Для насъ все еще остается загадкой, какимъ способомъ марсіане такъ быстро и безшумно убиваютъ людей. Многіе держатся того мнѣнія, что они какимъ-то образомъ доводятъ до очень высокаго градуса температуру въ запертой камерѣ, абсолютно не проводящей тепла. Затѣмъ этотъ накопленный запасъ теплоты они будто бы направляютъ параллельными лучами на любой намѣченный ими предметъ, посредствомъ отполированнаго параболическаго зеркала неизвѣстнаго состава, совершенно такъ, какъ на маякахъ пускаютъ свѣтовые лучи. Но никѣмъ пока не доказана абсолютно вѣрность этихъ деталей. Какъ бы, впрочемъ, это тамъ ни дѣлалось у нихъ, во всякомъ случаѣ достовѣрно, что суть дѣла въ тепловомъ лучѣ. Тепловая энергія, притомъ невидимая, вмѣсто видимой свѣтовой. Все, что горитъ, вспыхиваетъ огнемъ при одномъ прикосновеніи такого луча. Свинецъ превращается въ жидкость, желѣзо становится мягкимъ, стекло лопается и плавится; а если этотъ лучъ упадетъ въ воду, вода мгновенно превращается въ паръ.

Въ ту ночь, подъ звѣзднымъ небомъ, у песоч-

ныхъ ямъ лежало до сорока человѣческихъ тѣлъ, обуглившихся, обезображенныхъ до неузнаваемости. Всю ночь на выгонѣ отъ Горселля вплоть до Мэйбери пылалъ верескъ, и туда не заглядывала ни одна живая душа.

Должно быть, вѣсть о разыгравшейся тамъ трагедіи почти одновременно облетѣла Кобгемъ, Уокингъ и Оттершоу. Въ Уокингѣ закрылись магазины, а черезъ Горселльскій мостъ и между изгородями, по всей дорогѣ, которая дальше выходитъ на выгонъ, потянулись толпы лавочниковъ и другого празднаго люда, привлеченнаго любопытствомъ. Можете себѣ представить, съ какимъ оживленіемъ, помывшись и почистившись послѣ дневной работы, высыпала на улицу молодежь, пользуясь новостью дня, какъ удобнымъ предлогомъ для прогулокъ парочками и для флирта. Можете себѣ представить, какой гомонъ стоялъ на дорогѣ къ выгону въ этотъ вечеръ...

Но до тѣхъ поръ въ Уокингѣ лишь немногимъ было извѣстно даже то, что цилиндръ открылся, хотя бѣдняга Гендерсонъ послалъ на почту человѣка на велосипедѣ съ срочной телеграммой для вечерней газеты.

Когда вся эта толпа отдѣльными группами, по два, по три человѣка, высыпала за городъ въ открытое поле, она увидѣла, что тамъ уже стоятъ кучками люди, возбужденно о чемъ-то говорятъ между собой и выглядываютъ изъ-за кустовъ на вертящееся зеркало надъ ямой. Само собою разумѣется, что новоприбывшіе скоро заразились волненіемъ остальныхъ.

Около половины девятаго, послѣ того, какъ была истреблена депутація, на выгонѣ собралось до трехсотъ или четырехсотъ человѣкъ, не считая тѣхъ, которые пришли раньше. Въ числѣ первыхъ было три полисмена (одинъ изъ нихъ верхомъ), добросовѣстно выполнявшихъ приказаніе Стента не подпускать къ цилиндру зѣвакъ. Въ толпѣ вѣдь всегда найдутся впечат-

лительныя, сумасбродныя головы, которыя рады случаю поскандалить.

Еще тогда, когда марсіане только что вылѣзли изъ цилиндра, Стентъ и Огильви, предвидя возможность непріятныхъ столкновеній, отправили изъ Горселля телеграмму въ казармы съ требованіемъ прислать солдатъ въ огражденіе чужестранцевъ отъ насилій. Послѣ этого-то они и вернулись для того, чтобы стать во главѣ злополучной депутаціи. Описаніе ихъ гибели, какъ разсказываютъ о ней другіе очевидцы, вполнѣ сходится съ тѣмъ, чему я былъ свидѣтелемъ самъ: три столба зеленоватаго дыма, громкое гудѣнье и вспышки огня.

Но большинство изъ бывшихъ на выгонѣ было гораздо ближе къ смерти, чѣмъ я. Ихъ спасло только то, что нижняя часть теплового луча встрѣтила преграду — поросшій верескомъ песчаный бугоръ. Будь параболическое зеркало на нѣсколько ярдовъ повыше, некому было бы разсказать печальную повѣсть, потому что ни одного человѣка не осталось бы въ живыхъ. Они видѣли вспышки огня; видѣли, какъ падали люди. Невидимая рука, быстро приближаясь, поджигала кругомъ кусты и деревья. Потомъ, съ свистящимъ звукомъ, прорвавшимся сквозь непрерывно доносившееся изъ ямы гудѣнье, страшный лучъ скользнулъ у нихъ надъ головами,— и запылали вершины буковъ, окаймлявшихъ дорогу, треснули кирпичи зданій, посыпались стекла изъ оконъ, загорѣлись рамы, и съ грохотомъ обрушилась часть крыши ближайшаго дома.

Оглушенная трескомъ и воемъ огня, ослѣпленная заревомъ отъ горящихъ деревьевъ, толпа заколыхалась въ паническомъ ужасѣ, не зная, что предпринять.

На дорогу посыпались искры и горящія головни; въ воздухѣ носились пылающіе листья. На людяхъ стало загораться платье, шляпы. Поднялась невообразимая сумятица. Конный полис-

менъ вдругъ врѣзался въ толпу и поскакалъ прочь, держась руками за голову и крича.

«Они идутъ!» воскликнула какая-то женщина, и въ тотъ же мигъ толпа повернула назадъ. Передніи напирали на заднихъ, продираясь на дорогу къ Уокингу, толкаясь и давя другъ друга, какъ стадо овецъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога суживается между грядами холмовъ, началась жестокая давка. Не всѣ остались цѣлы: троихъ, — двухъ женщинъ и ребенка,— задавили и бросили умирать во мракѣ страшной ночи.

VII.

Какъ я добрался домой.

О своемъ бѣгствѣ я могу разсказать очень немногое. Помню только, какъ я натыкался на деревья и чуть не падалъ, путаясь ногами въ травѣ. Отъ всего окружающаго на меня вѣяло ужасомъ — невидимой опасностью, исходившей отъ марсіанъ: мнѣ казалось, что безжалостный огненный мечъ носится въ воздухѣ, что имъ размахиваютъ у меня надъ головой, что онъ вотъ-вотъ опустится и выкинетъ меня изъ жизни. Выбравшись на дорогу къ Горселлю, я побѣжалъ по ней съ тѣмъ, чтобы потомъ свернуть на проселокъ.

Наконецъ, я почувствовалъ, что больше бѣжать не могу. Я былъ совершенно измученъ пережитыми волненіями и страшно усталъ. У меня подкосились ноги, и я упалъ на дорогѣ, недалеко отъ моста, который пересѣкаетъ каналъ у газоваго завода. Я упалъ и остался лежать.

Я пролежалъ, должно быть, недолго. Потомъ разомъ очнулся и сѣлъ, недоумѣвая, гдѣ я. Съ минуту я не могъ отдать себѣ отчета, какъ я попалъ на это мѣсто. Моего страха какъ не бывало: его какъ будто сняли съ меня. Я потерялъ шляпу. Воротничокъ мой, вѣроятно, отстегнулся и соскочилъ съ запонки, потому что его тоже не

было. Всего нѣсколько минутъ тому назадъ для меня существовали только три реальныя вещи: безконечная ночь и безпредѣльность природы и пространства, собственное мое ничтожество и муки и близость смерти. Теперь какъ будто что-то перевернулось, такъ рѣзко измѣнились мои представленія. Не было никакого чувствительнаго перехода отъ перваго душевнаго состоянія ко второму. Я сразу сталъ самимъ собой, обыкновеннымъ скромнымъ гражданиномъ, какимъ я былъ раньше. Безмолвный выгонъ, наполнявшее меня чувство ужаса, мое бѣгство, смертоносныя вспышки огня, — все это казалось мнѣ сномъ. Я спрашивалъ себя, правда ли, что все это было, и не могъ вѣрить.

Я поднялся на ноги и невѣрными шагами сталъ подыматься на крутую покатость моста. Въ моей душѣ были недоумѣніе и пустота. Изъ моихъ нервовъ и мускуловъ какъ будто выжали всю силу. Я шатался, какъ пьяный.

Вотъ, надъ высокой дугою моста показалась сначала голова, потомъ фигура рабочаго съ корзиной на плечахъ. Рядомъ съ нимъ бѣжалъ маленькій мальчикъ. Поровнявшись со мной рабочій сказалъ: «Добрый вечеръ». Мнѣ хотѣлось поговорить съ нимъ, но я не могъ. На его привѣтствіе я отвѣтилъ безсмысленнымъ бормотаньемъ и прошелъ мимо.

Надъ аркой въ Мэйбери пронесся къ югу поѣздъ, сверкнувъ на мигъ длинной вереницей освѣщенныхъ оконъ и оставивъ по себѣ волнистый хвостъ свѣтящагося бѣлаго дыма. Поѣздъ прогрохоталъ и исчезъ. Въ воротахъ одного изъ домовъ хорошенькой улички, что зовется Восточной Террасой, смутно виднѣлась кучка людей, болтавшихъ между собой. Все это было такъ реально, такъ знакомо. А т а м ъ... фантасмагорія. Безумный бредъ. Такихъ вещей не бываетъ, — говорилъ я себѣ.

Быть можетъ, я человѣкъ исключительныхъ

настроеній. Я не знаю, всѣ ли испытываютъ то, что я. Временами на меня находитъ какое-то странное чувство оторванности отъ всего міра и отъ моей собственной личности: мнѣ кажется, что я смотрю на окружающее откуда-то извнѣ, изъ безконечнаго далека, куда не доходитъ трагедія жизни; я чувствую себѣ внѣ времени и пространства. Въ ту ночь это чувство было во мнѣ очень сильно.

Но въ то же время меня терзала дикая несообразность такой ясности духа съ тѣмъ, что я пережилъ тамъ,— съ картиной этой молніеносной смерти, витающей въ какихъ-нибудь двухъ миляхъ разстоянія отъ меня.

На газовомъ заводѣ кипѣла работа: всѣ электрическія лампы были зажжены, и доносился стукъ машинъ. Я подошелъ къ стоявшимъ у воротъ. Ихъ было трое: двое мужчинъ и женщина. — Что новаго на выгонѣ?— спросилъ я.

— А? — отозвался одинъ изъ мужчинъ, оборачиваясь.

— Что новаго на выгонѣ?

— А развѣ вы не оттуда?

— Много глупостей болтаетъ народъ про этотъ выгонъ, — замѣтила женщина.

— Да что тамъ такое?

— Неужто вы не слыхали про людей съ Марса? — спросилъ я. — Ничего не слыхали?

— Какъ не слыхать? — слыхали. Будетъ съ насъ, — сказала женщина, и всѣ трое засмѣялись.

Я оказался въ глупомъ положеніи и разсердился. Я пробовалъ было разсказать имъ, что я видѣлъ, и не могъ. Моя безсвязная рѣчь только пуще разсмѣшила ихъ.

— Ну погодите, вы еще услышите объ этомъ,— сказалъ я и пошелъ домой.

Жена моя испугалась, когда я вошелъ, — такой у меня былъ замогильный видъ. Я прошелъ въ столовую, сѣлъ и выпилъ вина, и какъ

только могъ собраться съ мыслями, разсказалъ ей все, что видѣлъ. На столѣ былъ приготовленъ холодный завтракъ, но никто изъ насъ не прикоснулся къ нему, пока я разсказывалъ свою повѣсть.

— Во всемъ этомъ есть одна хорошая сторона, — сказалъ я въ заключеніе, желая успокоить страхъ, возбужденный моимъ разсказомъ. —Это—самыя неповоротливыя существа, какихъ я только видѣлъ. Они могутъ, конечно, сидѣть и убивать всѣхъ, кто подойдетъ близко, но они не могутъ вылѣзть изъ ямы... Но, Боже мой! Какія ужасныя существа!

— Не говори, милый! Не надо!—сказала жена, сдвигая брови и положивъ свою руку на мою.

— Бѣдняга Огильви!—проговорилъ я.—Только подумать, что, можетъ быть, онъ лежитъ тамъ мертвый.

Слава Богу, хоть жена-то вѣритъ мнѣ. Увидѣвъ, какъ смертельно она поблѣднѣла, я круто оборвалъ рѣчь.

— Они, пожалуй, и сюда придутъ, — твердила она.

Я заставилъ ее выпить вина и всячески старался успокоить.

— Они еле двигаются, — говорилъ я.

Въ ободреніе ей и себѣ, я повторилъ все то, что говорилъ мнѣ Огильви о невозможности для марсіанъ прочно утвердиться на Землѣ. Какъ главный мой аргументъ, я выдвинулъ вопросъ о силѣ притяженія. Сила притяженія на поверхности Земли въ три раза больше, чѣмъ на поверхности Марса. Слѣдовательно, каждый марсіанинъ будетъ на Землѣ вѣсить втрое больше, чѣмъ на Марсѣ, между тѣмъ какъ сила его мышцъ останется такою же, какъ была. Такимъ образомъ, ему будетъ не подъ силу носить даже собственное свое тѣло.

Такъ думали всѣ. И «Times», и «Daily Telegraph» авторитетно утверждали это въ своихъ статьяхъ,

появившихся на другой день; но обѣ газеты упустили изъ вида, какъ и я, два фактора, совершенно мѣнявшіе дѣло.

Атмосфера Земли, какъ извѣстно, содержитъ несравненно больше кислорода, чѣмъ атмосфера Марса. И возбуждающее дѣйствіе на марсіанъ такого избытка кислорода, безспорно, являлось въ значительной мѣрѣ противовѣсомъ увеличенію вѣса ихъ тѣла. Это—во-первыхъ. А во-вторыхъ, всѣ мы проглядѣли тотъ фактъ, что съ такими механическими приспособленіями, какими обладаютъ марсіане, легко обойтись и безъ мышечной силы въ случаѣ нужды.

Но въ то время я не принялъ въ соображеніе этихъ ихъ шансовъ на побѣду, и потому моя аргументація немножко хромала. Подкрѣпившись пищей и виномъ, окруженный привычною домашней обстановкой и поддерживаемый сознаніемъ необходимости успокоить жену, я мало-по-малу почувстовалъ себя въ безопасности и ободрился.

— Они сдѣлали глупость,—говорилъ я, прихлебывая вино изъ стакана.—Теперь они страшны намъ только потому, что они и сами обезумѣли отъ страха. Можетъ быть, они не ожидали найти на Землѣ живыя существа, и ужъ, навѣрное, не ожидали найти разумныя существа. Да, наконецъ, если на то пойдетъ, стоитъ только пустить къ нимъ въ яму гранату — и ни одного марсіанина не останется въ живыхъ.

Страшное возбужденіе послѣ пережитыхъ событій, безъ сомнѣнія, дурно подѣйствовало на мою сообразительность. Я до сихъ поръ необыкновенно живо помню этотъ нашъ завтракъ. Встревоженное милое лицо дорогой моей жены, выглядывающее на меня изъ-за розоваго колпака лампы, бѣлая скатерть, уставленная стеклянной и серебряной посудой (въ тѣ дни даже писатели-философы могли позволять себѣ маленькую роскошь), пурпурное вино въ моемъ стаканѣ,—я

такъ ясно вижу всѣ эти подробности, какъ будто онѣ отпечатались въ моемъ мозгу. Къ концу завтрака я былъ совсѣмъ спокоенъ: я щелкалъ орѣхи, потягивалъ сигару, сожалѣлъ о неблагоразуміи Огильви и строго осуждалъ близорукую трусливость марсіанъ.

Такъ, вѣроятно, сидя царькомъ въ своемъ гнѣздѣ, разсуждалъ и какой-нибудь почтенный додо на островѣ Св. Маврикія, когда туда высадилась горсточка безжалостныхъ матросовъ въ поискахъ за животной пищей. «Не дальше, какъ завтра, мы ихъ до-смерти заклюемъ, моя милая».

Не зналъ я тогда, что это былъ послѣдній мой культурный завтракъ передъ началомъ длиннаго ряда необычайныхъ и ужасныхъ дней.

VIII.

Ночь съ пятницы на субботу.

Изъ всѣхъ странныхъ и поразительныхъ вещей, случившихся въ эту пятницу, страннѣе всего была для меня ихъ несовмѣстимость съ повседневнымъ обиходомъ нашего соціальнаго строя. Какъ-то не укладывалось въ головѣ, что это лишь начало цѣлаго ряда событій, которыя должны перевернуть вверхъ дномъ этотъ строй. Если бы въ пятницу ночью, вооружившись мысленнымъ циркулемъ, вы описали кругъ съ пятимильнымъ радіусомъ, принявъ за центръ песочныя ямы подъ Уокингомъ, то внѣ окружности этого круга не нашлось бы, я думаю, ни одного человѣка (кромѣ развѣ лишь родственниковъ Стента и тѣхъ трехъ, четырехъ велосипедистовъ изъ Лондона, которые лежали мертвыми на выгонѣ), чьи привычки и чье настроеніе были бы нарушены пришельцами съ Марса. Конечно, многіе слыхали о прилетѣвшемъ цилиндрѣ и даже обсуждали эту тему въ досужіе часы, но несомнѣнно, что это извѣстіе не вызывало

такой сенсаціи, какую вызвалъ бы, напримѣръ, нашъ ультиматумъ Германіи.

Телеграмму бѣдняги Гендерсона, съ описаніемъ снаряда и того, какъ онъ постепенно отвинчивался, въ Лондонѣ приняли просто за газетную утку, и редакторъ вечерней газеты, въ которой сотрудничалъ Гендерсонъ, потребовалъ отъ него по телеграфу подтвержденія и, не получивъ отвѣта (онъ былъ уже убитъ тогда), рѣшилъ не выпускать дополнительнаго номера съ этимъ извѣстіемъ.

Даже и въ предѣлахъ вышеупомянутаго пятимильнаго круга большинство оставалось инертнымъ. Я уже описывалъ, какъ отнеслись къ моему разсказу двое мужчинъ и женщинъ, съ которыми я заговорилъ. По всей округѣ люди спокойно обѣдали и ужинали; рабочіе, покончивъ съ обязательной работой, копались у себя въ саду; дѣтей укладывали спать въ обычный часъ; молодежь гуляла по улицамъ нѣжными парочками; учащіеся сидѣли за книгами,—все, какъ всегда.

На улицахъ мѣстечка замѣчалось, пожалуй, больше оживленія: явилась новая, получившая преобладающій интересъ тема для разговоровъ по трактирамъ. Тамъ и сямъ появлялся какой-нибудь посолъ или даже очевидецъ послѣднихъ событій, вызывавшій своими разсказами цѣлую кутерьму: поднимался галдежъ, бѣготня. Но для большинства повседневная рутина работы, ѣды, питья и спанья продолжала итти, какъ шла и раньше, несчетное число лѣтъ,—такъ, какъ будто никакой планеты Марса и не существовало. Такъ было даже въ самомъ Уокингѣ. Такъ было и въ Горселлѣ и въ Кобгемѣ.

Въ Уокингѣ, на станціи желѣзной дороги, поѣзда приходили, отходили и маневрировали; пассажиры выходили и ждали на вокзалѣ;—словомъ, все шло заведеннымъ порядкомъ. Мальчишка-газетчикъ изъ города продавалъ на платформѣ «Послѣднія извѣстія», и его выкрики:

«Люди съ Марса!» смѣшивались съ грохотомъ багажныхъ телѣжекъ и съ рѣзкими свистками паровозовъ. На станцію прибѣгали взволнованные люди, съ невѣроятными разсказами о происшествіяхъ на выгонѣ, но появленіе ихъ также мало нарушало общій порядокъ, какъ нарушило бы его появленіе пьяныхъ. Ѣхавшіе въ Лондонъ пассажиры выглядывали въ темноту изъ оконъ вагоновъ, но видѣли лишь перебѣгавшія съ мѣста на мѣсто въ сторонѣ Горселля то вспыхивавшія, то исчезавшія искры, да красное дерево съ тянувшимися отъ него къ звѣздамъ тонкими столбиками дыма, и думали, что это горитъ на полѣ верескъ. Только на поворотѣ, огибающемъ выгонъ, можно было замѣтить, что случилось что-то неладное. На выѣздѣ изъ Уокинга горѣло съ полдюжины дачъ. Во всѣхъ трехъ деревняхъ, въ домахъ, обращенныхъ окнами на выгонъ, виднѣлся свѣтъ: ихъ обитатели не ложились до зари.

На Кобгемскомъ и Горселльскомъ мостахъ всю ночь толпились любопытные; одни уходили, другіе приходили, но толпа не убывала. Одинъ или два смѣльчака, какъ оказалось потомъ, прокрались въ темнотѣ до самой ямы, гдѣ сидѣли марсіане; но больше не вернулись, ибо свѣтовой лучъ, точно прожекторъ военнаго судна, неусыпно обшаривалъ выгонъ, а слѣдомъ за нимъ пускался въ дѣло смертоносный тепловой лучъ. За исключеніемъ этого, широкая площадь выгона была пуста и безмолвна. Только изъ ямы доносился стукъ молотковъ, который слышали многіе.

Таково было положеніе дѣлъ въ ночь съ пятницы на субботу. Въ центрѣ мѣста дѣйствій, вонзившись, какъ отравленная стрѣла, въ кожу нашей старой планеты Земли, торчалъ роковой цилиндръ марсіанъ. Но дѣйствіе яда только начиналось. Кругомъ тянулась полоса безмолвнаго выгона, мѣстами дымившаяся, съ разбросанными

по ней смутно обрисовывавшимися темными фигурами, лежащими въ неестественныхъ позахъ. Тамъ и сямъ горѣло дерево или кустъ. Въ предѣлахъ слѣдующаго круга, гдѣ были живые, царило волненіе, но за черту этого круга оно еще не проникло. Во всемъ же остальномъ мірѣ потокъ жизни протекалъ прежнимъ русломъ какъ протекалъ онъ съ незапамятныхъ временъ. Горячка войны, которая скоро должна была заморозить кровь въ жилахъ, изсушить мозгъ и нервы, была еще впереди.

Всю ночь напролетъ возились марсіане, безсонные, неутомимые; всю ночь стучали они молотками, устанавливая свои машины; всю ночь опять и опять взвивались къ звѣздному небу столбы зеленовато-бѣлаго дыма.

Часовъ въ одиннадцать черезъ Горселль промаршировала рота солдатъ и развернулась въ цѣпь на краю выгона. Потомъ черезъ Кобгемъ прошла вторая рота, оцѣпившая выгонъ съ сѣверной стороны. Нѣсколько человѣкъ офицеровъ изъ Инкерманскихъ казармъ пріѣзжало на выгонъ еще днемъ, и одинъ изъ нихъ, майоръ Иденъ, какъ говорили, не вернулся. Около полуночи командиръ полка подъѣзжалъ къ Кобгемскому мосту и распрашивалъ собравшихся тамъ. Военныя власти были, разумѣется, на-чеку, въ виду столь серьезнаго положенія дѣлъ. На другой день, въ одинадцать утра, газеты уже имѣли возможность напечатать, что изъ Ольдершота на мѣсто происшествія отправлены эскадронъ гусаръ, двѣ пушки и до четырехсотъ человѣкъ Кардиганскаго пѣхотнаго полка.

Въ двѣнадцать часовъ ночи съ секундами толпа, стоявшая на дорогѣ изъ Уокинга въ Чертси, видѣла, какъ упала звѣзда въ сосновый лѣсъ, къ сѣверо-западу отъ Уокинга. При полетѣ она оставляла за собой свѣтящійся зеленоватый слѣдъ, какъ молнія лѣтомъ. То былъ второй цилиндръ.

IX.

Война начинается.

Суббота запечатлѣлась въ моей памяти, какъ день томительнаго ожиданія и упадка силъ. Это былъ жаркій, душный день, отмѣченный рѣзкими колебаніями барометра, какъ потомъ говорили. Я плохо спалъ, и всталъ рано. Передъ завтракомъ я вышелъ въ садъ, постоялъ, прислушался. Со стороны выгона не было замѣтно никакого движенія, только жаворонокъ кружился въ небѣ.

Мой поставщикъ молока явился въ свое обычное время. Я услыхалъ стукъ его телѣжки и подошелъ къ калиткѣ разспросить о новостяхъ. Онъ мнѣ сказалъ, что ночью марсіанъ окружили войсками, и скоро пріѣдутъ пушки.

Тутъ я услышалъ знакомые, успокоительные звуки: къ Уокингу подходилъ поѣздъ.

— Ихъ не станутъ убивать, если удастся обойтись безъ этого,—прибавилъ въ заключеніе этотъ человѣкъ.

Я увидѣлъ моего сосѣда, копавшагося у себя въ саду. Мы поболтали немножко, а потомъ я пошелъ завтракать. Утро начиналось самымъ обыкновеннымъ, прозаическимъ образомъ. Сосѣдъ мой былъ того мнѣнія, что въ этотъ день войска успѣютъ захватить марсіанъ или перебить, въ крайнемъ случаѣ.

— Досадно, что они не довѣряютъ намъ, и до нихъ такъ трудно добраться,—сказалъ онъ.— Любопытно бы разспросить, какъ они живутъ тамъ, на своей планетѣ. Мы могли бы узнать много интереснаго.

Онъ пошелъ къ рѣшеткѣ и протянулъ мнѣ горсть клубники, ибо онъ былъ не только страстный садоводъ, но и щедрый хозяинъ. И тутъ-то онъ мнѣ сообщилъ, что у Байфлита горятъ сосновые лѣса.

— Тамъ, говорятъ, упала другая такая же

штука, номеръ второй (я говорю объ этихъ проклятыхъ цилиндрахъ), — пояснилъ онъ. — Довольно бы, кажется, и одной... Да, этакъ, не мало деньженокъ придется выложить страховымъ обществамъ, прежде чѣмъ все это кончится.— И, говоря это, онъ засмѣялся, съ видомъ самаго невозмутимаго добродушія.—Лѣсъ и теперь горитъ,—прибавилъ онъ и показалъ пальцемъ на виднѣвшуюся вдали пелену дыма.—Корни будутъ тлѣть еще нѣсколько дней: очень ужъ толстый тамъ слой хвои и торфа,—сказалъ онъ и потомъ принялся сокрушаться по поводу «бѣдняги Огильви».

Я рѣшилъ отложить свою работу до послѣзавтрака и сходить на выгонъ. Не доходя желѣзнодорожнаго моста, я наткнулся на кучку солдатъ, должно быть, саперовъ, въ маленькихъ круглыхъ кепи, въ грязныхъ красныхъ разстегнутыхъ курткахъ, оставлявшихъ на виду синія рубахи, въ черныхъ брюкахъ и въ сапогахъ съ короткими голенищами, доходившими только до икръ. Солдаты мнѣ сказали, что черезъ мостъ не пускаютъ, и, дѣйствительно, взглянувъ въ ту сторону, я увидѣлъ, что тамъ стоитъ часовой, пѣхотинецъ Кардиганскаго полка. Я поговорилъ съ солдатами и сказалъ имъ, что я видѣлъ вчера марсіанъ. Они имѣли о марсіанахъ самое смутное представленіе, такъ какъ ни одинъ ихъ не видалъ, и на меня посыпались вопросы. Кто изъ властей распорядился прислать войска, они не знали, но полагали, что дѣло не обошлось безъ крупныхъ пререканій въ главномъ штабѣ. Рядовой изъ саперовъ, надо замѣтить, гораздо развитѣе простого солдата, и эти люди не безъ знанія дѣла обсуждали условія предстоящей борьбы. Я разсказалъ имъ про теплозой лучъ, и они заспорили между собой.

— По моему, подкрасться къ нимъ подъ прикрытіемъ, кинуться на нихъ, и готово!—говорилъ одинъ.

— Эка сказалъ—подъ прикрытіемъ. Ну, какая это защита противъ ихъ луча? Онъ все равно тебя изжаритъ, — возражалъ другой. — Нѣтъ, братъ! Надо сперва подойти какъ можно ближе, а тамъ вести траншею.

— Поди ты со своей траншеей. Ты только и знаешь траншеи. Тебѣ бы кротомъ родиться, Сниппи.

— Такъ у нихъ, вы говорите, шеи совсѣмъ нѣтъ?—неожиданно обратился ко мнѣ третій, маленькій, черномазый человѣчекъ, созерцательнаго вида, съ трубкой въ зубахъ.

Я повторилъ мое описаніе.

— Осьминоги, стало быть,—проговорилъ онъ. —Вотъ ужъ не думали мы, что съ рыбами придется сражаться.

— Нѣтъ никакого грѣха убивать такихъ гадовъ,—замѣтилъ первый изъ собесѣдниковъ.

— Не понимаю, отчего ихъ сразу не разстрѣляютъ изъ пушекъ,—сказалъ черномазый.—Какъ поручиться, что они не надѣлаютъ бѣдъ?

— А гдѣ твои пушки? Теперь, братъ, ужъ поздно. — Было сразу приниматься всерьезъ Дѣлать, такъ дѣлать, я это всегда говорю.

И они еще довольно долго бесѣдовали въ томъ же духѣ. Разставшись съ ними, я отправился на станцію, съ намѣреніемъ закупить всѣ утреннія газеты, какія тамъ найду.

Не буду, впрочемъ, утомлять читателя описаніемъ этого длиннаго дня. Мнѣ такъ и не удалось посмотрѣть, что дѣлалось на выгонѣ, потому что въ Кобгемѣ и въ Горселлѣ даже колокольни были заняты войсками. Солдаты, къ которымъ я обращался съ разспросами, ровно ничего не знали, а офицеры напускали на себя таинственность и не хотѣли отвѣчать. Населеніе городка успокоилось, почувствовавъ себя въ безопасности подъ охраной военной силы, и отъ Маршаля, хозяина нашей табачной лавки, я въ первый разъ услыхалъ, что сынъ его оказался въ числѣ

погибшихъ на выгонѣ. Но всѣмъ, кто жилъ на выѣздѣ изъ Горселля, было приказано военными властями очистить и запереть дома.

Я вернулся домой часамъ къ двумъ, прямо къ полднику, страшно усталый, ибо день, какъ я уже говорилъ, былъ очень душный.—Чтобы немного освѣжиться, я принялъ холодную ванну. Около половины пятаго я опять ходилъ на станцію за вечерней газетой, такъ какъ въ утреннихъ не было ничего, кромѣ весьма неточнаго описанія смерти Стента, Гендерсона, Огильви и другихъ. Но все это я уже зналъ. Марсіане засѣли въ своей ямѣ и не показывались. Они были, видимо, поглощены работой: стукъ молотковъ не прекращался, и надъ ямой почти непрерывно тянулся столбъ дыма. Было ясно, что они готовятся къ борьбѣ. «Были сдѣланы новыя попытки завязать сношенія при помощи сигналовъ, но безуспѣшно», —гласила стереотипная формула газетъ. Одинъ саперъ мнѣ сказалъ, что на этотъ разъ пробовали сигнализировать изъ канавы, высовывая флагъ на длинномъ шестѣ. Но марсіане совершенно не замѣчали этихъ любезностей, какъ не замѣчаемъ мы мычанья коровы.

Долженъ сознаться, что всѣ эти военныя приготовленія подѣйствовали на меня. На меня нашелъ воинственный стихъ, моя фантазія воспламенилась, и я въ воображеніи поражалъ врага на тысячу ладовъ: ко мнѣ какъ-будто вернулись мои школьные дни, съ ихъ грезами о битвахъ и герояхъ. Мнѣ даже какъ-то стыдно было вступать въ такой неравный бой: непріятель казался такимъ безпомощнымъ въ своей ямѣ.

Часамъ къ тремъ со стороны Чертси и Эддльтона стали долетать одинокіе пушечные выстрѣлы черезъ ровные промежутки. Это обстрѣливали, какъ я узналъ, сгорѣвшій сосновый лѣсъ, куда упалъ второй цилиндръ, въ надеждѣ уничтожить его, прежде чѣмъ онъ успѣетъ открыться. Но только въ пяти часамъ въ Кобгемъ прибыла по-

левая пушка для военныхъ дѣйствій противъ марсіанъ.

Часовъ въ шесть вечера, когда мы съ женой сидѣли въ бесѣдкѣ за чаемъ, горячо обсуждая предстоящую битву, со стороны выгона вдругъ донесся глухой раскатъ перваго выстрѣла, и непосредственно послѣ этого началась пальба. Вслѣдъ за тѣмъ, совсѣмъ близко отъ насъ, раздался такой оглушительный трескъ, что дрогнула земля. Я выскочилъ на лужайку и увидѣлъ, что верхушки деревьевъ надъ Восточной Коллегіей пылаютъ яркимъ пламенемъ, колокольня сосѣдней маленькой церкви обрушилась, а крыши длиннаго корпуса коллегіи имѣли такой видъ, точно ихъ обстрѣливали изъ пушки въ сто тоннъ. Въ нашемъ домѣ свалилась труба, какъ отъ удара снаряда; кирпичи съ грохотомъ посыпались на черепицы крыши, и на цвѣточной грядкѣ подъ окномъ моего кабинета оказалась цѣлая груда красныхъ обломковъ.

Мы съ женой замерли, пораженные. Я не сразу могъ сообразить, что теперь, когда Коллегія почти разрушена, весь гребень холма Мэйбери становится открытымъ дѣйствію теплового луча марсіанъ.

Но какъ только я это понялъ, я схватилъ жену за руку и безъ дальнѣйшихъ церемоній вытащилъ ее на дорогу. Потомъ чуть не силой вывелъ изъ дому нашу служанку, сказавъ ей, что я самъ сбѣгаю наверхъ за ея сундукомъ, съ которымъ она ни за что не хотѣла разстаться.

— Намъ невозможно оставаться здѣсь,—сказалъ я женѣ. И не успѣлъ я договорить, какъ пальба возобновилась.

— Куда же мы пойдемъ?—спросила она въ ужасѣ.

Я молчалъ, соображая. Вдругъ я вспомнилъ про нашихъ родственниковъ, жившихъ въ Ледергедѣ.

— Въ Ледергедъ!—крикнулъ я ей въ ухо, стараясь перекричать грохотъ пальбы.

Она взглянула внизъ вдоль дороги испуганные люди выбѣгали изъ домовъ.

— Какъ же мы доберемся до Ледергеда?—спросила она.

Я тоже взглянулъ внизъ. У подошвы холма, подъ желѣзнодорожнымъ мостомъ, проскакало человѣкъ пять гусаръ. Трое въѣхали въ открытыя ворота Восточной Коллегіи, остальные двое спѣшились и побѣжали по дорогѣ, заходя въ дома. Сквозь дымъ, тянувшійся отъ горящихъ деревьевъ, свѣтило кроваво-красное солнце, отбрасывая на все окружающее какой-то непривычный, мертвенный свѣтъ.

— Подожди меня: здѣсь ты пока въ безопасности,—сказалъ я женѣ и, не теряя времени, побѣжалъ въ таверну Пестрой Собаки, хозяинъ которой, какъ мнѣ было извѣстно, держалъ лошадь и одноколку. Я очень торопился, потому что понималъ, что еще какая-нибудь минута—и все населеніе по нашу сторону холма потянется вонъ изъ деревни. Я засталъ хозяина таверны за буфетомъ въ полномъ невѣдѣніи того, что творилось позади его дома. Противъ него, спиною ко мнѣ, стоялъ какой-то человѣкъ, и они о чемъ-то говорили между собой.

— Меньше, чѣмъ за фунтъ, я не отдамъ,—говорилъ хозяинъ.—И за доставку не берусь.

— Я дамъ вамъ два фунта!—крикнулъ я ему черезъ плечо незнакомца.

— За что?

— И самъ доставлю обратно къ двѣнадцати часамъ ночи,—прибавилъ я.

— О чемъ вы тамъ толкуете, не понимаю,—сказалъ хозяинъ.—Я поросенка продаю. Вы даете два фунта и еще беретесь доставить обратно?.. Хоть убей—ничего не пойму.

Я наскоро объяснилъ, что мнѣ нужна повозка, потому что я уѣзжаю. Хозяинъ согласился дать. Необходимость отъѣзда для него самого совершенно не представлялась мнѣ настоятельной въ

ту минуту. Я предусмотрительно дождался, чтобъ одноколку заложили, проѣхалъ въ ней къ тому мѣсту, гдѣ меня ждали жена и служанка, оставилъ лошадь на ихъ попеченіе, а самъ сбѣгалъ въ домъ, уложилъ тамъ кое-какія цѣнныя вещи (серебряную посуду и прочее) и захватилъ ихъ съ собой. Тѣмъ временемъ загорѣлась буковая роща пониже нашего дома и садовыя рѣшетки нѣкоторыхъ домовъ вдоль дороги. Къ намъ на гору прибѣжалъ одинъ изъ спѣшившихся гусаръ: онъ обходилъ дома, предупреждая жильцовъ, чтобъ уѣзжали. Мы съ нимъ столкнулись, когда я выходилъ изъ парадныхъ дверей, нагруженный своими сокровищами, которыя я завернулъ въ скатерть. Онъ повернулся и побѣжалъ было дальше. Я крикнулъ ему вслѣдъ:

— Что новаго?

Онъ оглянулся, посмотрѣлъ на меня дикими глазами, пробормоталъ что-то такое о томъ, что, дескать, «ползутъ въ какой-то штукѣ въ родѣ крышки отъ блюда», и побѣжалъ вверхъ по склону къ калиткѣ дома, стоявшаго на гребнѣ холма. Онъ скрылся изъ моихъ глазъ за вихремъ чернаго дыма, пронесшимся черезъ дорогу въ этотъ моментъ. Я бросился къ дому моего сосѣда и, постучавшись, удостовѣрился въ томъ (что я, впрочемъ, зналъ и раньше), что самъ онъ и жена его уѣхали въ Лондонъ и заперли домъ. Потомъ я еще разъ, согласно своему обѣщанію, сбѣгалъ домой за сундукомъ нашей служанки, принесъ его, сунулъ на задокъ повозки, схватился за возжи, вскочилъ на сидѣнье рядомъ съ женой, и въ слѣдующую минуту облака дыма и шумъ остались позади, и мы катили по противоположному склону холма, по дорогѣ къ Старому Уокингу.

Передъ нами внизу разстилался спокойный, залитый солнцемъ ландшафтъ; по обѣ стороны дороги тянулось пшеничное поле. Можно было уже разсмотрѣть висячую вывѣску гостиницы

въ Мэйбери. Впереди ѣхалъ экипажъ: это была одноколка нашего доктора. Спустившись съ холма, я оглянулся назадъ. Въ неподвижномъ воздухѣ, вперемежку съ тонкими красными языками огня, взвивались кверху густые клубы черанаго дыма, и по зеленымъ вершинамъ виднѣвшихся на востокѣ деревьевъ ползла ихъ черная тѣнь. Дымъ расходился теперь далеко и къ востоку и къ западу: къ востоку—до самаго Байфлитскаго лѣса, къ западу—до Уокинга. Вся дорога была усѣяна народомъ: всѣ бѣжали въ ту же сторону, что и мы. И чуть слышно теперь, но все-таки отчетливо, раздавались въ тишинѣ жаркаго лѣтняго вечера непрерывный трескъ винтовокъ и раскаты пушечной пальбы. Очевидно, марсіане поджигали все, находившееся въ предѣлахъ дѣйствія ихъ теплового луча.

Я—не слишкомъ опытный кучеръ, и потому мнѣ скоро пришлось отдать все свое вниманіе лошади. Когда, спустившись со второго холма, я снова обернулся назадъ, чернаго дыма уже не было видно. Я стегнулъ лошадь и предоставилъ ей итти рысью, пока мы не проѣхали Уокингъ и Сэндъ и не оставили далеко за собой ужасовъ, отъ которыхъ бѣжали. Между Уокингомъ и Сэндомъ мы обогнали экипажъ доктора.

X.

Въ грозу.

Отъ Мэйбери до Ледергеда—около двѣнадцати миль. Надъ сочными лугами за Пирфордомъ стоялъ запахъ свѣжаго сѣна; живыя изгороди по бокамъ дороги пестрѣли розовыми цвѣтами шиповника. Тяжелый грохотъ орудій, который мы слышали, спускаясь съ холма въ Мэйбери, прекратился такъ же внезапно, какъ начался, и ничто больше не нарушало мирной тишины вечера. Часамъ къ девяти мы добрались до Ледергеда безъ всякихъ приключеній. Надо было

дать лошади отдохнуть; я воспользовался этимъ временемъ, чтобы поужинать у нашихъ родственниковъ и поручить жену ихъ заботамъ.

Всю дорогу жена была до странности молчалива: ее, видимо, угнетало предчувствіе бѣды. Я пробовалъ заговаривать съ ней въ успокоительномъ тонѣ: говорилъ, что марсіане, благодаря уже одной своей неповоротливости, прикованы къ мѣсту, что они и изъ ямы-то едва ли смогутъ выползти. Но на всѣ мои доводы она отвѣчала односложно. Не будь я связанъ словомъ передъ хозяиномъ таверны, она, пожалуй, уговорила бы меня остаться въ Ледергедѣ. Ахъ, если бъ это было такъ!.. Я помню, какъ она была блѣдна, прощаясь со мной.

Я же, напротивъ, былъ сильно возбужденъ весь этотъ день. Словно зараза проникла въ мою кровь: меня обуяла горячка войны, какая иногда овладѣваетъ цивилизованными общинами, и въ глубинѣ души я не особенно сокрушался о томъ, что мнѣ приходится вернуться въ Мэйбери. Я даже опасался, что ночная пальба, которую мы слышали по дорогѣ, означала, можетъ быть, уничтоженіе врага. Я лучше всего выражу мое душевное состояніе, если скажу, что меня непреодолимо тянуло туда, на полѣ битвы.

Было около одиннадцати, когда я пустился въ обратный путь. Ночь была необыкновенно темна; мнѣ, послѣ освѣщенныхъ комнатъ, она показалась совсѣмъ черной. Было жарко и душно, — не лучше, чѣмъ днемъ. По небу быстро неслись тучи, а внизу, на кустахъ, не шевелился ни одинъ листочекъ, — такая была тишина. Слуга нашихъ родственниковъ зажегъ оба фонари у моей одноколки. На мое счастье, я хорошо зналъ дорогу. Жена моя стояла въ открытыхъ, освѣщенныхъ изнутри дверяхъ подъѣзда и смотрѣла на мои сборы. Какъ только я вскочилъ въ экипажъ, она повернулась и ушла

въ комнаты, предоставивъ своимъ кузенамъ пожелать мнѣ добраго пути.

Страхъ моей жены передался мнѣ отчасти, и вначалѣ мнѣ было не по себѣ, но скоро всѣ мои помыслы обратились къ марсіанамъ. Я былъ теперь въ полной неизвѣстности относительно хода вечерняго боя. Я не зналъ даже, что послужило поводомъ къ столкновенію. Проѣзжая Окгемъ (ибо я возвращался другою дорогой, минуя Сэндъ и Старый Уокингъ), я увидалъ на западѣ, на самомъ краю горизонта, кроваво-красную полосу, которая на болѣе близкомъ разстояніи оказалась заревомъ пожара. Высоко взлетавшіе клубы чернаго и краснаго дыма сливались съ быстро бѣгущими тучами надвигавшейся грозы.

Рипли-Стритъ опустѣлъ и не подавалъ никакихъ признаковъ жизни: во всей деревнѣ виднѣлось одно - два освѣщенныхъ окна. Но на поворотѣ въ Пирфордъ я чуть не наѣхалъ на кучку людей, стоявшихъ спиною ко мнѣ. Никто изъ нихъ не окликнулъ меня, и я не знаю, насколько они были освѣдомлены о событіяхъ, совершавшихся по ту сторону холма; не знаю и того, что означало безмолвіе домовъ, мимо которыхъ я проѣзжалъ: были ли они брошены своими жильцами, бодрствовали ли тѣ во мракѣ мирнымъ сномъ.

Отъ Рипли до Пирфорда дорога шла долиной Уэя, и мнѣ было не видно зарева пожара за холмомъ. Но когда я поднялся по спуску за Пирфордской церковью, я снова увидѣлъ его. Въ ту же самую минуту деревья зашумѣли отъ перваго натиска налетавшей грозы. Потомъ до меня донесся полуночный звонъ колоколовъ Порфордской церкви, оставшейся позади, и, наконецъ, передо мной выступилъ силуэтъ холма въ Мэйбери съ знакомыми верхушками деревьевъ и крышами домовъ, рѣзко чернѣвшими на багровомъ небѣ.

Вдругъ вся дорога, далеко впереди, до самаго

Эддльстона, освѣтилась мертвеннымъ зеленоватымъ свѣтомъ, такъ что я могъ ясно различить контуры Эддльстонскаго лѣса. Лошадь такъ дернула, что я покачнулся. Я взглянулъ на небо. Въ этотъ самый моментъ что-то въ родѣ длинной огненной стрѣлы пронизало бѣгущія тучи, внезапно озаривъ ихъ зеленоватымъ свѣтомъ, и упало въ поле, налѣво отъ меня. То была третья падучая звѣзда.

Вслѣдъ за тѣмъ, ярко лиловая по контрасту, сверкнула первая молнія налетѣвшей грозы, и надъ моей головой ударилъ громъ. Лошадь закусила удила и понеслась вскачь.

Мы мчались по отлогому спуску, который ведетъ къ подошвѣ холма въ Мэйбери. Гроза разыгралась. Молнія сверкала за молніей безъ перерыва, какъ мнѣ еще ни разу не случалось видѣть до тѣхъ поръ. Не успѣвалъ замереть одинъ ударъ грома, какъ раздавался другой, и всѣ они сопровождались какимъ-то страннымъ трескомъ, напоминавшимъ скорѣе трескотню какой-нибудь гигантской электрической машины, чѣмъ обыкновенный громъ. Блескъ молній слѣпилъ мнѣ глаза, и въ лицо хлестало мелкимъ градомъ. Нѣкоторое время я мало замѣчалъ окружающее, такъ какъ приходилось смотрѣть на дорогу. Но вдругъ мое вниманіе было привлечено страннымъ предметомъ, быстро двигавшимся по противоположному склону холма. Въ первый моментъ я принялъ его за крышу дома, но при свѣтѣ чередующихся молній разглядѣлъ, что онъ мѣняетъ мѣсто и притомъ съ большою скоростью. Видѣніе то появлялось, то пропадало, какъ будто ускользая отъ меня: за блескомъ молніи вдругъ наступала полная тьма; потомъ опять яркая вспышка—становилось свѣтло, какъ днемъ, и передо мной, какъ на ладони, выступали красные корпуса зданія Пріюта на гребнѣ холма, зеленыя вершины сосенъ и

этотъ загадочный предметъ, становившійся все ближе и ближе.

Теперь я видѣлъ его. Какъ мнѣ его описать? Чудовищныхъ размѣровъ треножникъ, выше домовъ, свободно шагающій по молодому сосняку, раздвигая, какъ тростинки, молодыя деревца въ своемъ быстромъ бѣгѣ,—ходячая машина изъ блестящаго металла, со свѣшивающимися по сторонамъ стальными не то канатами, не то колѣнчатыми рычагами, производящими на ходу громкій металлическій звонъ, сливавшійся съ раскатами грома. Блескъ молніи—и я ясно видѣлъ странный предметъ, мчащійся впередъ, поочередно поднимая ноги; затѣмъ онъ исчезалъ въ мгновенно наступавшемъ мракѣ, и черезъ секунду, съ новой молніей, вновь появлялся, уже на сотню ярдовъ ближе. Представьте себѣ, что по землѣ съ неимовѣрной быстротой катился бы, раскачиваясь, высокій табуретъ. Таково было, по крайней мѣрѣ, мое впечатлѣніе при мимолетныхъ вспышкахъ молніи. Только вмѣсто табурета это было огромное сооруженіе на трехногой подставкѣ.

Вдругъ, впереди, въ сосновомъ лѣсу, верхушки деревьевъ раздвинулись, какъ раздвигается камышъ передъ бѣгущимъ человѣкомъ, сломанные стволы полетѣли въ разныя стороны, и появился второй гигантскій треножникъ, катившій, какъ мнѣ показалось, прямо на меня. А я въ своей одноколкѣ летѣлъ ему навстрѣчу!.. При видѣ этого второго чудовища мои нервы не выдержали: не глядя на него больше, я круто повернулъ коня вправо. Еще минута, и одноколка перелетѣла черезъ голову лошади, оглобли сломались, меня отбросило въ сторону, и я тяжело шлепнулся въ лужу.

Я поскорѣе выползъ на мѣсто посуше, хотя ноги мои оставались въ водѣ, и присѣлъ, скорчившись, подъ кустомъ дрока. Лошадь не шевелилась (бѣдное животное убилось на-смерть,

какъ оказалось потомъ), и при свѣтѣ сверкающихъ молній мнѣ съ моего мѣста былъ виденъ черный кузовъ опрокинутой повозки и силуэтъ колеса, еще продолжавшаго тихонько вертѣться. Въ слѣдующую минуту металлическій колоссъ прошелъ мимо меня и сталъ подыматься въ гору по направленію къ Пирфорду.

Вблизи онъ казался еще страннѣе. Онъ не походилъ на простую безчувственную машину, пущенную въ ходъ. А между тѣмъ это была машина: съ звенящимъ металлическимъ ходомъ, съ длинными, сгибающимися металлическими рычагами на подобіе рукъ, которые со звономъ болтались вокругъ страннаго тѣла. Я видѣлъ, какъ одна такая рука ухватилась за молодую сосну. Шагая, трехногій великанъ выбиралъ дорогу, и покрывавшій его сверху мѣдный колпакъ все время поворачивался то вправо, то влѣво, невольно наводя на мысль, что подъ колпакомъ скрывается голова. Къ задней сторонѣ главнаго корпуса машины было придѣлано что-то въ родѣ огромной корзины изъ бѣлаго металла; а когда чудовище проходило мимо меня, я замѣтилъ, что изъ этого хранилища вырываются клубы зеленоватаго дыма. Еще мгновеніе—и онъ былъ далеко.

Вотъ все, что я могъ разсмотрѣть при неровномъ блескѣ молній, слѣпившемъ глаза и сейчасъ же смѣнявшемся непроглядною тьмой.

Проходя, гигантъ издалъ дикій, оглушительный вой, покрывшій на минуту громовые раскаты. Секунду спустя, онъ нагналъ своего товарища, а еще черезъ секунду оба были уже за полмили впереди и стояли посреди поля, надъ чѣмъ-то наклонившись. Я увѣренъ теперь, что это былъ третій изъ десяти цилиндровъ, отправленныхъ къ намъ съ Марса.

Нѣсколько минутъ я лежалъ подъ дождемъ, слѣдя, какъ двигаются вдали, возвышаясь надъ изгородями, чудовищные автоматы. Опять по-

шелъ мелкій градъ, за пеленой котораго лишь смутно виднѣлись очертанія ихъ фигуръ, тѣмъ ярче выступившихъ снова, когда градъ прекратился. Минутами наступалъ черный провалъ между молніями, и тогда чудовища совсѣмъ исчезали, поглощенныя мракомъ ночи.

Я вымокъ до костей: ноги мои все еще были въ лужѣ, а сверху меня поливало градомъ съ дождемъ. Я не сразу опомнился отъ своего остолбенѣнія настолько, чтобы сдѣлать попытку выбраться на сухое мѣсто или остановиться мыслью на страшной опасности, которой я подвергался.

Осмотрѣвшись кругомъ, я замѣтилъ невдалекѣ огороженное картофельное поле; посреди него стояла маленькая деревянная лачужка. Я съ усиліемъ поднялся на ноги и, согнувшись въ три погибели и прячась за кустами, пустился бѣгомъ къ этой лачужкѣ. Я постучался въ дверь, но меня не слыхали: вѣрно, тамъ не было никого. Тогда я, пользуясь канавой, какъ прикрытіемъ, сталъ пробираться ползкомъ къ сосновому лѣсу, что подходитъ къ Мэйбери, куда и добрался, наконецъ, незамѣченный врагомъ.

Промокшій и продрогшій, я продолжалъ путь дальше уже лѣсомъ, направляясь къ своему дому. Я шелъ между деревьями наудачу, отыскивая тропинку. Въ лѣсу было совершенно темно: молнія теперь сверкала рѣже, и въ просвѣты между густой листвой лили потоки дождя пополамъ съ градомъ.

Если бы въ то время я вполнѣ ясно понималъ значеніе того, что я видѣлъ, то, не теряя ни минуты, я повернулъ бы назадъ и окольной дорогой, черезъ Байфлитъ и Стритъ-Кобгемъ, вернулся бы къ женѣ въ Ледергедъ. Но оглушенный грозой, иззябшій, мокрый съ головы до ногъ, ошеломленный всѣмъ видѣннымъ, совершенно разбитый, я былъ слишкомъ измученъ

нравственно и физически, чтобы быть въ состояніи соображать.

Меня безотчетно тянуло домой; другихъ желаній у меня не было. Я шелъ, шатаясь, натыкаясь на деревья, упалъ въ канаву, расшибъ себѣ колѣни о доску обшивки и, наконецъ, выгребъ кое-какъ въ крутой переулокъ, который спускается отъ коллегіи. Говорю «выгребъ», потому что послѣ грозы по переулку несся цѣлый водопадъ мутной воды пополамъ съ камешками и пескомъ. Тутъ на меня въ темнотѣ наткнулся какой-то человѣкъ и чуть не сбилъ меня съ ногъ.

Съ крикомъ испуга онъ отскочилъ въ сторону и побѣжалъ дальше, не давъ мнѣ времени опомниться и окликнуть его. Какъ разъ въ этомъ мѣстѣ напоръ воды былъ такъ силенъ, что мнѣ стоило величайшихъ усилій одолѣть подъемъ. Стараясь держаться лѣвой стороны, я цѣплялся руками за рѣшетку ограды Коллегіи и такимъ образомъ кое-какъ выбрался наверхъ.

Тутъ я вдругъ споткнулся обо что-то мягкое и при свѣтѣ сверкнувшей въ эту минуту молніи увидѣлъ у себя подъ ногами кучу чернаго мужского платья и пару сапогъ. Прежде чѣмъ я успѣлъ различить, въ какомъ положеніи лежитъ этотъ человѣкъ, молнія погасла. Я дождался слѣдующей и увидѣлъ, что это былъ простолюдинъ, въ дешевой, но не нищенской одеждѣ. Скорчившись и подогнувъ подъ себя голову, онъ лежалъ вплотную около ограды, какъ будто его съ силой отшвырнули туда.

Превозмогая чувство гадливости, присущее всякому, кто никогда не прикасался къ трупу, я наклонился, повернулъ его на спину и пощупалъ его сердце. Онъ былъ мертвъ. Должно быть, у него былъ сломанъ шейный позвонокъ.

Въ третій разъ сверкнула молнія, и мнѣ бросилось въ глаза его лицо. Я подскочилъ отъ неожиданности: передо мной былъ хозяинъ таверны, гдѣ я нанималъ одноколку.

Я осторожно перешагнулъ черезъ него и поплелся дальше. Я миновалъ Коллегію, полицейскую контору и подходилъ къ своему дому. На вершинѣ холма все было спокойно, но въ сторонѣ выгона еще пылало зарево, и густые клубы багроваго дыма боролись съ ливнемъ. Насколько я могъ разсмотрѣть при мимолетномъ свѣтѣ уже рѣдкихъ теперь молній, большая часть ближайшихъ домовъ оставалась неповрежденной; только на дорогѣ передъ коллегіей лежала какая-то темная груда.

На спускѣ къ мосту раздавались шаги и голоса людей, но у меня не хватило духу ни подойти къ нимъ, ни окликнуть ихъ. Добравшись до своего дома, я отомкнулъ дверь бывшимъ при мнѣ ключемъ, заперъ ее за собой, задвинулъ засовъ, потомъ ощупью нашелъ лѣстницу и сѣлъ на ступеньку. Въ моемъ воображеніи стояли шагающіе по полю страшилища-автоматы и скорченное мертвое тѣло, отброшенное къ оградѣ какъ будто пинкомъ.

Прижавшись спиною къ стѣнѣ, весь съежившись, я сидѣлъ на лѣстницѣ и дрожалъ.

XI.

У окна.

Я говорилъ уже выше, что отличаюсь свойствомъ легко переваривать всякое душевное потрясеніе. Вскорѣ я почувствовалъ, что озябъ, и замѣтилъ, что на покрывавшій лѣстницу коверъ съ меня натекли цѣлыя лужи воды. Машинально поднялся я на ноги, прошелъ въ столовую, выпилъ водки и отправился въ уборную, чтобы перемѣнить платье.

Переодѣвшись, я поднялся къ себѣ въ кабинетъ, но для чего я это сдѣлалъ—не знаю. Изъ окна моего кабинета видны вершины ближайшихъ деревьевъ, а за ними полотно желѣзной дороги вплоть до Горселльскаго выгона. Передъ

отъѣздомъ мы впопыхахъ оставили это окно открытымъ. Въ корридорѣ было темно, и, по контрасту съ яркой картиной, разстилавшейся за окномъ, задняя часть комнаты казалась совсѣмъ темной. Я остановился въ дверяхъ.

Гроза прекратилась. Отъ башенъ Восточной Коллегіи и отъ окружавшихъ ее сосенъ не осталось и слѣда, и далеко впереди, все освѣщенное заревомъ пожара, лежало, какъ на ладони, поле у песочныхъ ямъ. И въ этомъ яркомъ освѣщеніи по нему хлопотливо сновали взадъ и впередъ огромныя, до смѣшного уродливыя, черныя тѣни.

Вся мѣстность въ этомъ направленіи была, казалось, въ огнѣ. По всему широкому склону перебѣгали огненные языки, извиваясь подъ порывами затихающей бури и озаряя краснымъ отблескомъ бѣгущую по небу стаю тучъ. Пожаръ приближался, захватывая все новыя мѣста. Минутами все окно застилало облакомъ дыма, за которымъ на время исчезали тѣни марсіанъ. Они возились надъ какими-то черными предметами, лежащими на землѣ, но я не могъ разобрать, что они дѣлаютъ, не могъ даже хорошо различить ихъ фигуръ. Не видно мнѣ было и пламени ближайшаго пожара, хотя отраженіе его плясало на стѣнѣ и на потолкѣ кабинета, и до меня доносился свистъ огня, а въ воздухѣ пахло горѣлымъ.

Я потихоньку притворилъ дверь и направился къ окну. Открывавшійся изъ него видъ еще расширился, когда я подошелъ ближе: въ одну сторону я могъ теперь видѣть дома около станціи въ Уокингъ, а въ другую—обуглившіяся деревья Байфлитскаго лѣса. У подошвы холма, на полотнѣ желѣзной дороги, недалеко отъ моста, виднѣлся яркій свѣтъ, а на мѣстѣ нѣкоторыхъ домовъ по прилегающимъ къ станціи улицамъ и по дорогѣ въ Мэйбери были пылающія развалины. Сначала я недоумѣвалъ, что означаетъ этотъ яркій свѣтъ на желѣзной дорогѣ. Тамъ,

очевидно, тоже горѣло. Виднѣлась черная груда обломковъ, а въ сторонѣ, поправѣе—длинный рядъ какихъ-то продолговатыхъ желтыхъ ящиковъ. Потомъ я сообразилъ, что это былъ поѣздъ, потерпѣвшій крушеніе: передняя его часть была разбита вдребезги и горѣла; задніе вагоны стояли на рельсахъ.

Между этими тремя главными центрами пожара—горящимъ поѣздомъ, горящими домами у станціи и пылающей мѣстностью подъ Кобгемомъ—тянулось темное пространство земли, прерываемое тамъ и сямъ неправильными полосами догоравшаго, дымящагося вереска. Необыкновенно странная была картина—эта широкая черная гладь, охваченная пожаромъ. Сначала я не различалъ на ней людей, хотя всматривался очень внимательно. Но потомъ подъ заревомъ я разглядѣлъ у станціи нѣсколько черныхъ фигурокъ, суетившихся на полотнѣ дороги.

И этотъ огненный хаосъ былъ тотъ самый маленькій мірокъ, въ которомъ я благополучно прожилъ столько лѣтъ! Я все еще былъ въ невѣдѣніи относительно событій, совершившихся за послѣдніе семь часовъ; не понималъ я и того (хотя начиналъ догадываться), какое можетъ быть соотношеніе между гигантскими ходячими машинами, такъ напугавшими меня, и тѣми неповоротливыми паукообразными существами, которыя выползали изъ цилиндра. Съ страннымъ чувствомъ совершенно безкорыстнаго интереса я повернулъ свой рабочій стулъ отъ конторки къ окну, сѣлъ и сталъ смотрѣть на почернѣвшее поле и на двигавшіяся у песочныхъ ямъ, освѣщенныя заревомъ три гигантскія черныя фигуры.

Онѣ проявляли необыкновенную дѣятельность. Я спрашивалъ себя, что же, собственно, такое представляютъ эти механическіе аппараты? Сознательныя машины! Существованія подобной

вещи я не могъ допустить. Или, быть можетъ, въ каждомъ такомъ механизмѣ сидитъ марсіанинъ и управляетъ имъ, какъ управляетъ мозгъ человѣка человѣческимъ тѣломъ? Я сравнивалъ эти машины съ нашими и въ первый разъ въ жизни задавался вопросомъ, чѣмъ долженъ представляться разумному животному какой-нибудь броненосецъ или паровикъ.

Небо послѣ грозы очистилось отъ тучъ, и высоко надъ пеленою дыма, застилавшаго мѣсто пожара, чуть-чуть мерцала на западѣ свѣтлая точка—Марсъ, склоняясь къ закату. Вдругъ я услышалъ, что что-то шуршитъ за оградой моего сада. Я разомъ очнулся отъ охватившей меня летаргіи и, заглянувъ внизъ, увидалъ въ темнотѣ человѣка, перелѣзавшаго черезъ рѣшетку въ садъ. Я даже разсмотрѣлъ, что это былъ солдатъ. При видѣ человѣческаго существа мое оцѣпенѣніе оставило меня. Я высунулся въ окно, радостно возбужденный.

— Эй вы тамъ!—шепотомъ окликнулъ я незнакомца.

Сидя верхомъ на оградѣ, онъ замеръ въ нерѣшимости. Потомъ соскочилъ въ садъ, согнувшись перешелъ лужайку и тихонько подошелъ къ дому.

— Кто это?—спросилъ онъ тоже шепотомъ, остановившись подъ окномъ и глядя вверхъ.

— Куда вы идете?—спросилъ я въ свою очередь.

— Самъ не знаю.

— Вы прячетесь отъ нихъ?

— Да, да!

— Такъ входите.

Я сошелъ внизъ, отомкнулъ дверь, впустилъ его и снова заперъ дверь на ключъ. Онъ былъ безъ шапки, въ разстегнутомъ мундирѣ. Лица его я не могъ разсмотрѣть.

— О Господи!—вырвалось у него, какъ только онъ вошелъ.

— Что случилось?—спросилъ я.

— Что случилось?!—Мнѣ было видно въ темнотѣ, какъ онъ сдѣлалъ отчаянный жестъ.—Они стерли насъ въ порошокъ!.. Раздавили!.. Раздавили, какъ мухъ!..

Онъ повторилъ это нѣсколько разъ.

Почти механически послѣдовалъ онъ за мной. Въ столовой я налилъ ему хорошую порцію водки.

— Выпейте,—сказалъ я.

Онъ выпилъ. Потомъ вдругъ опустился на стулъ передъ столомъ, уронилъ голову на руки и заплакалъ съ бурнымъ отчаяніемъ, громко всхлипывая, какъ дитя. Въ странномъ равнодушіи, совершенно позабывъ о своемъ собственномъ недавнемъ отчаяніи, я стоялъ надъ нимъ, дивясь и недоумѣвая.

Прошло довольно долго времени, прежде чѣмъ онъ успокоился настолько, что могъ отвѣчать на мои разспросы. И, даже отвѣчая, онъ говорилъ безсвязно и съ трудомъ. Онъ служилъ ефрейторомъ въ артиллеріи. Они со своей пушкой подоспѣли на мѣсто сраженія только къ семи часамъ. Въ это время уже по всему выгону шла пальба, и первая партія марсіанъ, какъ говорили, подвигалась ползкомъ къ своему второму цилиндру подъ прикрытіемъ металлическаго щита.

Позднѣе этотъ щитъ поднялся на ноги—на высокій треножникъ—и превратился въ боевую машину. Это былъ первый изъ ходячихъ автоматовъ марсіанъ,—тотъ самый, который я встрѣтилъ на дорогѣ. Пушка, при которой состоялъ солдатъ, была снята съ передка у Горселля: она должна была обстрѣливать песочныя ямы. Прибытіе ея ускорило развязку. Когда ефрейторамъ скомандовали отъѣхать, его лошадь попала ногой въ кроличью нору и упала, сбросивъ его въ канаву. Въ этотъ самый моментъ сзади разорвало пушку; пороховой ящикъ взле

тѣлъ на воздухъ, все кругомъ запылало, и онъ оказался лежащимъ подъ грудой обуглившихся труповъ людей и лошадей.

— Я лежалъ подъ трупомъ лошади, навалившейся на меня передними ногами,—разсказывалъ онъ.—Я себя не помнилъ отъ страха и не смѣлъ пошевелиться. Насъ смели однимъ взмахомъ—раздавили!.. А этотъ ужасный запахъ—запахъ горѣлаго мяса!.. О Боже! У меня была ушиблена спина: меня придавило лошадью. Приходилось лежать, пока не полегчаетъ. За минуту передъ тѣмъ мы были словно на парадѣ, и вдругъ—трахъ!—и нѣтъ ничего... Раздавили!—повторилъ онъ.

Онъ долго пролежалъ подъ лошадью, выглядывая украдкой, что дѣлается кругомъ. Кардиганскій полкъ послали въ аттаку. Солдаты бросились было къ ямѣ съ ружьями на перевѣсъ, но были истреблены до послѣдняго человѣка. И тутъ-то чудовище поднялось на ноги и, ворочая во всѣ стороны своимъ колпакомъ, совершенно такъ, какъ ворочалъ бы головой человѣкъ въ капюшонѣ, зашагало по выгону, догоняя немногихъ уцѣлѣвшихъ, которые пытались бѣжать. Чѣмъ-то въ родѣ руки великанъ держалъ передъ собой сложнаго устройства металлическій ящикъ съ воронкой на одномъ концѣ. Вокругъ этого ящика сверкали зеленыя искры, а изъ воронки выходилъ убійственный тепловой лучъ.

Черезъ нѣсколько минутъ на выгонѣ, насколько могъ видѣть мой солдатъ, не оставалось ни одного живого существа, и горѣлъ каждый кустикъ, каждое деревцо, которые не успѣли еще раньше превратиться въ уголь. Гусары стояли за поворотомъ дороги, и онъ ихъ совсѣмъ не видалъ. Онъ слышалъ нѣкоторое время трескъ винтовокъ, а потомъ все стихло. Великанъ почему-то до послѣдней минуты щадилъ Уокингъ съ его кучкой домовъ. Но вотъ тепловой лучъ напра-

вился въ ту сторону, и городокъ превратился въ груду горящихъ развалинъ. Тутъ смертоносный лучъ вдругъ погасъ. Страшилище повернулось задомъ къ артиллеристу и зашагало въ сторону дымящагося сосноваго лѣса, гдѣ лежалъ второй цилиндръ. Но не успѣлъ скрыться первый великанъ, какъ изъ ямы выросъ второй — такой же.

Второй послѣдовалъ за первымъ. Тогда артиллеристъ осторожно поползъ по еще не остывшей золѣ отъ сгорѣвшаго вереска въ сторону Горселля. Ему посчастливилось добраться живымъ до придорожной канавы и по канавѣ доползти до Уокинга.

Дальше трудно было что-нибудь разобрать въ его разсказѣ. Дорога подъ Уокингомъ оказалась непроходимой. Должно быть, здѣсь мало кто остался въ живыхъ: большинство сгорѣло, немногіе уцѣлѣвшіе обезумѣли отъ страха. Огонь заставилъ разсказчика свернуть въ сторону, и только-что успѣлъ онъ спрятаться въ обгорѣлыхъ развалинахъ какой-то стѣны, какъ одинъ изъ великановъ вернулся. Солдатъ видѣлъ, какъ онъ погнался за человѣкомъ, схватилъ его однимъ изъ своихъ металлическихъ щупальцевъ и размозжилъ ему голову о стволъ сосны. Только съ наступленіемъ ночи солдатъ рѣшился выйти изъ своего убѣжища. Бѣгомъ перебѣжалъ онъ полотно желѣзной дороги и скрылся за насыпью.

Отсюда онъ сталъ крадучись пробираться къ Мэйбери, въ сторону Лондона, въ надеждѣ найти тамъ безопасное мѣсто. Люди прятались по канавамъ и погребамъ. Многіе изъ уцѣлѣвшихъ бѣжали въ Уокингъ и Сэндъ. Онъ умиралъ отъ жажды, пока не наткнулся у желѣзнодорожнаго моста на разбитую трубу водопровода, изъ которой вода ручьемъ бѣжала на дорогу.

Вотъ и все, что мнѣ удалось вытянуть изъ него слово за словомъ. Онъ становился спокой-

нѣе по мѣрѣ того, какъ говорилъ, стараясь хорошенько изобразить все, что видѣлъ. Еще въ началѣ своего разсказа онъ мнѣ сказалъ, что ничего не ѣлъ съ самаго полудня. Я сейчасъ же сходилъ въ кладовую, разыскалъ тамъ немножко баранины и хлѣба и принесъ. Боясь привлечь марсіанъ, мы не зажигали лампы, и руки наши часто сталкивались надъ тарелками съ мясомъ и хлѣбомъ. Къ концу его разсказа окружающіе насъ предметы начали мало-по-малу выступать изъ темноты, и уже можно было различить за окномъ изувѣченные кусты розъ и деревья. Словно полкъ солдатъ или стадо животныхъ прошло черезъ лужайку, сокрушивъ все на своемъ пути. Теперь я видѣлъ лицо моего собесѣдника, почернѣвшее, съ дикимъ взглядомъ, какъ, вѣроятно, было и у меня.

Поѣвъ, мы тихонько поднялись въ кабинетъ, и я сталъ опять смотрѣть въ окно. За одну ночь вся равнина превратилась въ пепелъ. Пожаръ погасалъ. Гдѣ прежде былъ огонь, теперь клубились столбы дыма. Безчисленныя развалины опустошенныхъ огнемъ домовъ и черные остовы обгорѣлыхъ деревьевъ, которые до сихъ поръ скрывала темнота ночи, поражали своею страшной наготой при безжалостномъ свѣтѣ зари. Кое-гдѣ, впрочемъ, виднѣлись предметы, которымъ посчастливилось уцѣлѣть: тутъ бѣлѣлъ семафоръ желѣзной дороги, тамъ зеленѣлъ уголокъ бесѣдки, цвѣтущій и свѣжій среди всеобщаго разрушенія. Никогда еще въ исторіи войнъ не бывало такого полнаго истребленія безъ всякаго разбора. А у песочныхъ ямъ, вдали, сверкая металлическимъ блескомъ подъ быстро прибывающимъ свѣтомъ восхода, стояли три великана и ворочали во всѣ стороны своими колпаками, какъ будто любуясь опустошительной работой своихъ рукъ.

Мнѣ показалось, что яма, гдѣ лежалъ цилиндръ, сдѣлалось шире. Изъ нея и теперь вр...

отъ времени вырывались клубы зеленаго дыма, взлетали вверхъ къ свѣтлѣющему небу и, постепенно расползаясь, пропадали.

Надъ Кобгемомъ вилось столбами пламя. Эти огненные столбы съ наступленіемъ дня превратились въ столбы кроваво-краснаго дыма.

XII.

Какъ были уничтожены Уэйбриджъ и Шеппертонъ.

Когда совсѣмъ разсвѣло, мы отошли отъ окна, въ которое наблюдали за марсіанами, и, стараясь не шумѣть, сошли внизъ.

Артиллеристъ согласился со мной, что намъ небезопасно было оставаться въ домѣ. Онъ предполагалъ продолжать путь къ Лондону съ тѣмъ, чтобы присоединиться къ своей батареѣ—къ батареѣ конной артиллеріи № 12. А мой планъ состоялъ въ томъ, чтобы немедленно вернуться въ Ледергедъ. И такъ силенъ былъ мой страхъ передъ марсіанами, что я рѣшилъ навсегда покинуть наши края: перевезти жену въ Ньюгэвенъ и самому уѣхать съ ней. Я и тогда уже ясно предвидѣлъ, что вся ближайшая къ Лондону мѣстность неизбѣжно станетъ полемъ опустошительныхъ сраженій прежде, чѣмъ намъ удастся уничтожить такого врага.

Но на моемъ пути къ Ледергеду лежалъ третій цилиндръ, охраняемый трехногими великанами. Будь я одинокъ на свѣтѣ, я, пожалуй, рискнулъ бы итти прямикомъ. Но мой товарищъ удержалъ меня. «Оставить вдовой добрую жену — не значитъ отплатить ей добромъ за добро», сказалъ онъ мнѣ, и, въ концѣ-концовъ, мы порѣшили на томъ, чтобы сперва итти вмѣстѣ черезъ лѣсъ, держа путь на сѣверъ вплоть до Стритъ-Кобгема, а оттуда мнѣ свернуть въ сторону и въ обходъ черезъ Ипсомъ добираться до Ледергеда.

Я былъ готовъ итти хоть сейчасъ, но мой товарищъ недаромъ состоялъ на дѣйствительной службѣ: онъ зналъ, какъ дѣлаются такія дѣла. Онъ заставилъ меня перерыть весь домъ, пока я не разыскалъ ему фляжки. Эту фляжку мы наполнили водкой, всѣ карманы набили пакетами съ провизіей—сухарями и нарѣзанной ломтями говядиной, потомъ, крадучись, какъ воры, вышли изъ дому и почти бѣгомъ спустились въ низину по тому самому размытому дождемъ крутому спуску, по которому я подымался наканунѣ. Дома имѣли опустѣлый видъ. На дорогѣ лежали, сбившись въ одну кучу, обуглившіеся трупы трехъ человѣкъ, убитыхъ тепловымъ лучемъ. Повсюду валялись оброненныя вещи изъ платья и домашняго скарба: тамъ плащъ, здѣсь туфля, тамъ серебряная ложка. На перекресткѣ у почтовой конторы стояла, покривившись на-бокъ, небольшая повозка, нагруженная мебелью и сундуками, но безъ лошади и со сломаннымъ колесомъ. Тутъ же лежалъ денежный ящикъ, взломанный, какъ видно, на скорую руку и брошенный въ соръ.

Кромѣ сторожки Пріюта, которая еще горѣла, ни одинъ домъ въ этомъ мѣстѣ почти не пострадалъ. Здѣсь тепловой лучъ скользнулъ по крышамъ, разрушивъ дымовыя трубы, и только. И тѣмъ не менѣе, во всемъ Мэйбери, кромѣ насъ двоихъ, не видно было ни одной живой души. Большинство жителей, вѣроятно, спаслось бѣгствомъ по дорогѣ къ Старому Уокингу (той самой, по которой мы съ женою ѣхали въ Ледергедъ), а остальные попрятались.

Въ самомъ началѣ спуска мы прошли мимо трупа человѣка въ черномъ, который теперь, послѣ ночной грозы, былъ весь засыпанъ мокрымъ пескомъ, и, спустившись въ низину, вошли въ лѣсъ. Лѣсомъ мы прошли до желѣзной дороги, не встрѣтивъ ни души. Но это былъ теперь уже не лѣсъ, а изувѣченные, почернѣвшіе остатки

лѣса; большая часть деревьевъ повалилась, а отъ тѣхъ, которыя устояли, оставались лишь унылые сѣрые стволы съ темно-бурыми вѣтками вмѣсто зеленыхъ.

По ту сторону дороги сгорѣли только ближайшія деревья: пожаръ здѣсь почему-то не разгорѣлся. Въ одномъ мѣстѣ, на прогалинѣ, еще оставались слѣды субботней работы дровосѣковъ: лежали свѣже-срубленные, подчищенные стволы, стояла паровая лѣсопильная машина и валялись стружки и опилки. Невдалекѣ виднѣлся временный шалашъ для рабочихъ—пустой. Въ то утро не было ни малѣйшаго вѣтра; въ лѣсу стояла мертвая тишина. Даже птицы не пѣли, и мы съ артиллеристомъ, продолжая свой путь, говорили шепотомъ и поминутно оглядывались назадъ. Раза два мы останавливались и прислушивались.

Спустя нѣкоторое время, уже подходя къ опушкѣ, мы услыхали впереди стукъ подковъ и въ просвѣтъ между стволами увидѣли, что по дорогѣ, по направленію къ Уокингу, ѣдутъ шагомъ кавалеристы 8-го гусарскаго полка. Мы ихъ окликнули и подбѣжали къ нимъ. Они остановились. Ихъ было трое: подпоручикъ и два рядовыхъ. Они везли какой-то инструментъ на высокой подставкѣ (геліографъ, какъ объяснилъ мнѣ мой артиллеристъ).

— Вы первые изъ тѣхъ мѣстъ, кого мы встрѣчаемъ сегодня,—сказалъ подпоручикъ.—Разскажите, что тамъ такое творится.

Въ его лицѣ и голосѣ была тревога. Ѣхавшіе за нимъ солдаты съ любопытствомъ смотрѣли на насъ. Артиллеристъ перескочилъ черезъ канавку на дорогу и сдѣлалъ подъ козырекъ.

— Нашу пушку разорвало, ваше благородіе. Вчера вечеромъ. Мы прячемся съ тѣхъ поръ. Я разыскиваю свою батарею. Вы ихъ скоро увидите, ваше благородіе,—этихъ самыхъ марсіанъ.

Если проѣдете еще съ полмили по этой дорогѣ, то увидите, я такъ полагаю.

— А на кого похожи эти черти? Какіе они изъ себя?—спросилъ подпоручикъ.

— Великаны, ваше благородіе, и въ полныхъ доспѣхахъ. Ростомъ въ сто футъ. У нихъ по три ноги, и тѣло все свѣтится, а голова огромная и закрыта колпакомъ.

— Пошелъ ты къ черту! Что за нелѣпица!—сказалъ подпоручикъ.

— Сами увидите, ваше благородіе. Они ходятъ съ какимъ-то ящикомъ, пускаютъ оттуда огонь и убиваютъ на-смерть.

— Изъ ружей, хочешь ты сказать?

— Никакъ нѣтъ.—И артиллеристъ принялся съ живостью разсказывать о тепловомъ лучѣ.

На серединѣ разсказа офицеръ его перебилъ и взглянулъ на меня. Я стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, поодаль.

— А вы видѣли?—спросилъ онъ.

— Все это сущая правда,—отвѣчалъ я.

— Ну что жъ, надо, стало быть, и мнѣ посмотрѣть: это мой долгъ,—сказалъ офицеръ.—Послушай,—обратился онъ къ артиллеристу,—намъ приказано очистить дома отъ людей. А ты ступай прямо къ бригадному командиру, генералу Марвину, и доложи ему обо всемъ, чему ты былъ свидѣтелемъ. Генералъ въ Уэйбриджѣ. Знаешь дорогу?

— Я знаю,—сказалъ я.

Подпоручикъ тронулъ лошадь: — Съ полмили отсюда, говорите вы?

— Самое большее.—И я указалъ рукой за лѣсъ, на югъ.

Онъ поблагодарилъ и уѣхалъ. Больше мы не видали никого изъ нихъ.

Немного подальше мы наткнулись на трехъ какихъ-то женщинъ съ двумя дѣтьми, возившихся около тачки, стоявшей на дорогѣ у крестьянскаго коттеджа. Онѣ вытаскивали изъ коттеджа

убогую мебель, какіе-то грязные узлы съ тряпьемъ и все это складывали въ тачку. Всѣ трое были поглощены своимъ дѣломъ и даже не заговорили съ нами.

У станціи Байфлитъ лѣсъ кончался. Мы вышли на открытое мѣсто. Залитая солнцемъ деревня дышала миромъ и тишиной. Мы были теперь далеко за предѣлами дѣйствій теплового луча, и если бъ не опустѣлый видъ нѣкоторыхъ домовъ, не суета спѣшной укладки въ другихъ, да не кучка солдатъ, стоявшихъ на желѣзнодорожномъ мосту и пристально глядѣвшихъ вдоль линіи въ сторону Уокинга, то этотъ день ничѣмъ не отличался бы отъ всякаго другого воскреснаго дня.

По дорогѣ къ Эддльстону со скрипомъ тащились фермерскія фуры и телѣги. И вдругъ, въ открытыя ворота чьего-то огороженнаго луга, за полосой плоской земли, мы увидѣли шесть двѣнадцатифунтовыхъ пушекъ, разставленныхъ въ боевомъ порядкѣ на равныхъ разстояніяхъ одна отъ другой и обращенныхъ дулами на Уокингъ. Пороховые ящики уже отъѣхали на приличную дистанцію, какъ передъ боемъ. У каждой пушки стоялъ на вытяжку наводчикъ точно на смотру.

— Вотъ это хорошо!—сказалъ я.—Узнаютъ хоть разъ марсіане, что значитъ хорошій зарядъ.

Артиллеристъ постоялъ у воротъ, видимо колеблясь.

— Нѣтъ, ужъ я лучше пойду,—сказалъ онъ.

Подальше, не доходя Уэйбриджа, сейчасъ же за мостомъ, опять стояли пушки, и люди въ холщевыхъ рабочихъ курткахъ рыли окопы.

— Это все равно, что съ молніей сражаться,—замѣтилъ артиллеристъ.—Видать, что они еще не попробовали огненнаго луча.

Офицеры, у которыхъ руки не были заняты, стояли и смотрѣли поверхъ лѣса на юго-западъ, да и солдаты, рывшіе окопы, безпрестанно бро-

сали работу и принимались глазѣть въ ту же сторону. Байфлитъ былъ на ногахъ: жители поспѣшно укладывались въ дорогу подъ понуканье десятковъ двухъ пѣшихъ и конныхъ гусаръ. На улицѣ нагружали вещами три или четыре казенныя черныя фуры, съ краснымъ крестомъ на бѣломъ кружкѣ, да, кромѣ того, какой-то старый омнибусъ и еще нѣсколько колымагъ. Кругомъ толпился народъ—въ большинствѣ правовѣрные христіане, не забывшіе нарядиться въ самое лучшее платье ради воскреснаго дня. Солдатамъ стоило большого труда заставить этихъ людей проникнуться серьезностью положенія. Мы видѣли, какъ одинъ старикашка, держа въ объятіяхъ сундукъ и десятокъ горшковъ съ цвѣтущими орхидеями, сердито спорилъ съ капраломъ, который не позволялъ ему брать ихъ съ собою. Я подошелъ къ старику и хватилъ его за плечо.

— Извѣстно вамъ или нѣтъ, что творится вонъ тамъ?—сказалъ я ему, махнувъ рукою въ сторону лѣса, скрывавшаго марсіанъ.

— А? Что?—откликнулся онъ, оборачиваясь.—Я вотъ говорю ему, объясняю, что, молъ, жалко бросать цвѣты...

— Смерть, смерть идетъ! Слышите? — Смерть!—прокричалъ я ему въ ухо и, бросивъ его переваривать эту вѣсть, какъ умѣетъ, кустился догонять товарища.

Прежде чѣмъ завернуть за уголъ, я оглянулся. Капралъ оставилъ старика въ покоѣ, и тотъ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, со своими орхидеями и сундукомъ, и безсмысленно пялилъ глаза куда-то вдаль поверхъ деревьевъ.

Въ Уэйбриджѣ никто не могъ намъ сказать, гдѣ помѣщается главный штабъ: въ городѣ была такая суматоха, какой я еще отъ роду не видалъ. На каждомъ шагу повозки, фургоны, телѣги,— самый удивительный подборъ экипажей и лошадей. Почетные граждане мѣстечка — мужчины

въ спортсменскихъ костюмахъ, нарядныя дамы, ихъ жены,— были поглощены дорожными сборами; бродяги изъ босой команды, промышляющей у рѣки, усердно имъ помогали; дѣти визжали, въ восторгѣ отъ новаго развлеченія, такъ пріятно разнообразившаго ихъ воскресный отдыхъ. И надъ общимъ гвалтомъ неумолкаемо трезвонилъ колоколъ достойнаго викарія, храбро служившаго свою раннюю обѣдню среди всей этой кутерьмы.

Мы съ артиллеристомъ расположились на ступенькахъ фонтана и недурно позавтракали бывшей съ нами провизіей. Военные патрули (здѣсь уже не гусары, а гренадеры въ бѣлыхъ мундирахъ) предупреждали жителей, чтобы тѣ или выѣзжали, или прятались въ подвалы, какъ только начнется пальба. Переходя желѣзнодорожный мостъ, мы видѣли, что на станціи толпится народъ: вся платформа была завалена багажомъ, и толпа все прибывала. Подвозъ въ Чертси орудій и войскъ вызвалъ пріостановку въ движеніи пассажирскихъ поѣздовъ, и, какъ мнѣ говорили впослѣдствіи, на вокзалѣ чуть не дрались изъ-за мѣстъ въ пущенныхъ послѣ того экстренныхъ поѣздахъ.

Мы пробыли въ Уэйбриджѣ до полудня, а часа черезъ два подходили къ Шеппертонскому шлюзу, гдѣ рѣчка Уэй сливается съ Темзой. По дорогѣ намъ пришлось помочь какимъ-то двумъ старухамъ уложить въ повозку ихъ вещи, и мы немножко задержались. Уэй впадаетъ въ Темзу тремя рукавами. Въ этомъ мѣстѣ имѣется постоянный перевозъ черезъ рѣку, гдѣ можно нанять лодку, и, кромѣ того, ходитъ паромъ. На противоположномъ берегу раскинулся Шеппертонъ со своей гостиницей, посреди спускающейся къ самой водѣ зеленой лужайки и съ торчащей надъ деревьями высокой колокольней церкви.

По эту сторону рѣки мы нашли шумную, возбужденную толпу бѣглецовъ. Всеобщее бѣг-

ство пока еще не превратилось въ панику, но уже и теперь было гораздо больше народу, чѣмъ могло помѣститься на всѣхъ лодкахъ, имѣвшихся на-лицо. Подходили все новые и новые пассажиры, пыхтя подъ тяжестью сундуковъ и узловъ. Какая-то супружеская чета тащила свой домашній скарбъ на снятой съ петель для этой цѣли двери амбара. Одинъ изъ бѣглецовъ сказалъ намъ, что онъ намѣренъ попытаться сѣсть въ поѣздъ въ Шеппертонѣ.

Много тутъ было шуму и крику; одинъ какой-то шутникъ даже острилъ. Собравшаяся здѣсь публика, повидимому, имѣла о марсіанахъ такое представленіе, что это человѣческія существа, — правда, очень сильныя и опасныя, — что они могутъ захватить и разграбить городъ, но что, въ концѣ концовъ, ихъ, несомнѣнно, перебьютъ. Всѣ съ безпокойствомъ поглядывали въ въ ту сторону за Уэй, гдѣ тянулись луга Чертси; но тамъ все было спокойно.

За Темзой, кромѣ того мѣста на берегу, куда причаливали лодки, было тихо — полный контрастъ съ картиной на Суррейскомъ берегу. Высаживавшіеся изъ лодокъ пассажиры спокойно продолжали путь пѣшкомъ. Паромъ только-что присталъ съ грузомъ и людьми. Передъ гостиницей, на лужайкѣ, стояло три или четыре солдата: они безцеремонно разглядывали бѣглецовъ, острили по ихъ адресу, но помощи своей не предлагали. Гостиница была заперта.

— Что это? — вскрикнулъ вдругъ одинъ изъ перевозчиковъ, а человѣкъ, стоявшій рядомъ со мной, прикрикнулъ на залаявшую было собаку: — Да замолчи ты, дура!

И тутъ до насъ опять донесся странный звукъ — на этотъ разъ со стороны Чертси: заглушенный, тупой звукъ пушечнаго выстрѣла.

Начинался бой. Почти непосредственно за первыми двумя выстрѣлами, расположенныя за рѣкой, поправѣе отъ насъ, но не видныя намъ

за деревьями батареи вступили въ хоръ и тяжко забухали одна за другой. Вскрикнула женщина. Всѣ замерли, ошеломленные внезапнымъ шумомъ битвы, такой близкой и все-таки невидимой для насъ. Не видно было ничего, кромѣ плоскихъ луговъ съ равнодушно пасущимися коровами, да длиннаго ряда аккуратно подрѣзанныхъ серебристыхъ ивъ, тихо дремлющихъ подъ горячими лучами солнца.

— Солдаты ихъ не пустятъ, — послышался подлѣ меня женскій голосъ, въ которомъ звучало сомнѣніе.

Верхушки деревьевъ застлало легкой дымкой. Вдругъ вдали, вверхъ по теченію рѣки отъ того мѣста, гдѣ мы были, высоко взлетѣлъ и повисъ въ воздухѣ столбъ дыма. Вслѣдъ за тѣмъ раздался, сотрясая воздухъ, тяжелый грохотъ взрыва. Земля дрогнула у насъ подъ ногами. Въ двухъ или трехъ окнахъ сосѣднихъ домовъ вылетѣли стекла. Мы стояли, ничего не понимая.

— Они! Они! — закричалъ какой-то человѣкъ въ синей фуфайкѣ.—Вонъ тамъ! Видите? Тамъ!...

Одинъ, два, три, четыре вооруженныхъ марсіанина, возвышаясь надъ дальними деревьями, быстро шагали по плоскимъ лугамъ, что тянутся у Чертси: они направлялись къ рѣкѣ. Вслѣдъ за тѣмъ мы увидѣли пятаго, подходившаго сбоку. Металлическія тѣла всѣхъ пятерыхъ сверкали на солнцѣ. Сначала это были маленькія смѣшныя фигурки въ колпакахъ. Раскачиваясь на ходу, онѣ неслись, какъ птицы, и съ каждымъ шагомъ выростали. Крайній слѣва, который былъ дальше всѣхъ, вдругъ взмахнулъ въ воздухѣ большимъ ящикомъ: страшный тепловой лучъ, который я уже видѣлъ въ пятницу ночью, направился на городокъ Чертси и ударилъ въ него.

При видѣ этихъ быстроногихъ, странныхъ и страшныхъ существъ, стоявшая на берегу толпа застыла, пораженная ужасомъ. Ни возгласовъ,

ни криковъ. Общее гробовое молчаніе. Затѣмъ невнятный гулъ голосовъ и топотъ ногъ — прочь отъ воды. Мой ближайшій сосѣдъ, напуганный до того, что забылъ бросить свой чемоданъ, который онъ несъ на плечѣ, круто повернулся и чуть не сшибъ меня съ ногъ, ударивъ угломъ своей ноши. Какая-то женщина толкнула меня въ грудь и пробѣжала мимо. Увлекаемый общимъ порывомъ, я было тоже повернулъ, собираясь бѣжать, но страхъ еще не отнялъ у меня соображенія. Я не забылъ о страшномъ тепловомъ лучѣ. Скорѣе въ воду. Въ этомъ все спасеніе.

— Ныряйте въ воду! — закричалъ я.

Но на меня не обратили вниманія.

Я повернулъ назадъ — прямо навстрѣчу приближавшемуся марсіанину, сбѣжавъ съ песчанаго откоса берега, и стремглавъ бросился въ воду. Многіе сдѣлали то же. Къ пристани причалила лодка съ людьми: они высаживались на берегъ какъ разъ въ эту минуту. Я пробѣжалъ мимо нихъ. Рѣка у берега была такъ мелка, что я прошелъ футовъ двадцать по поясъ въ водѣ, скользя и спотыкаясь на осклизлыхъ камняхъ. Вдругъ я увидѣлъ чуть не надъ своей головой, въ какихъ-нибудь двухстахъ ярдахъ передъ собою, гигантскую фигуру приближавшагося марсіанина. Я ринулся впередъ и нырнулъ. Многіе изъ бывшихъ въ лодкахъ тоже побросались въ рѣку: всплески воды громко отдавались у меня въ ушахъ. Другіе торопливо высаживались и на тотъ и на другой берегъ.

Но марсіанинъ въ этотъ разъ не замѣчалъ спасавшихся бѣгствомъ людей, какъ не замѣчаетъ разбѣгающихся въ разныя стороны муравьевъ человѣкъ, нечаянно наступившій на муравейникъ. Когда я, задыхаясь, высунулъ голову изъ воды, колпакъ великана былъ обращенъ къ батареямъ, все еще палившимъ изъ-за рѣки, и онъ махалъ на ходу ящикомъ, или камерой, въ которой вырабатывались тепловые лучи

Спустя минуту онъ былъ на берегу—и въ одинъ шагъ перешелъ рѣку. Колѣнями двухъ переднихъ ногъ онъ сталъ на противоположный берегъ, въ слѣдующій моментъ снова выпрямился во весь ростъ и очутился возлѣ Шеппертона. Въ тотъ же мигъ раздался дружный залпъ изъ всѣхъ шести пушекъ, скрытыхъ въ кустахъ на выѣздѣ изъ этой деревушки и потому невидныхъ съ праваго берега рѣки. У меня дрогнуло сердце. Чудовище уже поднимало свою камеру съ тепловымъ лучемъ, какъ вдругъ ярдахъ въ шести надъ его колпакомъ лопнула граната.

Я вскрикнулъ. Остальныхъ четырехъ марсіанъ я не видѣлъ и не думалъ о нихъ: мое вниманіе было приковано къ ближайшему. Почти одновременно съ первой гранатой разорвались двѣ другія у самаго тѣла великана. Металлическій колпакъ мотнулся въ сторону, но не успѣлъ увернуться отъ четвертой гранаты и получилъ ее всю цѣликомъ. Колпакъ разнесло вдребезги, во всѣ стороны полетѣли осколки металла и куски окровавленнаго мяса.

— А-а! — вырвалось у меня: это былъ крикъ скорѣе торжества, чѣмъ испуга.

Десятки людей на берегу и въ водѣ отозвались на него такимъ же крикомъ. Подъ наплывомъ неожиданной радости я чуть-чуть не выскочилъ изъ воды.

Обезглавленный колоссъ зашатался, какъ пьяный, но не упалъ. Какимъ-то чудомъ онъ удержалъ равновѣсіе и, не направляемый болѣе въ своихъ движеніяхъ, съ высоко поднятой камерой, изъ которой теперь свободно выходилъ тепловой лучъ, понесся на Шеппертонъ. Живая, сознательная воля погибла: сидѣвшаго подъ колпакомъ марсіанина развѣяло по вѣтру, и металлическій великанъ представлялъ теперь не болѣе, какъ сложную машину, которая несла съ собой разрушеніе. Онъ мчался по прямой линіи, какъ слѣпой; налетѣлъ на колокольню Шеппертона

ской церкви, которая разсыпалась, какъ отъ удара тараномъ, откачнулся, покатилъ въ сторону, потомъ зашатался и съ страшнымъ грохотомъ упалъ въ воду за излучиной рѣки.

Воздухъ сотрясся отъ страшнѣйшаго взрыва: осколки металла, вперемежку съ брызгами, съ иломъ и клубами пара, взлетѣли высоко къ небу. Какъ только камера теплового луча коснулась воды, вода закипѣла, превращаясь въ паръ. Еще мгновеніе — и огромная волна, какъ при сильномъ прибоѣ, но горячая, почти какъ кипятокъ, поднялась въ томъ мѣстѣ, гдѣ упалъ великанъ, и покатилась противъ теченія. Я видѣлъ, какъ бросились къ берегу бывшіе въ водѣ люди; ихъ крики слабо доносились до меня сквозь шумъ воды и грохотъ взрыва, вызваннаго паденіемъ страшной машины.

Я не почувствовалъ въ ту минуту, какъ горяча вода; забылъ о необходимости спасаться. Я пустился вплавь по теченію навстрѣчу бушующей волнѣ: мнѣ надо было видѣть, что творится тамъ, за излучиной рѣки. И я увидѣлъ.

Штукъ шесть пустыхъ, брошенныхъ лодокъ безцѣльно носились по бурливой водѣ, а поперекъ рѣки лежалъ упавшій великанъ, наполовину затонувшій.

Надъ нимъ клубились густыя облака пара, и сквозь этотъ крутящійся паръ мнѣ было видно, точно въ туманѣ, какъ били по водѣ гигантскіе члены, разбрасывая кругомъ брызги и грязную пѣну. Металлическія щупальца махали въ воздухѣ, точно руки живого существа, и если бъ не безпомощная безцѣльность этихъ движеній, вы бы сказали, что это раненый звѣрь борется со смертью въ волнахъ. И все время изъ машины шумной струей вырывалась какая-то красно-бурая жидкость.

Мое вниманіе было отвлечено отъ этой картины неистовымъ воемъ, въ родѣ воя такъ-называемой сирены, какой часто приходится слышать въ

фабричныхъ городахъ. Человѣкъ, стоявшій у бечевника, по колѣна въ водѣ, окликнулъ меня шепотомъ и указалъ рукой назадъ. Я обернулся и увидѣлъ остальныхъ четырехъ марсіанъ. Шагая гигантскими шагами, они неслись къ намъ по берегу со стороны Чертси. Пальба Шеппертонскихъ пушекъ на этотъ разъ не помогла.

Завидѣвъ врага, я моментально нырнулъ и, задерживая дыханіе, съ мучительнымъ усиліемъ плылъ подъ водой, пока могъ. Вода вокругъ меня бурлила и съ каждой минутой становилась горячѣе.

Когда я на секунду высунулъ голову, чтобы перевести духъ, откинулъ съ глазъ волосы и осмотрѣлся,—надъ водой стоялъ крутящійся столбъ густого бѣлаго пара, за которымъ въ первый моментъ я не могъ разглядѣть марсіанъ. Оглушительный вой продолжался. Наконецъ передо мной смутно выступили очертанія колоссальныхъ сѣрыхъ фигуръ, которыя сквозь туманъ казались еще выше. Всѣ четверо прошли мимо меня, и двое наклонились надъ бьющимися въ водѣ останками своего товарища.

Эти двое стояли въ рѣкѣ ярдахъ въ двухстахъ отъ меня, а двое остальныхъ — ближе къ Лэльгему. Держа свои камеры высоко надъ головой, они водили ими по воздуху, и изъ каждой камеры билъ во всѣ стороны шипящій тепловой лучъ.

Воздухъ былъ наполненъ звуками. Это была какая-то невообразимая, оглушительная смѣсь звуковъ: бряцаніе боевыхъ машинъ марсіанъ, трескъ и шипѣнье вспыхивающихъ изгородей, крышъ и деревьевъ, и ревъ и свистъ огня. Взлетающіе кверху густые клубы чернаго дыма смѣшивались съ паромъ отъ рѣки, а когда тепловой лучъ сталъ гулять по Уэйбриджу, каждое его прикосновеніе отмѣчалось вспышкой бѣлокалильнаго пламени, вслѣдъ за которой начинали плясать синіе и красные огненные языки, и поднимались столбы дыма. Ближайшіе дома

еще стояли, ожидая своей участи, уныло бѣлѣя въ клубахъ пара, а за ними бушевалъ огонь.

Съ минуту, а можетъ быть и больше, я стоялъ по грудь въ почти кипящей водѣ, недоумѣвая, что мнѣ дѣлать, безъ всякой надежды на избавленіе. Странно было видѣть, какъ среди этой картины всеобщаго разрушенія люди карабкались изъ воды на берегъ, продираясь въ камышахъ, точно лягушки въ травѣ, улепетывающія при приближеніи человѣка, и какъ они метались по берегу въ полномъ отчаяніи.

Вдругъ я замѣтилъ, что бѣлыя вспышки теплового луча, перескакивая съ мѣста на мѣсто, быстро приближаются ко мнѣ. Отъ ихъ прикосновенія дома разсыпались и обваливались, извергая пламя, и деревья съ ревомъ превращались въ огонь. Но вотъ бѣлое пламя запрыгало по бечевнику, слизало метавшихся на берегу людей и подошло къ водѣ, не болѣе какъ на пятьдесятъ ярдовъ разстоянія отъ того мѣста, гдѣ я стоялъ. Вотъ оно пронеслось поперекъ рѣки къ Шеппертону, и вода на его пути поднялась кипящимъ, пѣнящимся валомъ. Я повернулъ къ берегу.

Еще мгновеніе — и меня накрыло громадною волной температуры, близкой къ точкѣ кипѣнія. Я вскрикнулъ отъ боли, и, борясь съ клокочущей, шипящей водой, едва удерживаясь на ногахъ, полуошпаренный, ослѣпленный сталъ черезъ силу выгребать къ берегу. Стоило мнѣ только поскользнуться, и мнѣ пришелъ бы конецъ. Безпомощный, беззащитный, я упалъ на широкую, открытую песчаную отмель, которая выдается косой при впаденіи Уэя въ Темзу,— упалъ на виду у марсіанъ. Я ничего не ожидалъ, кромѣ смерти.

Смутно припоминаю, какъ ярдахъ въ двадцати отъ моей головы на рыхлый песокъ вступила нога марсіанина и опять поднялась, расшвырявъ мелкій гравій. Припоминаю наступившій

послѣ того долгій промежутокъ томительнаго ожиданія и затѣмъ четыре гигантскія фигуры съ останками товарища на рукахъ, сперва совсѣмъ близкія, а потомъ постепенно заволакивающіяся пеленою дыма и безконечно медленно, какъ мнѣ казалось тогда, удаляющіяся по широкой глади приречныхъ луговъ. А затѣмъ, мало-по-малу у меня явилось сознаніе, что я какимъ-то чудомъ спасся.

XIII.

Какъ я столкнулся съ викаріемъ.

Проученные неожиданнымъ урокомъ, доказавшимъ имъ силу земного оружія, марсіане отступили на свою прежнюю позицію, къ Горсельскому выгону и, второпяхъ, обремененные тяжелой ношей, проглядѣли, вѣроятно, много жертвъ, въ родѣ меня, попадавшихся имъ на пути. Если бы они бросили своего убитаго товарища и двинулись дальше, они не встрѣтили бы до самого Лондона никакой преграды, кромѣ полевыхъ батарей съ двадцатифунтовыми пушками. Они явились бы въ нашу столицу раньше, чѣмъ успѣла бы долетѣть туда вѣсть объ ихъ приближеніи, и появленіе ихъ было бы такъ же внезапно, такъ же страшно и разрушительно, какъ землетрясеніе, уничтожившее сто лѣтъ тому назадъ Лиссабонъ.

Но они не торопились. Ихъ цилиндры летѣли одинъ за другимъ въ межпланетномъ пространствѣ: каждые двадцать четыре часа приносили имъ подкрѣпленіе. Тѣмъ временемъ наши военныя и морскія власти, теперь уже оцѣнившія могущество врага, работали съ неослабной энергіей. На позиціи ежеминутно подъѣзжали новыя пушки, и къ вечеру за каждой рощицей, за каждой мелкой порослью пригородныхъ дачъ на холмистыхъ склонахъ Кингстона и Ричмонда скрывалось подстерегающее черное дуло. А по

всему пространству выжженной, обезлюдѣвшей мѣстности, тянувшейся, можетъ быть, на двадцать квадратныхъ миль вокругъ лагеря марсіанъ, — по обуглившимся развалинамъ деревень, подъ черными дымящимися сводами вѣтвей, которые всего лишь за день до того были лѣсомъ, пробирались съ геліографами самоотверженные лазутчики, на обязанности которыхъ лежало предупреждать артиллерію о приближеніи марсіанъ. Но марсіане понимали теперь, что такое пушки, понимали опасность близости людей, и ни одинъ человѣкъ, не рискуя жизнью, не могъ приблизиться больше, чѣмъ на милю ни къ одному изъ цилиндровъ.

Всю вторую половину дня наши враги были, повидимому, заняты переноской разныхъ вещей изъ второго и третьяго цилиндровъ (второй лежалъ подъ Эддльстономъ а третій—у Пирфорда) на первоначальную ихъ позицію — въ песочную яму на Горселльскомъ выгонѣ. Здѣсь, у самой ямы, надъ широкой площадью почернѣвшаго вереска и сплошныхъ развалинъ зданій, одинъ изъ нихъ стоялъ на часахъ, а всѣ остальные покинули свои боевыя машины и спустились въ въ яму. Всю ночь тамъ кипѣла работа, и съ холмовъ у Мерроу, и даже говорятъ, изъ Бэнстеда и съ Ипсомской возвышенности былъ виденъ валившій оттуда густой столбъ зеленаго дыма.

И въ то самое время, когда марсіане готовились такимъ образомъ къ слѣдующему выступленію, а человѣчество собиралось съ силами для предстоящаго боя, я съ тяжкими усиліями и безконечнымъ трудомъ, чувствуя врага у себя за спиной, пробирался къ друзьямъ-людямъ изъ дымящагося ада Уэйбриджа въ Лондонъ.

Я замѣтилъ вдали брошенную лодку, плывшую внизъ по теченію. Скинувъ съ себя большую часть своего промокшаго платья, я пустился вплавь за этой лодкой и догналъ ее чему я обязанъ былъ своимъ избавленіемъ. Въ лодкѣ не

было веселъ, но я кое-какъ ухитрился провести ее по теченію до Галлифорда и Уольтона. Путешествіе было безконечное и очень томительное, ибо у меня были обварены руки, и я поминутно оглядывался назадъ, какъ вы легко поймете. Я выбралъ путь по рѣкѣ, потому что на водѣ, какъ мнѣ казалось, было больше шансовъ спастись въ случаѣ возвращенія марсіанъ.

Вода въ рѣкѣ, сильно нагрѣтая паденіемъ ихъ боевой машины, спускалась по теченію, слѣдуя за ходомъ моей лодки, и отъ нея все время подымался паръ, такъ что въ началѣ пути, на протяженіи мили или около того, мнѣ почти не видно было береговъ. Одинъ разъ я, впрочемъ, разсмотрѣлъ длинную вереницу черныхъ человѣческихъ фигурокъ, поспѣшно шагавшихъ по лугамъ со стороны Уэйбриджа. Галлифордъ, повидимому, совсѣмъ опустѣлъ, и нѣкоторые изъ его домовъ, обращенныхъ къ рѣкѣ, горѣли. Странно было видѣть клубы дыма и перебѣгающія струйки пламени подъ яснымъ синимъ небомъ лѣтняго дня, среди затихшей деревни, покинутой людьми. Никогда до тѣхъ поръ я не видалъ чтобы пожаръ обходился безъ суетящейся, толпы... Немного подальше, надъ берегомъ, горѣлъ и дымился сухой верескъ, и полоса огня безпрепятственно расползалась вглубь черезъ лугъ, уставленный стогами сѣна.

Долгое время я плылъ, отдаваясь на волю теченія, такъ я измученъ былъ нравственно и физически пережитыми ужасами, и такъ жарко было мнѣ отъ воды. Потомъ во мнѣ снова заговорилъ страхъ, и я принялся опять править лодкой. Солнце жгло мою обнаженную спину, Но, наконецъ, въ ту минуту, когда за однимъ изъ поворотовъ рѣки показался впереди Уольтонскій мостъ, физическое истощеніе и начинавшаяся лихорадка превозмогли мой страхъ передъ грозящей опастностью: я причалилъ къ Миддльсекскому берегу и въ изнеможеніи, почти

замертво, опустился въ высокую траву. Было, должно быть, часа четыре или пять вечера. Немного погодя, я всталъ, прошелъ впередъ съ полмили, не встрѣтивъ ни души, и снова легъ въ тѣни изгороди. Помнится, я какъ будто разговаривалъ самъ съ собой во время этого послѣдняго перехода. Помню еще, что меня томила жажда, и я горько сожалѣлъ, зачѣмъ не напился до-сыта изъ рѣки. И—любопытная вещь,—я почему-то сердился на жену. Не знаю, чѣмъ это объяснить, но мое безсильное желаніе попасть въ Ледергедъ страшно раздражало меня.

Я не могу припомнить момента, когда появился викарій: должно быть, я тогда дремалъ. Въ моемъ сознаніи запечатлѣлась только его сидящая фигура съ выпачканными сажей рукавами рубашки и съ приподнятымъ кверху гладко выбритымъ лицомъ, не отрываясь слѣдившимъ, какъ плясалъ на небѣ слабый отблескъ пожара. Небо было усѣяно мелкими перистыми облачками, такъ-называемыми барашками, чуть-чуть розовѣвшими отъ заката.

Я сѣлъ. Онъ услыхалъ шорохъ этого движенія и быстро взглянулъ на меня.

— Есть у васъ вода?—спросилъ я рѣзко.

Онъ покачалъ головой.

— Вотъ уже цѣлый часъ, какъ вы просите воды,—сказалъ онъ.

Съ минуту мы молчали и разсматривали другъ друга. Смѣло могу сказать, что я долженъ былъ показаться ему престранной фигурой: совершенно почти голый (на мнѣ не было ничего, кромѣ мокрыхъ брюкъ и носковъ), съ ошпаренной кожей, съ черными отъ дыма шеей и лицомъ. У него лицо было безцвѣтное, съ безхарактернымъ подбородкомъ. Его почти льняного цвѣта волосы мягкими кольцами спускались на низкій лобъ. Блѣдно-голубые довольно большіе глаза смотрѣли тупо. Глядя куда-то въ пространство мимо меня, онъ заговорилъ быстро и отрывисто:

— Что все это значитъ? Что значатъ эти ужасы, которые творятся кругомъ?

Я смотрѣлъ на него, не отрываясь.

Онъ протянулъ тонкую бѣлую руку и продолжалъ почти жалобно:

— Затѣмъ допускаются подобныя вещи? Чѣмъ мы согрѣшили?.. Сегодня поутру, когда обѣдня кончилась, я вышелъ пройтись по полямъ, чтобы немного освѣжить голову для вечерней службы. И вдругъ—огонь... землетрясеніе... смерть! Точно Содомъ и Гоморра... Вся наша работа пошла прахомъ—вся работа!.. Кто они—эти марсіане?

— А мы кто?—съ трудомъ выговорилъ я.

Онъ обхватилъ руками колѣни, повернулся ко мнѣ и молча смотрѣлъ на меня съ полминуты.

— Я гулялъ по полю, думалъ освѣжиться,—повторилъ онъ.—И вдругъ огонь... землетрясеніе... смерть!

Онъ опять замолчалъ, уткнувшись подбородкомъ въ колѣни.

Потомъ заговорилъ снова:

— Вся работа погибла,—всѣ наши воскресныя школы!—И онъ махнулъ рукой.—Что сдѣлали мы? Что сдѣлалъ Уэйбриджъ?.. Все, все погибло... А церковь? Еще трехъ лѣтъ не прошло, какъ мы отстроили ее заново. Разрушена, сметена съ лица земли! За что?

Новая пауза, а потомъ опять безсвязная рѣчь, точно бредъ сумасшедшаго:

— Дымъ этого пожара будетъ возноситься къ Небу во вѣки вѣковъ!—выкрикивалъ онъ.

Глаза его горѣли, и длинный, тонкій палецъ указывалъ вдаль, къ Уэйбриджу.

Я начиналъ понимать, кто передо мной. Страшная трагедія, къ которой этотъ человѣкъ оказался причастнымъ (онъ бѣжалъ изъ Уэйбриджа-это было ясно) привела его на край бездны, называемой потерей разсудка.

— Далеко мы отъ Сенбери?—спросилъ я дѣловымъ тономъ.

— Что намъ дѣлать?—продолжалъ онъ, не слушая.—Они вездѣ—эти ужасныя существа? Земля отдана имъ во власть?

— Далеко мы отъ Сенбери?

— Еще сегодня утромъ я служилъ въ церкви... служилъ раннюю обѣдню...

— Порядокъ вещей измѣнился,—сказалъ я спокойно.—Не надо терять головы. Еще есть надежда.

— Надежда?!

— Да. Полная издежда, несмотря на весь этотъ разгромъ.

Я принялся излагать свой взглядъ на положеніе дѣлъ. Сначала онъ слушалъ, но по мѣрѣ того, какъ я говорилъ, выраженіе интереса въ его глазахъ смѣнялось прежнею тупостью, и взглядъ сталъ снова блуждать по сторонамъ.

— Это начало конца,—проговорилъ онъ, перебивая меня.—Конецъ! Великій и страшный День Судный, когда люди скажутъ горамъ и утесамъ: обрушьтесь и сокройте насъ отъ лица Сидящаго на Престолѣ.

Я понималъ теперь, въ чемъ дѣло. Я бросилъ свою сложную аргументацію, съ усиліемъ поднялся на ноги и, наклонившись надъ нимъ, положилъ руку ему на плечо.

— Будьте мужчиной,—сказалъ я.—Отъ страха у васъ умъ помутился. Что это за вѣра, которая пропадаетъ при первой бѣдѣ? Вспомните, что дѣлали съ людьми въ былыя времена потопы, землетрясенія, вулканы и войны. Почему же вы думаете, что Богъ долженъ былъ сдѣлать исключеніе для Уэйбриджа?.. Богъ не страхователь человѣческой жизни.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ онъ не шевелился и молчалъ.

— Но какъ же мы можемъ спастись?—вдругъ спросилъ онъ.—Они неуязвимы, они безжалостны...

— Ни то, ни другое, быть можетъ,—отвѣчалъ

я.—Но чѣмъ они сильнѣе, тѣмъ мы должны быть осмотрительнѣе и спокойнѣе. Одинъ изъ нихъ убитъ часа три тому назадъ.

— Убитъ! — повторилъ онъ, дико озираясь. — Какъ можетъ быть убитъ слуга Божій?

— Я самъ это видѣлъ, — продолжалъ я.—Мы попали въ самую свалку, смѣю сказать.

— Что значатъ эти отблески на небѣ? — неожиданно спросилъ онъ.

Я объяснилъ, что это сигнализація геліографомъ — такъ сказать, отпечатокъ на небѣ человѣческой помощи, которая должна подоспѣть.

— Мы, вѣдь, въ самомъ центрѣ боя, хоть сейчасъ и тихо кругомъ, — прибавилъ я. — Эти отблески на небѣ говорятъ о надвигающейся грозѣ. Тамъ, сзади насъ — марсіане, а впереди, ближе къ Лондону, вонъ на тѣхъ холмахъ у Ричмонда и Кингстона, подъ прикрытіемъ лѣса возводятъ земляныя укрѣпленія и ставятъ пушки. Марсіане не замедлятъ вернуться...

Я не успѣлъ договорить. Онъ остановилъ меня жестомъ и вскочилъ.

— Слушайте! — сказалъ онъ.

Изъ-за рѣки, со стороны гряды невысокихъ холмовъ доносились глухіе раскаты далекихъ пушечныхъ выстрѣловъ и отголоски нечеловѣческаго крика. Потомъ все стихло. Надъ изгородью поднялся майскій жукъ и, жужжа, пролетѣлъ мимо. На западѣ, чуть свѣтлѣя, высоко въ небѣ висѣлъ серпъ луны надъ дымящимся Шеппертономъ и Уэйбриджемъ, въ жаркой тишинѣ великолѣпнаго заката.

— Пойдемъ этой дорожкой, — сказалъ я. — Намъ лучше держать путь на сѣверъ.

XIV.

Въ Лондонѣ.

Мой младшій братъ, студентъ медицинской школы, былъ въ Лондонѣ, когда въ Уокингѣ

упалъ первый цилиндръ. Въ то время онъ спѣшно готовился къ экзаменамъ и до утра субботы ничего не слыхалъ о появленіи марсіанъ. Въ субботнихъ утреннихъ газетахъ, послѣ пространныхъ спеціальныхъ статей о планетѣ Марсъ, о жизни на планетахъ вообще и такъ далѣе, была помѣщена коротенькая, составленная довольно туманно телеграмма, особенно поражавшая именно потому, что она была такъ коротка.

Марсіане, напуганные приближніемъ толпы, убили нѣсколько десятковъ людей изъ скорострѣльной пушки, — гласила телеграмма, заканчивавшаяся такъ: «При всемъ ихъ кажущемся могуществѣ, марсіане не выходятъ изъ ямы, въ которую упалъ ихъ снарядъ, да, очевидно, и не могутъ выйти. Это объясняется, вѣроятно сравнительно большею силой тяготѣнія на Землѣ». По поводу послѣдняго замѣчанія авторы передовицъ очень много распространялись въ самомъ оптимистическомъ тонѣ.

Само собою разумѣется, что всѣ студенты подготовительныхъ курсовъ по біологіи, которые въ то время посѣщалъ мой братъ, были сильно заинтересованы вышеупомянутой телеграммой, но на улицахъ не замѣчалось никакого особеннаго волненія въ тотъ день. Въ вечернихъ газетахъ появились на первой страницѣ кое-какія новыя вѣсти; къ Горселльскому выгону стягиваются войска, горятъ сосновые лѣса между Уокингомъ и Уэйбриджемъ, — вотъ и все, что онѣ могли пока сообщить. Затѣмъ, въ экстренномъ прибавленіи къ «St. James's Gazette» сообщалось, въ видѣ голаго факта, о прекращеніи телеграфныхъ сношеній. Въ публикѣ это объясняли тѣмъ, что горѣли лѣса, и горящія деревья, можетъ быть, падали поперекъ телеграфной линіи. Больше въ Лондонѣ ничего не знали въ ту ночь,—въ ночь моей поѣздки въ Ледергедъ и обратно.

Братъ не безпокоился о насъ, зная изъ газетъ, что мѣсто паденія цилиндра отстояло на добрыхъ

двѣ мили отъ моего дома. Онъ рѣшилъ проѣхать къ намъ въ тотъ же вечеръ, чтобы взглянуть на живыя существа съ Марса (какъ онъ потомъ объяснялъ), прежде чѣмъ ихъ истребятъ. Около четырехъ часовъ вечера онъ отправилъ мнѣ телеграмму, которой не суждено было дойти по назначенію, и провелъ вечеръ въ музыкальномъ клубѣ.

Въ Лондонѣ тоже была гроза въ ночь съ субботы на воскресенье, и до Ватерлоо братъ доѣхалъ въ кэбѣ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія на платформѣ вокзала, съ котораго обыкновенно отходятъ ночные поѣзда, онъ узналъ, что въ этотъ день поѣзда не доходятъ до Уокинга вслѣдствіе какого-то происшествія на дорогѣ. Въ чемъ заключалось происшествіе, онъ не могъ добиться: должно быть, и само желѣзнодорожное начальство не знало еще толкомъ, въ чемъ дѣло. На станціи не было замѣтно какой-нибудь особенной растерянности. Служащіе не могли себѣ представить ничего другого, кромѣ крушенія поѣзда, случившагося гдѣ-нибудь между Байфлитомъ и Уокингской соединительной вѣтвью, и старшіе изъ нихъ были заняты необходимыми распоряженіями по измѣненію расписанія вечернихъ дачныхъ поѣздовъ, которые обыкновенно проходятъ черезъ Уокингъ кружнымъ путемъ на Вирджини-Уотеръ или на Гильдфордъ. Какой-то газетный репортеръ, принявъ моего брата, должно быть, за начальника станціи, подошелъ было къ нему съ намѣреніемъ поинтервьюировать его. Даже и помимо желѣзнодорожныхъ служащихъ, лишь очень немногіе видѣли связь между крушеніемъ поѣзда и марсіанами.

Въ одномъ изъ сообщеній о субботнихъ событіяхъ я прочелъ, что будто въ воскресенье утромъ «весь Лондонъ былъ наэлектризованъ вѣстями изъ Уокинга». Но говоря по правдѣ, рѣшительно ничто не оправдывало столь сильныхъ выраженій. Въ Лондонѣ очень многіе даже и не

слыхали о марсіанахъ вплоть до утра понедѣльника, когда началась паника. Да и тѣ, кто слышалъ, не сразу могли ознакомиться съ содержаніемъ наскоро составленныхъ телеграммъ, появившихся въ воскресныхъ газетахъ. Въ Лондонѣ большинство не читаетъ воскресныхъ газетъ.

Къ тому же привычное чувство личной безопасности такъ глубоко укоренилось въ душѣ каждаго лондонца, а газеты, съ другой стороны, такъ пріучили его къ сенсаціоннымъ извѣстіямъ, что всякій могъ, ничуть не трепеща за себя лично, читать: «Вчера, около семи часовъ вечера, марсіане вышли изъ цилиндра и, двигаясь подъ прикрытіемъ металлическихъ щитовъ, до основанія разрушили станцію Уокингъ съ прилегающими къ ней домами и истребили цѣлый батальонъ Кардиганскаго полка. Подробности неизвѣстны. Скорострѣльныя пушки оказались совершенно безсильными передъ вооруженіемъ противника. Нашу полевую артиллерію заставили замолчать. Въ Чертси были откомандированы конные гусары для предупрежденія жителей. Марсіане, повидимому, подвигаются къ Чертси или къ Виндзору. Въ Западномъ Суррeѣ преобладаетъ тревожное настроеніе, и возводятся земляныя укрѣпленія съ цѣлью предупредить движеніе противника на Лондонъ». Такъ говорилось въ «Sunday Sun», а одна очень остроумная, но удивительно скорая на заключенія руководящая статья въ «Referee» сравнивала наше положеніе съ положеніемъ жителей деревни, въ которую ворвался бы неожиданно выпущенный на свободу звѣринецъ.

Въ Лондонѣ никто не имѣлъ опредѣленнаго представленія о томъ, что такое вооруженные марсіане, и большинство все еще держалось той крѣпко засѣвшей идеи, что эти чудовища должны быть очень неповоротливы. «Передвигаются съ трудомъ», ползутъ, какъ черепахи», — такого рода выраженія попадались почти во

всѣхъ первыхъ извѣстіяхъ газетъ, — ни одна изъ телеграммъ не была и не могла быть составлена никѣмъ изъ очевидцевъ выступленія марсіанъ. Воскресныя газеты выпускали особыя прибавленія по мѣрѣ полученія свѣжихъ вѣстей, а иныя—даже независимо отъ нихъ. Но, въ сущности, имъ было нечего сказать публикѣ до самаго конца дня, когда военныя власти сообщили имѣвшіяся у нихъ свѣдѣнія представителямъ печати. Въ газетахъ говорилось, что толпы бѣглецовъ изъ Уольтона, Уэйбриджа и окрестныхъ деревень запрудили всѣ дороги къ Лондону, — и только.

Утромъ мой братъ отправился въ церковь Воспитательнаго Дома, все еще не зная о событіяхъ, происходившихъ наканунѣ вечеромъ. Тамъ онъ слышалъ разговоры по поводу выступленія марсіанъ, а священникъ прочелъ особую молитву о сохраненіи мира. Выйдя изъ церкви, братъ купилъ номеръ «Referee.» Онъ пришелъ въ ужасъ отъ напечатанныхъ тамъ извѣстій и сейчасъ же поѣхалъ на Ватерлооскую станцію узнать, не возстановлено ли движеніе поѣздовъ. Попадавшаяся ему по дорогѣ публика въ омнибусахъ и экипажахъ, безчисленные велосипедисты и пѣшеходы въ праздничномъ платьѣ принимали, повидимому, довольно спокойно странныя вѣсти, выкрикиваемыя разносчиками газетъ. Всѣ, правда, интересовались ими, а если и пугались, такъ только за жителей ближайшихъ къ марсіанамъ мѣстъ. На станціи братъ въ первый разъ услыхалъ, что прервано телеграфное сообщеніе съ Виндзоромъ и Чертси. Носильщики говорили ему, что утромъ изъ Байфлита и со станціи Чертси было получено нѣсколько ужасающихъ телеграммъ, но что потомъ онѣ вдругъ прекратились. Брату не удалось вытянуть изъ нихъ никакихъ точныхъ данныхъ. «Подъ Уэйбриджемъ дерутся», — этимъ ограничивались всѣ ихъ свѣдѣнія.

Работа на желѣзной дорогѣ была къ этому времени сильно дезорганизована. На станціи собралось много публики, ожидавшей пріѣзда своихъ близкихъ изъ разныхъ мѣстъ по юго-западной линіи. Какой-то сѣдоволосый господинъ подошелъ къ моему брату и сталъ горько ему жаловаться, осыпая упреками Общество юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ. «Этого нельзя оставлять безъ протеста», говорилъ онъ.

Подошло два или три поѣзда изъ Ричмонда, изъ Путнея, и изъ Кингстона, съ пассажирами возвращавшимися изъ неудавшихся увеселительныхъ поѣздокъ. Они думали развлечься денекъ катаньемъ на лодкахъ, но всѣ шлюзы на рѣкѣ оказались зепертыми, въ воздухѣ чувствовалась тревога,—они и вернулись. Одинъ пассажиръ въ полосатой синей съ бѣлымъ фуфайкѣ заговорилъ съ братомъ и принялся разсказывать, какія странныя вещи онъ слышалъ.

Въ Кигстонъ народъ валомъ валитъ: ѣдутъ въ повозкахъ, въ телѣгахъ, въ фургонахъ, съ сундуками и чемоданами и со всякой домашней рухлядью,—разсказывалъ онъ. Ѣдутъ изъ Мольсея, изъ Уэйбриджа и изъ Ультона. Говорятъ, что въ Чертси слышна была польба изъ тяжелыхъ орудій, что тамъ разъѣзжали верховые солдаты и приказывали жителямъ немедленно выѣзжать, потому что идутъ марсіане. Мы тоже слышали, что какъ будто стрѣляютъ на станціи Гептонъ Кортъ, только думали — это громъ... Что за чортъ! Что все это значитъ? Вѣдь марсіане не могутъ выползти изъ своей ямы? Вѣдь не могутъ?

Братъ ничего не могъ ему отвѣтить на это. Вскорѣ онъ убѣдился, что и на подземной желѣзной дорогѣ чувствовалось въ воздухѣ что-то тревожное: изъ всѣхъ дачныхъ мѣстъ по юго-западной линіи, служащихъ цѣлью воскресныхъ экскурсій, — изъ Варнса, Уимбльдона, Ричмондъ-Парка, Кью и другихъ, — возвра-

щались пассажиры въ необычно ранніе часы. Никто изъ нихъ не могъ сообщить ничего опредѣленнаго: ходили только слухи. Но всѣ, имѣвшіе какое-нибудь отношеніе къ главной станціи желѣзныхъ дорогъ, были замѣтно чѣмъ-то озабочены и раздражены.

Часовъ около пяти собравшаяся на станціи толпа народа была сильно взволнована тѣмъ, что по линіи между юго-восточнымъ и юго-западнымъ вокзалами, обыкновенно закрытой, вдругъ началось движеніе воинскихъ поѣздовъ. Всѣ вагоны были биткомъ набиты солдатами, а на товарныхъ платформахъ стояли огромныя пушки. Ихъ везли изъ Вульвича и Четгема въ Кингстонъ. Солдаты обмѣнивались шутками съ публикой. «Васъ тамъ съѣдятъ живьемъ!» «Мы ѣдемъ звѣрей укрощать!» и въ этомъ родѣ. Спустя нѣкоторое время, на станцію явилась полиція, которая принялась очищать платформу отъ постороннихъ лицъ, такъ что моему брату пришлось уйти.

Онъ вышелъ на улицу. Колокола въ церквахъ звонили къ вечернѣ. Отрядъ женщинъ Арміи Спасенія прошелъ съ пѣніемъ по Ватерлооской дорогѣ. На мосту стояла кучка зѣвакъ и съ любопытствомъ смотрѣла на рѣку, по которой плыли клочья какой-то странной темно-бурой пѣны. Солнце садилось, и надъ зданіемъ Парламента съ его башней разстилалось самое спокойное небо, какое только можно вообразить, — все сплошь золотое, съ длинными поперечными полосами пурпурныхъ облаковъ. Слышались разговоры про человѣческій трупъ, будто-бы проплывшій по рѣкѣ. Какой-то человѣкъ (рядовой запаса, какъ онъ сказалъ брату) говорилъ, что онъ видѣлъ отблески геліографа на небѣ съ западной стороны.

На Веллингтонъ-Стритъ братъ столкнулся съ двумя парнями, которые только-что выбѣжали изъ типографіи съ Флитъ-Стритъ, нагруженные

еще не просохшими оттисками газетъ и кричащихъ объявленій. «Страшная катастрофа!»—орали они въ два голоса, перегоняя другъ друга. «Сраженіе подъ Уэйбриджемъ! Подробное описаніе! Отраженіе марсіанъ! Лондонъ въ опасности!» Съ брата содрали три пенса за номеръ газеты.

Тутъ только началъ онъ понимать все могущество марсіанъ и ужасъ, который они должны были наводить. Онъ узналъ, что это вовсе не горсточка какихъ-то маленькихъ, неповоротливыхъ существъ, а обширные умы, способные управлять сложными механическими аппаратами; что они могутъ быстро передвигаться и наносить такіе удары, передъ которыми не устоятъ сильнѣйшія изъ нашихъ орудій.

О нихъ говорилось, какъ объ «огромныхъ паукообразныхъ машинахъ, около ста футовъ вышиной, способныхъ передвигаться со скоростью экспресса и выпускающихъ смертоносные тепловые лучи страшно высокой температуры». По всей мѣстности, окружающей Горселльскій выгонъ, но главнымъ образомъ въ окрестностяхъ Уокинга и Лондона, были разставлены замаскированныя батареи, состоявшія преимущественно изъ полевыхъ орудій. Видѣли пять боевыхъ машинъ марсіанъ, направлявшихся къ Темзѣ; одна изъ нихъ, по счастливой случайности, была уничтожена гранатой. Всѣ остальные выстрѣлы не попали въ цѣль, и батареи были тотчасъ же взорваны тепловыми лучами. Упоминалось о тяжелыхъ потеряхъ въ нашихъ рядахъ, но тонъ сообщенія въ общемъ былъ оптимистическій.

Марсіане отражены; стало быть, они не неуязвимы. Они отступили на свою первоначальную позицію—въ треугольникъ между тремя цилиндрами, то есть къ Уокингу. Изъ Виндзора, изъ Портсмута, изъ Ольдершота, изъ Вульвича и даже съ сѣвера быстро подвозились орудія (въ томъ числѣ изъ Вульвича—длинныя пушки въ девяносто пять тоннъ). Въ общемъ, стояло на

позиціяхъ или было уже въ дорогѣ до ста шестнадцати пушекъ, все больше для обороны Лондона. Никогда еще ни видѣли въ Англіи столь быстраго сосредоточенія военныхъ силъ и въ столь широкихъ размѣрахъ.

Далѣе высказывалась надежда, что, въ случаѣ появленія новыхъ цилиндровъ, они будутъ немедленно уничтожены сильнодѣйствующими взрывчатыми веществами, которыя уже фабрикуются со всею поспѣшностью и будутъ надлежащимъ образомъ распредѣлены. Положеніе, несомнѣнно, изъ ряду вонъ выходящее и чрезвычайно серьезное (гласилъ газетный отчетъ), но публику убѣдительно просятъ не поддаваться и противодѣйствовать паникѣ. Марсіане, конечно, существа необыкновенныя и, доведенные до крайности, могутъ быть опасны, но ихъ вѣдь никакъ не болѣе двадцати противъ нашихъ милліоновъ.

Власти полагаютъ, основываясь на размѣрахъ цилиндровъ, что въ каждомъ цилиндрѣ можетъ помѣститься не болѣе пяти марсіанъ, слѣдовательно, въ трехъ цилиндрахъ—пятнадцать. И одинъ уже выбылъ изъ строя, а можетъ быть и не одинъ. Публику будутъ заблаговременно предупреждать объ опасности, а въ огражденіе жителей угрожаемыхъ юго-западныхъ городовъ и мѣстечекъ принимаются самыя серьезныя мѣры. Такого рода многократными завѣреніями въ безопасности Лондона и въ твердой надеждѣ властей легко справиться съ возникшимъ затрудненіемъ и заканчивалась эта квази-прокламація газеты.

Все это было пропечатано огромными буквами. Бумага была еще совсѣмъ сырая: съ этимъ номеромъ, очевидно, очень спѣшили и не успѣли прибавить ни слова въ поясненіе. Любопытно было видѣть (говорилъ мнѣ потомъ мой братъ), до чего урѣзаны и скомканы были всѣ остальныя рубрики газеты, чтобы дать мѣсто этой статьѣ.

По всей Веллингтонъ-Стритъ можно было ви-

дѣть людей, размахивавшихъ розовыми листками или углубившихся въ чтеніе ихъ, и весь Стрэндъ разомъ наполнился голосами цѣлой арміи разносчиковъ газетъ. Ихъ вырывали изъ рукъ другъ у друга. Прежняя апатія смѣнилась сильнѣйшимъ возбужденіемъ. Братъ видѣлъ на Стрэндѣ, какъ въ магазинѣ географическихъ картъ снимали ставни, и приказчикъ въ своемъ воскресномъ костюмѣ, даже въ канареечнаго цвѣта перчаткахъ на рукахъ, стоя въ окнѣ, наскоро устанавливалъ въ витринѣ карту Суррея.

Когда братъ, съ газетой въ рукѣ, проходилъ по Трафальгарскому скверу, ему попала навстрѣчу семья бѣглецовъ изъ Западнаго Суррея. Мужъ везъ ручную тачку, нагруженную домашнимъ скарбомъ, въ родѣ тѣхъ, какія бываютъ у зеленщиковъ, а рядомъ шли жена и два маленькіе сына. Они шли со стороны Вестминстерскаго моста. Слѣдомъ за ними ѣхалъ деревенскій фургонъ, въ которомъ сидѣло пять или шесть человѣкъ, весьма прилично одѣтыхъ, съ узлами и чемоданами. У всѣхъ были испуганныя, помертвѣлыя лица, и весь ихъ видъ представлялъ рѣзкій контрастъ съ праздничнымъ видомъ пассажировъ городскихъ омнибусовъ. Изъ кэбовъ ихъ съ любопытствомъ оглядывали хорошо одѣтые люди—мужчины и дамы. Фургонъ остановился у сквера, какъ будто путники колебались, какую имъ выбрать дорогу, и, наконецъ, повернулъ къ востоку вдоль Стрэнда. Немного подальше брату повстрѣчался человѣкъ въ рабочемъ платьѣ: онъ ѣхалъ на трехколесномъ велосипедѣ съ маленькимъ переднимъ колесомъ, какіе давно вышли изъ употребленія. Онъ былъ блѣденъ и весь въ грязи.

Мой братъ свернулъ къ площади Викторіи и встрѣтилъ цѣлый караванъ такихъ бѣглецовъ. У него мелькнула мысль, не увидитъ ли онъ меня среди нихъ. Ему бросилось въ глаза скопленіе въ этомъ мѣстѣ полиціи, наблюдавшей за пра-

вильностью движенія. Нѣкоторые изъ бѣглецовъ дѣлились впечатлѣніями съ пассажирами омнибусовъ. Одинъ божился, что видѣлъ марсіанъ: «Огромные котлы на ходуляхъ, и ходятъ, какъ люди». Большинство, видимо, еще не опомнилось послѣ пережитыхъ волненій.

Въ тавернахъ и трактирахъ за площадью Викторіи, куда подъѣзжали новоприбывшіе, шла бойкая торговля. На всѣхъ перекресткахъ стояли кучки народу съ газетами; всѣ оживленно разговаривали и съ недоумѣніемъ разглядывали необычныхъ воскресныхъ гостей. Потокъ бѣглецовъ все прибывалъ, и, наконецъ, къ вечеру на улицахъ Лондона была такая же давка, какъ на главной улицѣ Дерби въ день скачекъ. Братъ обращался съ разспросами ко многимъ, но отъ большинства не могъ добиться удовлетворительныхъ отвѣтовъ.

Объ Уокингѣ никто не зналъ ровно ничего, кромѣ одного человѣка, который увѣрялъ брата, что весь городокъ наканунѣ ночью разрушенъ до основанія, что тамъ не осталось камня на камнѣ.

— Самъ я изъ Байфлита,—прибавилъ онъ.—Рано утромъ къ намъ пріѣхалъ человѣкъ на велосипедѣ. Онъ объѣхалъ все мѣстечко и всѣмъ приказывалъ выѣзжать. Потомъ пришли солдаты. Мы вышли на улицу посморѣть. На югѣ видны были тучи дыма—сплошной дымъ, и больше ничего; людей не было видно — ни души. Потомъ мы услыхали пальбу въ Чертси. Изъ Уэйбриджа потянулся народъ. Тогда я заперъ свой домъ и уѣхалъ».

Къ этому времени въ городѣ чувствовалось сильное недовольство властями за неумѣнье ихъ расправиться съ марсіанами, не подвергая страну всѣмъ непріятностямъ вражескаго вторженія.

Часовъ около восьми съ юга стали явственно доноситься раскаты пушечной пальбы. На главныхъ улицахъ за шумомъ ѣзды ничего не было слышно, но когда братъ мой повернулъ къ рѣкѣ

и углубился въ безконечную сѣть глухихъ переулковъ, онъ сталъ ясно различать эти звуки. Часа въ два ночи онъ возвращался изъ Вестминстера на свою квартиру, помѣщавшуюся по сосѣдству съ Реджентъ-Паркомъ. Теперь онъ очень волновался за меня и вообще былъ не на шутку встревоженъ, начиная понимать истинные размѣры бѣдствія. Его мысли часто останавливались на подробностяхъ военныхъ дѣйствій, какъ это было и со мною наканунѣ. Онъ думалъ о безмолвныхъ пушкахъ, подстерегающихъ врага, о мирной странѣ, внезапно превратившейся въ какое-то сплошное кочевье, старался представить себѣ эти «котлы на ходуляхъ» вышиною въ сто футовъ.

Нѣсколько повозокъ съ бѣглецами проѣхало по Оксфордъ-Стритъ да еще двѣ-три по Мэрилибонъ-Родъ; но вѣсти распространялись такъ медленно, что Реджентъ-Стритъ и Портлэндъ-Родъ, какъ и всегда въ воскресенье по вечерамъ, кишѣли гуляющими (хотя мѣстами, правда, виднѣлись группы людей, поглощенныхъ оживленной бесѣдой), а по наружнымъ аллеямъ Реджентъ-Парка подъ рѣдкими фонарями «прохаживались» молчаливыя парочки, тоже какъ всегда и въ такомъ же количествѣ. Ночь была тихая и жаркая, немного даже душная; грохотъ пушекъ продолжался безъ перерыва, а послѣ полуночи на югѣ заблестѣли зарницы, и начала собираться гроза.

Братъ читалъ и перечитывалъ газету, опасаясь за меня самаго худшаго. Онъ не находилъ себѣ мѣста отъ безпокойства, и послѣ ужина принялся опять безцѣльно слоняться по улицамъ. Вернувшись домой, онъ пробовалъ сосредоточиться на зубрежкѣ къ экзаменамъ, но тщетно, и вскорѣ послѣ полуночи улегся въ постель. Ему снились страшные сны. На зарѣ онъ проснулся отъ стука дверныхъ молотковъ и отъ колокольнаго звона. Съ улицы доносился топотъ бѣгущихъ ногъ; гдѣ-

то вдали билъ барабанъ. На потолкѣ комнаты плясали красные отблески огня. Съ минуту братъ пролежалъ неподвижно, не понимая, что это—день ли уже наступилъ, или свѣтъ перевернулся вверхъ ногами. Потомъ онъ соскочилъ съ постели и подбѣжалъ къ окну.

Его комната была въ верхнемъ этажѣ, и когда онъ высунулся въ окно, то увидѣлъ, что по всей улицѣ въ домахъ открываются оконныя рамы и изъ всѣхъ оконъ высовываются головы людей во всевозможныхъ ночныхъ дезабилье. Люди перекликались между собой. Со всѣхъ сторонъ сыпались вопросы. «Они идутъ»! прокричалъ во все горло полисменъ, колотя въ наружную дверь. —Идутъ марсіане!—и онъ бросился къ сосѣднему дому.

Съ Альбани-Стритъ изъ казармъ доносилась барабанная дробь и ревъ военныхъ трубъ, а колокольни всѣхъ блиайшихъ церквей старались наперебой разогнать сонъ обывателей тревожнымъ безпорядочнымъ звономъ. Кругомъ хлопали открывающіяся двери, и темныя окна противоположныхъ домовъ загорались одно за другимъ желтымъ свѣтомъ спѣшно зажигаемыхъ свѣчей.

Изъ-за угла выѣхала закрытая карета, прогрохотала подъ окномъ и покатилась вдоль улицы, постепенно затихая вдали. Слѣдомъ за ней проскакали два извозчичьихъ кэба. Это было началомъ цѣлой вереницы мчащихся легковыхъ экипажей. Почти всѣ они направлялись къ станціи Уокъ-Фармъ, гдѣ снаряжались экстренные поѣзда сѣверо-западной линіи.

Ошеломленный всѣмъ этимъ, братъ мой долго стоялъ у окна и смотрѣлъ, какъ полисмены бѣгали отъ дома къ дому, стучась въ наружныя двери и выкрикивая свое непостижимое сообщеніе. Вдругъ онъ услышалъ у себя за спиной стукъ отворяемой двери. На порогѣ его комнаты стоялъ его сосѣдъ, квартировавшій на той же площадкѣ.

Онъ былъ въ туфляхъ и въ нижнемъ бѣльѣ, съ болтающимися на поясѣ подтяжками, съ растрепанной головой—прямо съ постели.

— Что за чортъ! Что случилось? Пожаръ? Что значитъ эта адская кутерьма?—спрашивалъ онъ.

Оба высунулись въ окно, стараясь разслышать, что кричали на улицѣ полисмены. Изъ боковыхъ улицъ подходилъ народъ. На перекресткахъ стояли отдѣльныя группы, о чемъ-то оживленно бесѣдуя.

— Что значитъ вся эта чертовщина?—повторилъ сосѣдъ брата.

Братъ промычалъ въ отвѣтъ что-то неопредѣленное и началъ одѣваться, поминутно подбѣгая къ окну, чтобы не пропустить ни одной подробности изъ того, что дѣлалось на улицѣ. А тамъ волненіе все разросталось. Вдругъ, несмотря на ранній часъ (для газетъ слишкомъ ранній), показались газетчики, кричавшіе на всю улицу:

— Лондонъ въ опасности! Гибель отъ удушенія дымомъ! Въ Кингстонѣ и Ричмондѣ разрушены укрѣпленія! Страшное избіеніе въ долинѣ Темзы!

И повсюду кругомъ—въ нижнихъ квартирахъ, въ домахъ черезъ улицу и въ сосѣднихъ, и впереди, за паркомъ, и на всѣхъ прочихъ безчисленныхъ улицахъ той части Мерилибона, и въ округѣ Вестбурнъ-Парка и Св. Панкратія, и дальше на западъ и на сѣверъ, въ Кильбурнѣ, въ Сентъ-Джонсъ-Вудъ и въ Гэмпстэдѣ, и на востокъ, въ Шордичѣ, въ Гайбери, въ Гаггерстонѣ, въ Гокстонѣ, и по всему громадному пространству Лондона, отъ Илинга до Истъ-Гема, люди, какъ полоумные, вскакивали съ постелей, протирали глаза, распахивали окна, смотрѣли на улицу, засыпали другъ друга праздными вопросами и впопыхахъ одѣвались. По улицамъ огромнаго города пронеслось первое дуновеніе налетѣвшей бури страха: то было начало великой общей паники. Лондонъ, только лишь наканунѣ, въ вос-

кресенье вечеромъ отошедшій ко сну спокойнымъ, тупо-равнодушнымъ, на зарѣ понедѣльника проснулся съ острымъ сознаніемъ грозящей бѣды.

Убѣдившись, что наблюденія изъ окна не помогутъ ему разобраться въ случившемся, братъ спустился внизъ и вышелъ на улицу. Небо между парапетами домовъ уже порозовѣло передъ восходомъ солнца. Толпа бѣглецовъ, пѣшихъ и въ экипажахъ, возрастала съ каждой минутой. «Черный дымъ! Черный дымъ!»—кричали кругомъ, и этотъ крикъ подхватывался и повторялся безъ конца. Нельзя было не заразиться столь единодушнымъ страхомъ. Пока братъ, стоя въ дверяхъ, колебался, куда ему направить путь, онъ увидалъ подходившаго газетчика съ новыми номерами газетъ и купилъ у него одинъ номеръ. Газетчикъ побѣжалъ дальше, распродавая на ходу свою газету по шиллингу за номеръ. Паника и жадность къ наживѣ,—какое дикое сочетаніе двухъ, казалось бы, несовмѣстимыхъ вещей!

Въ этой-то газетѣ братъ и прочелъ зловѣщую депешу главнокомандующаго.

«Марсіане знаютъ способъ отравлять воздухъ, выпуская посредствомъ ракетъ цѣлыя тучи какого-то чернаго ядовитаго дыма. Они заставили замолчать наши батареи, разрушили Ричмондъ, Кингстонъ и Уимбльдонъ, и теперь шагъ за шагомъ подвигаются къ Лондону, уничтожая все на пути. Ихъ невозможно остановить. Отъ чернаго дыма нѣтъ иного спасенія, кромѣ поспѣшнаго бѣгства».

Вотъ и все, но этого было довольно. Все шестимилліонное населеніе огромнаго города зашевелилось; всѣ одѣвались на скорую руку и бѣжали, кто куда могъ. Вскорѣ это превратилось въ одно сплошное массовое бѣгство на сѣверъ.

— Черный дымъ!—раздавалось со всѣхъ сторонъ!—Огонь! Черный дымъ!

На колокольнѣ сосѣдней церкви неистово трезвонили колокола. Какая-то повозка съ растерявшимся отъ страху возницей со всего маху влетѣла въ сточную канаву подъ крики и ругань толпы. Въ окнахъ домовъ мелькалъ, перебѣгая, чахлый желтоватый свѣтъ свѣчей. Нѣкоторые изъ проносившихся кэбовъ сверкали зажженными фонарями, которые забыли погасить. А вверху, надъ домами, все ярче разгоралась заря,—ясная, неумолимая и спокойная.

Братъ слышалъ, какъ забѣгали въ домѣ и на лѣстницѣ. Къ нему подошла его хозяйка, въ наскоро накинутой блузѣ и въ платкѣ на плечахъ. За ней тащился ея мужъ, бормоча что-то несвязное.

Какъ только братъ началъ, наконецъ, понимать всю важность совершавшагося передъ нимъ, онъ бросился наверхъ въ свою комнату, сунулъ въ карманъ всѣ свои наличныя деньги (что-то около десяти фунтовъ стерлинговъ) и выбѣжалъ опять на улицу.

XV.

Что случилось въ Сурреѣ.

Пока я слушалъ дикій бредъ викарія, сидя съ нимъ подъ изгородью на лугу близъ Галлифорда, и пока мой братъ въ Лондонѣ наблюдалъ потокъ бѣглецовъ, запрудившихъ Вестминстерскій мостъ, марсіане опять перешли въ наступленіе. Насколько можно было понять изъ противорѣчивыхъ газетныхъ отчетовъ, большинство марсіанъ до девяти часовъ вечера того дня продолжали заниматься своими приготовленіями въ ямѣ подъ Горселлемъ, торопливо производя какую-то химическую операцію, результатомъ которой были выходившіе изъ ями огромные клубы зеленаго дыма.

Но во всякомъ случаѣ достовѣрно, что около восьми часовъ вечера три марсіанина вышли изъ ямы. Осторожно подвигаясь впередъ, они прошли черезъ Байфлитъ и Пирфордъ къ Риплею и Уэйбриджу, и такимъ образомъ передъ закатомъ очутились въ виду ожидавшихъ ихъ батарей. Шли эти три марсіанина не рядомъ, а гуськомъ, на разстояніи приблизительно полуторы мили одинъ отъ другого. Они перекликались между собой посредствомъ завыванья, переходившаго изъ тона въ тонъ по всей гаммѣ звуковъ и напоминавшаго ревъ фабричныхъ сиренъ.

Этотъ-то ревъ, вперемежку съ пушечными выстрѣлами у Риплея и Сентъ-Джорджъ-Гилля, и доносился къ намъ въ Галлифордъ. Артиллеристы батареи, стоявшей у Риплея, все волонтеры, которыхъ совсѣмъ не слѣдовало бы ставить на такую позицію, не выждали времени и, выпустивъ наудачу одинъ безцѣльный и безплодный залпъ, пустились на утекъ, кто верхомъ, кто пѣшкомъ, по опустошенной деревнѣ. Тогда ближайшій марсіанинъ преспокойно перешагнулъ черезъ покинутыя орудія, не пуская даже въ дѣло теплового луча, вышелъ на переднюю линейку и, неожиданно подойдя къ батареѣ Шеншиль-Парка, уничтожилъ ее.

Но артиллеристы Сентъ-Джорджъ-Гилльской батареи оказались другого закала. А могло быть и то, что они занимали лучшую позицію. Ихъ орудія, скрытыя въ сосновомъ лѣсу, были не замѣчены подходившимъ марсіаниномъ. Спокойно, какъ на смотру, они зарядили ихъ всѣ и, подпустивъ непріятеля на тысячу ярдовъ, дали по немъ залпъ.

Марсіанина обдало осколками упавшей гранаты, и солдаты видѣли, какъ онъ прошелъ нѣсколько шаговъ, покачнулся и упалъ. Раздался общій ликующій крикъ. Люди съ бѣшеной поспѣшностью снова зарядили орудія. Упавшій марсіанинъ испустилъ протяжный вой; въ отвѣтъ

на этотъ призывъ, съ юга, надъ деревьями, сейчасъ же показался второй сверкающій великанъ. Должно быть, осколкомъ гранаты подбило ногу у треножника перваго марсіанина. Второй залпъ пропалъ даромъ, ударивъ въ землю довольно далеко отъ него, и вслѣдъ затѣмъ оба его спутника направили на батарею свои тепловые лучи. Пороховые ящики взлетѣли на воздухъ; вокругъ орудій яркимъ пламенемъ вспыхнули сосны. Изъ солдатъ спаслось всего два-три человѣка, успѣвшіе забѣжать за гребень холма.

Послѣ этого три великана стали, повидимому, совѣщаться; по крайней мѣрѣ, слѣдившіе за ними лазутчики доносили потомъ, что всѣ трое простояли на мѣстѣ съ полчаса. Изъ колпака подбитой машины выползъ марсіанинъ—маленькая темная фигурка, казавшаяся на разстояніи какимъ-то паучкомъ,—и занялся, повидимому, починкой своего треножника. Часамъ къ девяти онъ кончилъ эту работу, ибо надъ деревьями снова показался его колпакъ.

Было начало десятаго, когда къ этому передовому отряду присоединилось еще четверо марсіанъ, вооруженныхъ какими-то толстыми черными трубками. Они роздали по такой же точно трубкѣ и первымъ троимъ, послѣ чего всѣ семеро растянулись полумѣсяцемъ къ юго-западу отъ Риплея, размѣстившись на равныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, и такимъ образомъ оцѣпили съ одной стороны Сентъ-Джорджъ-Гилль, Уэйбриджъ и деревеньку Сэндъ.

Какъ только они тронулись съ мѣста, штукъ двѣнадцать ракетъ взвились изъ-за холмовъ передъ ними, предупреждая стоявшія наготовѣ у Диттона и Эшера батареи о приближеніи врага. Въ то же самое время еще четыре непріятельскія боевыя машины, тоже снабженныя трубками, перешли рѣку, и двѣ изъ нихъ, чернѣя на фонѣ заката, выросли передо мной и викаріемъ, застигнувъ насъ на дорогѣ изъ Галли-

форда на сѣверъ, по которой мы еле тащились, напрягая послѣднія силы, чтобы итти скорѣе. Намъ показалось, что они летятъ на облакахъ, ибо по полямъ стлался молочный туманъ, закрывавшій треножники до одной трети ихъ вышины.

Увидѣвъ двухъ великановъ, викарій слабо вскрикнулъ и пустился бѣжать. Но я-то зналъ, что отъ марсіанина не убѣжишь; поэтому я свернулъ въ сторону и, бросившись ничкомъ въ пропитанную росою крапиву, поползъ въ широкую канаву, которая шла вдоль дороги. Викарій оглянулся, увидѣлъ, что я дѣлаю, и послѣдовалъ за мной.

Марсіане остановились. Ближайшій стоялъ лицомъ къ Сенбери. Другой былъ далеко, въ сторонѣ Стэнса, и казался сѣрымъ пятномъ на фонѣ вечерняго неба.

Призывный вой ихъ давно прекратился: въ полнѣйшемъ безмолвіи заняли они свои мѣста въ огромномъ полумѣсяцѣ, имѣвшемъ не менѣе двѣнадцати миль между своими рогами и опоясывавшемъ всю площадь мѣстонахожденія трехъ цилиндровъ. Никогда еще со времени изобрѣтенія пороха сраженіе не начиналось въ такой тишинѣ. На насъ (да вѣроятно, и на всякаго наблюдателя, будь онъ подъ Галлифордомъ, какъ мы, или у Риплея) это производило такое впечатлѣніе, какъ будто марсіане были единственными властелинами этой темнѣющей ночи, озаряемой лишь молодымъ мѣсяцемъ, первыми звѣздами, послѣднимъ отблескомъ вечерней зари да краснымъ заревомъ пожара у Сентъ-Джорджъ-Гилля отъ горѣвшихъ Пеншильскихъ лѣсовъ.

А между тѣмъ отовсюду—со стороны Стэнса, Гаунслоу, Диттона, Эшера, Окгема, изъ-за холмовъ и лѣсовъ южнаго берега рѣки и изъ-за низкихъ луговъ, что тянутся на сѣверъ отъ нея,—отовсюду, гдѣ какая-нибудь рощица или кучка сельскихъ домиковъ давала прикрытіе, на этотъ полумѣсяцъ глядѣли жерла пушекъ.

Сигнальныя ракеты взвились и разсыпались дождемъ искръ въ темнотѣ ночи, и для артиллеристовъ сторожевыхъ батарей потянулись минуты напряженнаго ожиданія. Стоило марсіанамъ вступить въ линію огня, и въ тотъ же мигъ эти грозно сверкающія въ сумракѣ ранней ночи орудія, съ притаившимися за ними неподвижными черными фигурами людей, разразились бы цѣлою бурею громовыхъ залповъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что у всѣхъ этихъ тысячъ чутко прислушивавшихся людей, такъ же, какъ и у меня, преобладающею мыслью въ ту минуту былъ вопросъ, что думаютъ о насъ марсіане. Понимали ли они въ самомъ дѣлѣ, что воюютъ съ милліонами организованныхъ и дисциплинированныхъ существъ, дѣйствующихъ заодно? Или же всѣ эти огненныя вспышки, эти внезапные укусы нашихъ гранатъ, наше обдуманное обложеніе ихъ лагеря они принимали такъ, какъ принимаемъ мы отчаянное единодушное нападеніе пчелъ потревоженнаго улья? Ужъ не разсчитывали ли они истребить насъ всѣхъ до послѣдняго? (Въ то время у насъ никто еще не зналъ, чѣмъ питаются марсіане). Сотни подобныхъ вопросовъ роились у меня въ головѣ, пока я наблюдалъ за гигантской фигурой ихъ часового. А въ глубинѣ души я утѣшался сознаніемъ, что вся дорога къ Лондону занята громадными, неизвѣстными марсіанамъ, скрытыми военными силами. Успѣли ли наши приготовить волчьи ямы на пути непріятеля? Пришло ли имъ въ голову обратить въ ловушку для него пороховые заводы Гаунслоу? Хватитъ ли у лондонцевъ мужества и патріотизма устроить марсіанамъ вторую Москву изъ всей своей громады домовъ?

Спустя нѣкоторое время, тянувшееся безконечно долго для насъ, сидѣвшихъ скорчившись на землѣ и украдкой выглядывавшихъ черезъ изгородь, раздался какъ будто далекій пушеч

ный выстрѣлъ. Потомъ другой и третій. Тогда ближайшій марсіанинъ приподнялъ надъ собой свою трубку и разрядилъ ее въ сторону батарей. Отъ тяжкаго грохота этого выстрѣла дрогнула земля. Марсіанинъ, стоявшій у Стэнса, отвѣтилъ такимъ же выстрѣломъ. Но не было ни дыма, ни вспышки огня,—ничего, кромѣ оглушительнаго грохота.

Я былъ такъ пораженъ этими странными выстрѣлами, слѣдовавшими одинъ за другимъ, что совершенно позабылъ о грозящей мнѣ опасности, о своихъ обожженныхъ рукахъ, и вскарабкался на изгородь, чтобы взглянуть въ сторону Сенбери. Въ эту самую минуту нашъ марсіанинъ выстрѣлилъ въ другой разъ, и у меня надъ головой пронесся огромный снарядъ, направляясь къ Гаунслоу. Я ожидалъ, что увижу хоть дымъ или огонь или вообще какой-нибудь слѣдъ дѣйствія этого снаряда. Но я увидѣлъ надъ собой только темносинее небо съ одинокой звѣздой, а подъ собой стлавшійся по землѣ густой бѣлый туманъ. Я не услышалъ затѣмъ ни треска взрыва, ни отвѣтнаго выстрѣла. Кругомъ стояла мертвая тишина. Прошла минута, двѣ и три.

— Что случилось?—проговорилъ викарій, стоявшій возлѣ меня.

— Богъ его знаетъ!—отвѣчалъ я.

Въ темнотѣ прошмыгнула летучая мышь и скрылась. Гдѣ-то вдали раздался стоголосый человѣческій крикъ и замолкъ. Я снова взглянулъ на марсіанина: быстрымъ катящимся бѣгомъ онъ двигался теперь къ востоку вдоль рѣки.

Я ожидалъ ежеминутно, что которая-нибудь изъ нашихъ скрытыхъ батарей дастъ по немъ залпъ, но все кругомъ было спокойно, ничто больше не нарушало ночной тишины. Фигура марсіанина уменьшалась по мѣрѣ того, какъ онъ удалялся, и, наконецъ, туманъ и сгущавшійся мракъ ночи поглотили его. Инстинктивно,

не сговариваясь, мы съ викаріемъ вскарабкались выше. Мы увидѣли въ сторонѣ Сенбери какую-то темную массу, напоминавшую формой конусообразный холмъ. Этотъ холмъ точно выросъ внезапно: онъ закрывалъ намъ видъ. Подальше, за рѣкой у Уольтона, мы замѣтили другой такой же холмъ. И оба эти странные конусообразные холма становились все ниже и расползались вширь на нашихъ глазахъ.

Движимый внезапной догадкой, я посмотрѣлъ на сѣверъ, и тамъ увидѣлъ третью такую же черную облачную массу въ видѣ огромнаго конуса.

Стало до странности тихо. Издалека, съ юго-востока, словно подчеркивая эту тишину, доносились перекликающіеся голоса марсіанъ. Потомъ воздухъ дрогнулъ еще разъ отъ далекаго разряда ихъ трубокъ. Но земная артиллерія молчала.

Въ то время смыслъ этого молчанія былъ намъ непонятенъ, но вскорѣ мнѣ пришлось узнать, что означали эти зловѣщіе черные конусы, выраставшіе въ сумракѣ ночи. Каждый изъ марсіанъ, стоявшихъ по линіи громаднаго полумѣсяца, о которомъ я говорилъ, по какому-то неизвѣстному намъ сигналу разряжалъ бывшую при немъ пушкообразную трубку въ сторону каждой возвышенности, каждой кучки домовъ, которая могла служить прикрытіемъ для нашихъ орудій и приходилась противъ него. Одни выстрѣлили только по разу, другіе по два раза, какъ тотъ марсіанинъ, который былъ ближе къ намъ. Тотъ же, который стоялъ у Рипллея, выпустилъ, говорятъ, не менѣе пяти снарядовъ. Ударившись о землю, эти снаряды разбивались (но не разрывались, какъ наши), и выпускали цѣлыя тучи тяжелаго, чернаго, какъ чернила, пара или дыма, который сначала подымался кверху густымъ чернымъ облакомъ, образуя газообразный колеблющійся холмъ, а потомъ опускался и медленно расползался кругомъ

по землѣ. И прикосновеніе такой ползучей струи, одно вдыханіе этого ѣдкаго газа приносило смерть всему живущему.

Онъ былъ очень тяжелъ—тяжелѣе самаго густого дыма. Потому-то послѣ перваго сильнаго толчка, заставлявшаго его взлетать кверху, онъ опускался, просачиваясь сквозь воздухъ, разливался по землѣ скорѣе какъ жидкость, чѣмъ какъ газъ, и текъ съ возвышенностей въ долины и рвы, въ ручьи и рѣки совершенно такъ, какъ течетъ углекислый газъ изъ трещинъ вулкановъ. Тамъ, гдѣ онъ попадалъ въ воду, происходилъ какой-то химическій процессъ: поверхность воды мгновенно покрывалась пленкой мелкаго порошка, который, по мѣрѣ своего образованія, медленно опускался на дно. Этотъ порошокъ былъ абсолютно нерастворимъ и—странная вещь, если принять во вниманіе мгновенное смертоносное дѣйствіе газа,—воду, содержавшую такой порошокъ, можно было пить безъ вреда. Самый же газъ не разсѣивался, какъ это бываетъ съ газообразными тѣлами. Онъ сначала висѣлъ въ воздухѣ компактными клубами, потомъ медленно соединялся съ туманомъ и съ росой, осѣдая на землю въ видѣ порошка. Мы и понынѣ не знаемъ состава этого газа.

Какъ только послѣ тяжелаго паденія снаряда и перваго бурнаго взлета черныхъ клубовъ заканчивалось образованіе газообразнаго конуса, черный дымъ такъ плотно осѣдалъ къ землѣ, что футовъ на пятьдесятъ надъ землей, на крышахъ и въ верхнихъ этажахъ домовъ, и на высокихъ деревьяхъ, была полная возможность спастись отъ его ядовитаго дѣйствія, какъ это было доказано въ ту же ночь на нѣсколькихъ примѣрахъ, имѣвшихъ мѣсто въ Стритъ-Кобгемѣ и Диттонѣ.

Человѣкъ, спасшійся въ Кобгемѣ, разсказывалъ удивительную исторію. Сидя на колокольнѣ, онъ видѣлъ, какъ клубы чернаго дыма окуты-

вали деревню, и какъ въ черной пасти ползучаго чудовища постепенно исчезали дома. Полтора сутокъ просидѣлъ онъ на своей вышкѣ, измученный, голодный, жарясь на припекѣ. Надъ нимъ было синее небо, а подъ нимъ, въ ярко освѣщенной солнцемъ рамкѣ далекихъ холмовъ, лежала, словно затянутая чернымъ бархатомъ ковромъ, земля, съ торчащими кое-гдѣ красными крышами, зелеными верхушками деревьевъ, а позднѣе—съ проступающими сквозь черную дымку кустами и изгородями, амбарами и гумнами.

Но такъ было только въ Стритъ-Кобгемѣ, гдѣ марсіане почему-то дали черному дыму оказать свое полное дѣйствіе, предоставивъ ему осѣдать собственной тяжестью. Вообще же они поступали иначе. Давъ черному дыму исполнить свое назначеніе, они очищали отъ него воздухъ, проходя по зараженной имъ мѣстности и направляя въ дымъ струи обыкновеннаго пара, превращавшаго его въ порошокъ.

Такъ сдѣлали они, напримѣръ, съ чернымъ дымомъ ближайшаго къ намъ конуса, какъ мы могли это видѣть при свѣтѣ звѣздъ изъ окна покинутаго домика въ верхнемъ Галлифордѣ, куда мы вернулись. Оттуда же мы видѣли перебѣгающій свѣтъ электрическихъ прожекторовъ на Ричмондскомъ и Кингстонскомъ холмахъ. Вдругъ (это было часовъ около одиннадцати) въ нашемъ домикѣ задребезжало окно: это палили на Ричмондѣ и Кингстонѣ изъ тяжелыхъ крѣпостныхъ орудій, стоявшихъ тамъ на позиціяхъ. Стрѣляли наудачу въ невидимыхъ марсіанъ, по направленію къ Гемптону и Диттону. Пальба продолжалась безъ перерыва въ продолженіе четверти часа, затѣмъ блѣдные лучи электрическаго свѣта погасли, и на смѣну имъ взвился ярко-красный огненный столбъ.

Потомъ, промелькнувъ сверкающимъ зеленымъ метеоромъ, упалъ четвертый цилиндръ— въ Буши-Паркѣ, какъ я узналъ впослѣдствіи.

Но еще до канонады на Ричмондской и Кингстонской позиціяхъ доносились отголоски далекихъ безпорядочныхъ выстрѣловъ съ югозападной стороны. Очевидно, тамошнія батареи тоже пробовали стрѣлять наудачу, прежде чѣмъ черный дымъ задушилъ тамъ людей.

Такимъ-то образомъ, обкуривая человѣческія жилища, спокойно и методично, какъ обкуриваемъ мы осиныя гнѣзда, распространяли марсіане свой удушливый газъ по всей мѣстности, прилегающей къ Лондону. Рога полумѣсяца постепенно раздвигались, пока онъ не вытянулся въ прямую линію между Ганвеллемъ, Кумбомъ и Мальденомъ. Всю ночь напролетъ работали, медленно подвигаясь, разрушительныя трубки. Ни разу съ той минуты, какъ въ Сентъ-Джорджъ-Гиллѣ упалъ марсіанинъ, подбитый нашей гранатой, на долю нашей артиллеріи не выпало и тѣни шанса на успѣхъ. Вездѣ, гдѣ для непріятеля была хоть малѣйшая вѣроятность наткнуться на невидимыя за прикрытіемъ пушки, выпускался зарядъ чернаго дыма,—а гдѣ наши орудія стояли на виду, тамъ дѣйствовалъ тепловой лучъ.

Къ полуночи пылающія деревья по склонамъ Ричмондъ-Парка и зарево пожара на Кингстонскомъ холмѣ освѣщали работу чернаго дыма, уже застилавшаго всю долину Темзы и разливавшагося кругомъ, насколько хваталъ глазъ. И по этой ползущей густой черной лавѣ не спѣша шагали два марсіанина, пуская во всѣ стороны струи шипящаго пара.

Въ ту ночь марсіане старались обходиться безъ теплового луча, потому ли, что у нихъ былъ лишь ограниченный запасъ матеріала для его производства, или потому, что они не имѣли въ виду опустошать страну, а хотѣли только напугать и подавить сопротивленіе. И этой цѣли они, несомнѣнно, достигли. Ночь съ воскресенія на понедѣльникъ была послѣднею ночью

организованнаго сопротивленія ихъ наступательнымъ дѣйствіямъ. Всякая попытка въ этомъ направленіи была бы теперь безнадежна. Никакая армія не могла устоять передъ ними. Даже команды миноносокъ и судовъ съ скорострѣльными пушками, поднявшихся было по Темзѣ, наотрѣзъ отказались дѣйствовать, подняли бунтъ и воротились назадъ. Единственными средствами обороны, на какія еще отважились люди съ той ночи, были—заложеніе минъ и рытье волчьихъ ямъ, да и въ этомъ ихъ энергія проявлялась какъ-то порывисто, безъ всякой системы.

Вы только представьте себѣ судьбу батарей, стоявшихъ у Эшера,—несчастную судьбу стойкихъ людей, чутко прислушивавшихся въ сумракѣ ночи. Ни одного человѣка не осталось въ живыхъ! Вообразите эту картину: тихая ночь... батарея въ полной готовности къ бою; офицеры зорко всматриваются въ темноту; наводчики у орудій ждутъ приказаній; пороховые ящики сняты съ передковъ; ефрейторы у лафетовъ держатъ подъ уздцы лошадей; тутъ же лазаретныя фуры и палатки съ обожженными и ранеными изъ Уэйбриджа; толпа постороннихъ зрителей въ почтительномъ отдаленіи, потому что близко подходить не пускаютъ... Полная тишина. Потомъ глухой выстрѣлъ разряженной непріятельской трубки. Надъ домами и деревьями проносится неуклюжій снарядъ и тяжело падаетъ въ сосѣднемъ полѣ.

Вообразите теперь это внезапное обострившееся вниманіе стерегущихъ людей, взлетѣвшіе къ небу клубы густой черной массы, превратившіе сумракъ ночи въ ощутимый, осязаемый мракъ... Вообразите этого невиданнаго, ужаснаго врага— черный дымъ, подбирающійся къ своимъ жертвамъ, постепенно поглощающій людей и лошадей. Вообразите это безумное бѣгство, покинутыя пушки, крики отчаянія, этихъ задыхаю-

щихся, падающихъ людей, извивающихся въ корчахъ на землѣ, и надъ всѣмъ этимъ быстро осѣдающій и расползающійся кругомъ плотный конусъ чернаго дыма. А тамъ—ночь и и смерть,—ничего, кромѣ безмолвной, непроницаемой черной пелены, скрывающей мертвецовъ.

Еще до зари черный дымъ лился по улицамъ Ричмонда, и распадающійся государственный организмъ, въ своемъ послѣднемъ, предсмертномъ усиліи, предупреждалъ населеніе Лондона о необходимости поспѣшнаго бѣгства.

XVI

Исходъ изъ Лондона.

Вы легко поймете теперь, какая бурная волна паническаго страха разлилась по улицамъ величайшаго въ мірѣ города съ наступленіемъ утра понедѣльника. Потокъ бѣглецовъ скоро превратился въ широкую рѣку, яростно бушевавшую у станцій желѣзныхъ дорогъ, у пристаней на Темзѣ, и пользовавшуюся каждою мало-мальски пригодной дорогой, чтобы прорыть себѣ русло на сѣверъ и на востокъ. Къ десяти часамъ организація полиціи, а къ полудню и желѣзнодорожная, совершенно распались, утративъ свой обликъ и власть,—растаяли, расползлись и слились съ живымъ потокомъ обезумѣвшихъ людей въ этомъ быстромъ разложеніи соціальнаго тѣла.

Еще въ полночь съ воскресенья на понедѣльникъ населеніе Каннонъ-Стрита, т.-е. юго-восточной части Лондона, а также и желѣзнодорожныя линіи къ сѣверу отъ Темзы получили предупрежденіе, и уже къ двумъ часамъ всѣ поѣзда были переполнены, въ вагонахъ публика стояла на площадкахъ и въ проходахъ и дралась изъ-за мѣстъ. Въ три часа на Бишопсгэтъ-Стритъ

уже были раздавленные лошадьми и толпой. На Ливерпуль-Стритъ, ярдахъ въ двухстахъ отъ станціи, стрѣляли изъ револьверовъ, пускались въ ходъ кинжалы, и полисмены, приставленные для наблюденія за порядкомъ при передвиженіи, выбившись изъ силъ, въ бѣшенствѣ разбивали головы людямъ, которыхъ они были обязаны охранять.

Позднѣе, съ наступленіемъ дня, когда машинисты и кочегары отказались возвратиться въ Лондонъ, все разраставшаяся толпа, гонимая животнымъ страхомъ, отхлынула отъ станцій и запрудила дороги, ведущія на сѣверъ. Около полудня подъ Барнсомъ видѣли марсіанина, и вдоль Темзы, по Ламбетской равнинѣ, поползло, медленно осѣдая, облако чернаго дыма, предупреждавшее своимъ приближеніемъ всякую попытку бѣгства черезъ мосты. Другое облако тянулось надъ Илингомъ, охватывая кольцомъ возвышенность Кастль-Гилля, казавшагося маленькимъ островкомъ съ уцѣлѣвшей на немъ кучкой людей, живыхъ, но лишенныхъ возможности бѣжать.

Послѣ безплодныхъ стараній попасть на поѣздъ сѣверо-западной линіи, отходившій изъ Чокъ-Фармъ (паровозы очередныхъ поѣздовъ, подававшихся отъ товарной платформы, буквально врѣзывались въ осаждавшую ихъ кричащую толпу, и человѣкъ десять дюжихъ сторожей работали кулаками, чтобы не дать столкнуть машиниста), мой братъ вышелъ на улицу Чокъ-Фармъ, пробрался между скакавшими во весь опоръ экипажами и очутился въ толпѣ, грабившей велосипедный магазинъ. Ему повезло; онъ добылъ себѣ велосипедъ однимъ изъ первыхъ: протаскивая его въ окно, онъ упалъ, проткнулъ обо что-то переднюю шину и порѣзалъ себѣ руку, но сейчасъ же поднялся, сѣлъ и поѣхалъ. Крутая дорога отъ Гаверстокскаго холма была завалена опрокинутыми экипажами и упавшими

лошадьми. Видя, что тутъ не проѣхать, братъ повернулъ на Бельсайзъ-Родъ.

Выбравшись такимъ образомъ изъ самой сильной давки, онъ выѣхалъ на Эджуэрскую дорогу и къ семи часамъ пріѣхалъ въ Эджуэръ, голодный и усталый, но далеко опередивъ толпу. По всей длинѣ дороги стояли люди, съ любопытствомъ и недоумѣніемъ глазѣя на бѣглецовъ. Брата обогнали нѣсколько человѣкъ велосипедистовъ, нѣсколько всадниковъ и два мотора. Не доѣзжая одной мили до Эджуэра, у него сломалось колесо. Ѣхать дальше было нельзя. Онъ бросилъ велосипедъ у дороги и пошелъ пѣшкомъ. На главной улицѣ мѣстечка уже открывались лавки. На мостовой, въ дверяхъ домовъ и у оконъ толпился народъ, удивленно провожая глазами необыкновенную процессію куда-то бѣгущихъ людей. Брату удалось раздобыться ѣдой въ одной изъ гостиницъ.

Онъ пробылъ въ Эджуэрѣ довольно долго, не зная, что ему теперь предпринять. Число бѣглецовъ все возрастало. Многіе, какъ и братъ, останавливались въ Эджуэрѣ. О пришлецахъ съ Марса не было никакихъ новыхъ вѣстей.

Къ этому времени дорога кишѣла народомъ, но большой давки еще не было. Очень многіе изъ бѣглецовъ были на велосипедахъ, а потомъ появились мчащіеся во весь духъ моторы, кабріолеты и закрытые экипажи, и пыль повисла столбомъ надъ всей дорогой къ Сентъ-Альбансу.

У брата была, вѣроятно, смутная мысль попробовать пробраться въ Чельмсфордъ, гдѣ жили его близкіе знакомые, потому что, выйдя изъ деревни на глухую проселочную дорогу, онъ машинально повернулъ по ней на востокъ. Вскорѣ онъ уперся въ загороженное поле, отыскалъ калитку и зашагалъ дальше по тропинкѣ, закорачивавшей на сѣверо-востокъ. Ему попадались на пути фермы и деревушки, названія ко-

торыхъ онъ не зналъ. Бѣглецовъ онъ теперь почти не встрѣчалъ; но дальше, на дорогѣ къ Гай-Барнету, онъ наткнулся на двухъ дамъ какъ разъ во время, чтобы выручить ихъ изъ бѣды (онъ не подозрѣвалъ тогда, что имъ придется потомъ странствовать вмѣстѣ).

Еще издали онъ услыхалъ женскіе крики. Онъ бросился на помощь и, выбѣжавъ изъ-за поворота, увидалъ на дорогѣ колясочку съ запряженнымъ въ нее пони. Въ колясочкѣ сидѣли двѣ дамы и отбивались отъ двухъ какихъ-то мужчинъ, старавшихся стащить ихъ съ сидѣнья, покуда третій молодецъ съ трудомъ удерживалъ подъ уздцы перепугавшагося пони. Одна изъ дамъ, маленькаго роста, вся въ бѣломъ, громко визжала. Другая, стройная брюнетка, хлестала бичемъ, который она держала въ свободной рукѣ, человѣка, схватившаго ее за другую руку.

Брату въ одинъ мигъ стало ясно положеніе дѣлъ. Онъ закричалъ на негодяевъ и бросился на мѣсто борьбы. Одинъ изъ нихъ попятился и обернулся къ нему, и по его лицу братъ увидалъ, что схватка неизбѣжна. Будучи хорошимъ боксеромъ, онъ двинулся прямо на него и однимъ взмахомъ уложилъ его подъ колеса экипажа.

Было не время для правильнаго кулачнаго боя. Братъ удовольствовался тѣмъ, что отпихнулъ противника ногой, и схватилъ за шиворотъ другого — того, который держалъ за руку стройную даму. Тутъ онъ услышалъ стукъ копытъ; бичъ смазалъ его по лицу, а подскочившій къ нему третій противникъ больно ударилъ его въ переносицу. Воспользовавшись этой минутой, тотъ негодяй, котораго онъ держалъ, вырвался у него изъ рукъ и пустился на утекъ по дорогѣ, должно быть, туда, откуда пришелъ.

Еще не опомнившись отъ удара, братъ очутился лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, который передъ тѣмъ держалъ лошадь, и увидѣлъ, что коляска, раскачиваясь изъ стороны въ сторону, быстро

катится по дорогѣ, а сидящія въ ней женщины обернулись и смотрятъ назадъ. Стоявшій передъ нимъ человѣкъ—здоровенный дѣтина кинулся на него, но братъ предупредилъ нападеніе, ударивъ его въ лицо. Потомъ, сообразивъ, что его бросили одного, онъ повернулся и пустился въ догонку за экипажемъ. Его противникъ погнался за нимъ. Тогда и тотъ, который раньше далъ тягу, и былъ теперь довольно далеко, повернулъ назадъ и тоже побѣжалъ за ними.

Вдругъ братъ споткнулся и упалъ. Ближайшій изъ преслѣдователей былъ въ двухъ шагахъ отъ него. Онъ поспѣшилъ встать и приготовился схватиться уже съ двумя противниками. Едва ли онъ вышелъ бы побѣдителемъ изъ этой борьбы, но на его счастье стройная дама остановила лошадь, храбро выскочила изъ коляски и побѣжала на помощь къ нему. Оказалось, что у нея былъ съ собой револьверъ; но онъ лежалъ подъ сидѣньемъ экипажа въ то время, когда на нихъ напали. Не доходя шести ярдовъ, она выстрѣлила и чуть-чуть не попала въ брата. Одинъ изъ воровъ, какъ видно не отличавшійся храбростью, бросился бѣжать; другой послѣдовалъ за нимъ, ругая его за трусость. Оба остановились на дорогѣ возлѣ своего третьяго товарища, лежавшаго безъ чувствъ.

— Возьмите!—сказала стройная дама, протягивая брату револьверъ.

— Садитесь скорѣе въ экипажъ,—проговорилъ братъ, вытирая кровь съ своей разсѣченной губы.

Она повернула назадъ, не говоря ни слова (оба съ трудомъ переводили духъ), и они вмѣстѣ подошли къ коляскѣ, гдѣ дама въ бѣломъ выбивалась изъ силъ, стараясь удержать перепуганнаго пони.

Воры оставили ихъ въ покоѣ. Братъ оглянулся и увидѣлъ, что они пошли въ обратную сторону отъ нихъ.

— Я сяду къ вамъ, если позволите,—сказалъ онъ и сѣлъ на пустое переднее сидѣнье.

Стройная дама, не отвѣчая, взглянула на него.

— Дайте мнѣ возжи,—сказала она и хлестнула лошадь. Еще моментъ—и три человѣка скрылись у нихъизъ глазъ за поворотомъ дороги.

Такимъ образомъ, совершенно неожиданно, братъ очутился, растерзанный, еле дыша, съ окровавленными руками, съ расшибленной челюстью и разбитой губой, въ обществѣ двухъ незнакомыхъ ему женщинъ, въ чужомъ экипажѣ, мчавшемся по неизвѣстной дорогѣ.

Онъ узналъ, что это были жена и младшая сестра врача, жившаго въ Стэнморѣ. Возвращаясь на разсвѣтѣ изъ Пиннера отъ опасно больного, докторъ по пути, на одной станціи, услыхалъ о приближеніи марсіанъ. Вернувшись домой, онъ разбудилъ обѣихъ женщинъ (служанка ушла отъ нихъ за два дня передъ тѣмъ), наскоро уложилъ для нихъ небольшой запасъ провизіи, сунулъ подъ сидѣнье колясочки револьверъ (что вышло очень кстати для моего брата) и велѣлъ имъ ѣхать въ Эджуэръ съ тѣмъ, чтобы сѣсть тамъ на поѣздъ. Самъ онъ остался предупредить сосѣдей. Онъ говорилъ, что часу въ пятомъ утра нагонитъ ихъ въ Эджуэрѣ; теперь же было почти девять, а его все нѣтъ. Онѣ побоялись оставаться въ Эджуэрѣ изъ-за возраставшаго наплыва бѣглецовъ и выѣхали на эту дорогу.

Вотъ что, приблизительно, разсказали онѣ брату урывками по пути. Не доѣзжая Нью-Барнета, имъ пришлось сдѣлать привалъ. Братъ обѣщалъ остаться съ ними, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока онѣ рѣшатъ, какъ имъ быть дальше, или пока пріѣдетъ докторъ,—и чтобы придать имъ храбрости, увѣрилъ ихъ, что онъ отлично стрѣляетъ изъ револьвера (съ которымъ, къ слову сказать, онъ совершенно не умѣлъ обращаться).

Они расположились лагеремъ у дороги. Лошадка щипала траву подлѣ изгороди и чувствовала себя совершенно счастливой. Братъ, въ свою

очередь, разсказалъ о своемъ бѣгствѣ изъ Лондона и все, что ему было извѣстно о марсіанахъ. Солнце поднималось все выше. Разговоръ какъ-то замеръ самъ собой и смѣнился чувствомъ безотчетной тревоги. По дорогѣ проходили люди, и братъ успѣлъ выпытать отъ нихъ кое-что о дальнѣйшихъ событіяхъ. Каждое отрывочное свѣдѣніе, которое онъ получалъ, только усиливало въ немъ впечатлѣніе страшнаго бѣдствія, постигшаго человѣчество, и укрѣпляло его увѣренность въ необходимости поспѣшнаго бѣгства. Онъ высказалъ свое мнѣніе дамамъ.

— У насъ есть деньги,—сказала сестра доктора и замолчала, смутившись.

Но ея глаза встрѣтили взглядъ брата, и смущеніе ея прошло.

— У меня тоже,—сказалъ братъ.

Тогда она объяснила, что у нихъ около тридцати фунтовъ золотою монетой и еще пятифунтовый банковый билетъ. Этихъ денегъ, говорила она, хватитъ на довольно дальнюю дорогу, и онѣ могли бы сѣсть на поѣздъ въ Сентъ-Альбансѣ или въ Нью-Барнетѣ. Но братъ нашелъ этотъ планъ никуда не годнымъ, помня, какъ въ Лондонѣ публика брала приступомъ поѣзда. Онъ предложилъ другое: проѣхать черезъ Эссексъ въ Гарвичъ и оттуда уѣхать изъ Англіи.

Мистрисъ Эльфинстонъ,—такъ звали даму въ бѣломъ,—не слушала никакихъ резоновъ и безъ умолку твердила одно—что она хочетъ видѣть «своего Джорджа». Но ея золовка держала себя удивительно спокойно и разсудительно. Въ концѣ-концовъ, она согласилась на предложеніе брата. Съ этимъ они и поѣхали въ Барнетъ. Они рѣшили пересѣчь сѣверную линію желѣзной дороги и ѣхать дальше, при чемъ уговорились, что братъ поведетъ пони подъ уздцы, чтобы по возможности сберечь его силы.

По мѣрѣ того, какъ солнце приближалось къ зениту, становилось нестерпимо жарко. Изъ

подъ колесъ поднимался горячій бѣлый песокъ и слѣпилъ глаза, а потому они двигались очень тихо. Придорожныя изгороди казались сѣрыми отъ пыли. Издали доносился рокотъ многотысячной толпы, становившійся слышнѣе, по мѣрѣ ихъ приближенія къ Барнету.

На дорогѣ стало попадаться больше народу. Все это были очень жалкіе люди: измученные, съ осунувшимися лицами, грязные. Иные растерянно смотрѣли прямо передъ собой, другіе бормотали что-то невнятное. Одинъ, въ парадномъ вечернемъ костюмѣ, шелъ пѣшкомъ, глядя въ землю. Когда они его обогнали, онъ что-то сказалъ. Они оглянулись и увидѣли, какъ онъ одной рукой вцѣпился себѣ въ волосы, а другою колотилъ какого-то невидимаго врага. Когда этотъ приступъ бѣшенства миновалъ, онъ опять пошелъ своей дорогой, не оглядываясь по сторонамъ.

Когда братъ и его спутницы подъѣзжали къ перекрестку, гдѣ проселокъ выходитъ на большую дорогу южнѣе Барнета, они увидѣли какую-то женщину: она подходила къ дорогѣ съ лѣвой стороны, шагая прямикомъ по полямъ. На рукахъ у нея былъ маленькій ребенокъ, а рядомъ шли еще двое. Потомъ прошелъ мужчина въ грязной черной парѣ, съ толстой палкой въ одной рукѣ и съ небольшимъ дорожнымъ сакомъ— въ другой. Подальше, уже передъ самымъ перекресткомъ, изъ-за угла одной дачи выѣхала имъ навстрѣчу небольшая повозка. Ее везъ черный взмыленный пони, а правилъ какой-то чахоточный юноша въ широкополой шляпѣ, весь сѣрый отъ пыли. Въ повозкѣ сидѣли, сбившись тѣсной кучей, три дѣвушки—по виду фабричныя работницы изъ Истъ-Энда—и двое маленькихъ дѣтей.

— Которая дорога въ Эджуэръ?—обратился къ брату возница, блѣдный, съ дикими глазами. И когда братъ объяснилъ, что ему надо свернуть

влѣво, онъ только хлестнулъ свою лошадь, даже не потрудившись поблагодарить.

Въ эту минуту братъ замѣтилъ, что изъ-за домовъ впереди поднимается сѣроватое облако не то тумана, не то дыма, и постепенно заволакиваетъ бѣлый фасадъ террасы, виднѣвшейся черезъ дорогу между службами скученныхъ дачъ. Мистрисъ Эльфинстонъ вдругъ вскрикнула: надъ крышами дачъ, прямо передъ ними, сквозь дымъ (потому что теперь было ясно, что это дымъ, а не туманъ) прорѣзывались красные языки огня, извиваясь вверхъ, къ жаркому голубому небу. Глухой, далекій рокотъ толпы превратился теперь въ безпорядочный гомонъ, въ которомъ безчисленные человѣческіе голоса сливались съ трескотней катящихся колесъ, со скрипомъ тяжелыхъ фургоновъ и съ отрывистымъ стукомъ копытъ. Не доѣзжая ярдовъ пятидесяти до перекрестка, проселокъ дѣлалъ крутой поворотъ.

— Господи Боже! Куда вы насъ везете! — закричала мистрисъ Эльфинстонъ.

Братъ остановилъ коня.

Большая дорога представляла одну сплошную кипящую лаву людей. Бурный потокъ живыхъ существъ, напиравшихъ другъ на друга, стремительно несся на сѣверъ. Сверкающая на солнцѣ бѣлая пыль, вздымаемая ногами лошадей и пѣшеходовъ и колесами всѣхъ сортовъ экипажей, стояла плотнымъ бѣлымъ облакомъ на высотѣ двадцати футовъ надъ землей, скрывая отъ глазъ толпу на дорогѣ и постоянно возобновляясь.

— Проходи! Проходи! — кричали въ толпѣ, — не задерживай!

Выѣхать на большую дорогу было все равно, что броситься въ пекло бушующаго пожара. Толпа ревѣла, какъ огонь. Горячая пыль не давала дышать. И въ довершеніе хаоса, впереди горѣла дача, и отъ нея густыми клубами прямо на дорогу валилъ дымъ.

Двое мужчинъ прошли мимо. Потомъ прошла грязная женщина съ тяжелымъ узломъ, вся въ слезахъ. Отбившаяся отъ хозяина охотничья собака бросилась было къ брату и принялась кружить около коляски, перепуганная, жалкая, съ высунутымъ языкомъ. Братъ замахнулся на нее, и она убѣжала.

Насколько можно было видѣть изъ-за строеній, вправо, въ сторону Лондона, по всей дорогѣ, стиснутый съ двухъ сторонъ домами и садами дачъ, лился шумный потокъ грязныхъ, спѣшащихъ людей. Черныя головы, прижатыя одна къ другой фигуры выступали яснѣе по мѣрѣ приближенія къ перекрестку, быстро проходили мимо, снова утрачивали индивидуальность, сливаясь съ удалявшейся толпой, и, наконецъ, исчезали, поглощенныя облакомъ пыли.

— Проходи! Проходи!—слышались голоса.— Дай дорогу!

Люди упирались руками въ спину другъ другу. Братъ крѣпко держалъ подъ уздцы свою лошадь и смотрѣлъ. Поддаваясь непредолимому чувству, онъ медленно, шагъ за шагомъ, подавался впередъ, къ перекрестку.

Сумятица, которой онъ былъ свидѣтелемъ въ Эджуэрѣ, взбунтовавшаяся толпа, осаждавшая поѣзда въ Чокъ-Фармъ, были ничто въ сравненіи съ этой картиной: тутъ поднялось все населеніе весь народъ. Трудно представить себѣ эту, колоссальную массу людей. Она не имѣла никакого опредѣленнаго характера. Все новыя и новыя человѣческія фигуры выростали на перекресткѣ. Мимо мелькали лица подходившихъ, а потомъ ихъ спины, когда они удалялись вмѣстѣ съ толпой. По краямъ дороги тащились пѣшеходы, сторонясь отъ наѣзжавшихъ колесъ, падая въ канавы и давя другъ друга.

Всю середину дороги занимали кареты и фуры, почти не оставляя мѣста для болѣе легкихъ и нетерпѣливыхъ экипажей, которые все-таки ухи-

трялись проскакивать впередъ при малѣйшей возможности, прижимая народъ въ изгородямъ и воротамъ дачъ.

— Скорѣе! Скорѣе!—кричала толпа. — Они идутъ!

Въ одной повозкѣ стоялъ слѣпой въ мундирѣ Арміи Спасенія и, жестикулируя растопыренными пальцами, оралъ во все горло: «Вѣчность! Вѣчность!» Голосъ у него былъ такой зычный, что братъ мой слышалъ его еще долго послѣ того, какъ онъ скрылся вдали за облаками пыли. Нѣкоторые изъ людей, переполнявшихъ экипажи, безсмысленно хлестали лошадей и переругивались съ другими возницами. Иные сидѣли, не шевелясь и глядя жалкими глазами куда-то въ пространство. Иные сосали пальцы отъ жажды. А были и такіе, которые лежали мертвыми на днѣ экипажей. У лошадей глаза были налиты кровью, уздечки—всѣ въ мылѣ.

Какихъ только тутъ не было экипажей! Кареты, кебы, фургоны, фуры отъ магазиновъ,— всѣхъ и не перечесть. Братъ видѣлъ и почтовый дилижансъ, и тачку для очистки улицъ съ надписью «Главное управленіе Св. Панкратія», и огромную платформу для перевозки дровъ, наложенную доверху какимъ-то сырьемъ. Тутъ же громыхала телѣга съ пивовареннаго завода. Оба ея правыхъ колеса были забрызганы свѣжей кровью.

— Дорогу! Дорогу! Проходи!—раздавались голоса.

—Вѣ-чность! Вѣ-чность!—доносилось спереди.

Тутъ были и хорошо одѣтыя женщины, растерявшіяся, обезумѣвшія отъ страха. Многія изъ нихъ шли пѣшкомъ, таща за собой спотыкающихся, плачущихъ дѣтей. Ихъ измученныя лица были залиты слезами, изящныя платья на нихъ превратились отъ пыли въ тряпки. Многихъ сопровождали мужчины. Одни заботливо оберегали своихъ дамъ, другіе шли съ убитымъ, апатич-

нымъ видомъ. И тутъ же тащился какой-нибудь бродяга изъ подонковъ человѣчества, въ утратившихъ всякій цвѣтъ грязныхъ лохмотьяхъ, съ расширенными отъ ужаса глазами, и сыпалъ площадною бранью, прочищая себѣ дорогу локтями. Проходили и дюжіе, плечистые рабочіе съ терпѣливыми лицами; проходили, судорожно продираясь впередъ, какіе-то растрепанные люди—конторщики или приказчики, судя по костюму, мелькали въ толпѣ и желѣзнодорожные носильщики. Прошелъ раненый солдатъ. Прошла уличная женщина въ накинутомъ на плечи мужскомъ пальто поверхъ ночной сорочки.

Но какъ ни разнообразенъ былъ составъ этой толпы, у нея было нѣчто общее: на лицахъ всѣхъ этихъ людей были написаны страхъ и страданіе, и страхъ гнался за ними по пятамъ. Стоило произойти на дорогѣ какому-нибудь замѣшательству, въ родѣ ссоры изъ-за мѣста въ экипажѣ, и вся толпа, пользуясь этимъ, ускоряла шаги. Даже люди, дошедшіе до состоянія полной растерянности, измученные до того, что у нихъ подгибались колѣни, проявляли на мигъ неожиданную энергію, наэлектризованные внезапной надеждой опередить другихъ. Жара и пыль уже успѣли оказать свое дѣйствіе: кожа у всѣхъ пересохла, губы почернѣли и потрескались. У всѣхъ были натерты ноги, всѣ чуть не падали отъ усталости и умирали отъ жажды. Среди разнообразныхъ возгласовъ слышались споры, упреки, стоны изнеможенія и боли. У большинства были охрипшіе, ослабѣвшіе голоса. И сквозь всю эту разноголосицу звуковъ звенѣло, какъ припѣвъ:

— Скорѣе! Скорѣе! Идутъ марсіане!

Нѣкоторые останавливались и сворачивали на проселокъ. Проселокъ выходилъ на большую дорогу послѣ поворота, подъ острымъ угломъ, такъ что съ дороги казалось, что онъ ведетъ къ Лондону. И въ это-то новое русло вливался ру-

кавъ, отдѣлявшійся отъ главнаго потока. Тѣ, кто былъ послабѣе кое-какъ продирались на свободное мѣстечко, минуту, двѣ отдыхали и снова ныряли въ глубину. Немного въ сторонѣ отъ проселка лежалъ человѣкъ съ разутой ногой, авернутой въ окровавленныя тряпки. Двое другихъ стояли, наклонившись надъ нимъ. Счастливецъ! У него еще были друзья.

Изъ толпы вынырнулъ маленькій старичекъ, въ замасленномъ черномъ сюртукѣ, съ сѣдыми прямыми усами, какъ у военныхъ; онъ сѣлъ на краю дороги у коляски, снялъ сапогъ (носокъ былъ весь въ крови), вытряхнулъ изъ него камешки и, ковыляя, поплелся дальше. Потомъ дѣвочка лѣтъ восьми-девяти, совершенно одна, бросилась на землю у изгороди, подлѣ брата, рыдая:

— Я не могу больше итти! не могу!

Братъ очнулся отъ своего оцѣпенѣнія, поднялъ ее и, ласково уговаривая, понесъ къ миссъ Эльфинстонъ. Какъ только онъ дотронулся до нея, она замолчала, какъ будто испугавшись.

— Элленъ!—закричала изъ толпы, со слезами въ голосѣ, какая-то женщина.—Элленъ!

И дѣвочка вдругъ выскользнула у брата изъ рукъ съ крикомъ:—Мама!

— Они идутъ!—сказалъ какой-то человѣкъ, проѣзжая верхомъ мимо нихъ.

— Посторонись! Па-ди!—заоралъ съ высокихъ козелъ кучеръ, и братъ увидѣлъ, что на проселокъ заворачиваетъ карета.

Толкая другъ друга, всѣ бросились вразсыпную, чтобъ не попасть подъ лошадей. Братъ завернулъ пони съ коляской ближе къ изгороди. Карета проѣхала и остановилась на поворотѣ. Это былъ парный экипажъ, съ дышломъ, но везла его одна лошадь.

Братъ видѣлъ (насколько позволяла видѣть пыль), какъ два человѣка вынули изъ кареты на носилкахъ что-то бѣлое и тихонько опустили

на траву въ тѣни изгороди. Потомъ одинъ изъ нихъ подбѣжалъ къ брату:

— Нѣтъ ли здѣсь гдѣ-нибудь воды? Онъ умираетъ... страшно мучится... проситъ пить. Это лордъ Гаррикъ.

— Лордъ Гаррикъ? Главный судья?—спросилъ братъ.

— Воды! Нѣтъ ли воды?—повторилъ человѣкъ.

— Можетъ быть, найдется въ какомъ-нибудь изъ домовъ,—сказалъ братъ,—У насъ нѣтъ съ собой, и я не могу оставить своихъ.

Человѣкъ сталъ проталкиваться къ воротамъ угловаго дома.

— Проходи! Прочь съ дороги! — кричала толпа, напирая на него.—Они идутъ!

Тутъ вниманіе моего брата было отвлечено другой сценой. У какого-то бородатаго человѣка, съ орлинымъ, хищнымъ носомъ, въ ту самую минуту, когда онъ поровнялся съ ихъ коляской, вдругъ лопнулъ туго набитый саквояжикъ, который онъ держалъ въ рукѣ, и оттуда цѣлымъ каскадомъ посыпались золотыя монеты прямо подъ ноги толпящимся людямъ и лошадямъ. Бородачъ остановился, растерянно глядя на свои богатства. Въ этотъ моментъ его толкнуло въ плечо дышломъ и отбросило въ сторону. Онъ вскрикнулъ, кинулся было назадъ и чуть не попалъ подъ колесо кэба.

— Прочь съ дороги! Пошелъ прочь!—кричали кругомъ на него.

Какъ только кэбъ проѣхалъ, онъ бросился ничкомъ на свою груду совереновъ и принялся обѣими руками запихивать ихъ по карманамъ. Вдругъ онъ увидѣлъ надъ собой лошадиную морду, хотѣлъ встать, но не успѣлъ: еще мигъ— и онъ былъ смятъ копытами коня.

— Стой!—закричалъ братъ и, оттолкнувъ съ дороги подвернувшуюся ему подъ руку женщину, бросился останавливать лошадь.

Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ добѣжать, изъ-

недъ экипажа раздался раздирающій крикъ, и онъ увидѣлъ сквозь облако пыли, какъ несчастному переѣхало спину колесомъ. Кучеръ стегнулъ брата бичемъ и проѣхалъ. У брата звенѣло въ ушахъ отъ раздававшихся кругомъ криковъ. Онъ подбѣжалъ къ распростертому человѣку. Тотъ корчился въ пыли посреди своихъ разсыпанныхъ денегъ. Онъ не могъ подняться: у него былъ переломленъ хребетъ и отнялись ноги. Стоя надъ нимъ, братъ кричалъ на кучера слѣдующаго экипажа, стараясь удержать лошадь. Въ это время на выручку къ нему подоспѣлъ какой-то всадникъ на ворономъ конѣ.

— Уберите его съ дороги,—посовѣтовалъ онъ.

Свободной рукой братъ приподнялъ несчастнаго за шиворотъ и оттащилъ въ сторону. Но тотъ все цѣплялся за свое золото и, свирѣпо глядя на брата, колотилъ его по рукѣ кулакомъ, съ зажатыми въ немъ соверенами.

— Проходи! Проходи! Не загораживай дорогу!—раздавались сзади сердитые голоса.

Что-то затрещало: дышло кареты въѣхало въ передній экипажъ—тяжелую фуру, которую удерживалъ всадникъ на ворономъ конѣ. Братъ оглянулся. Тогда человѣкъ съ перешибленной спиной какъ-то ухитрился повернуть голову и укусилъ руку брата, державшую его за воротникъ. Поднялась перебранка между кучерами. Карета навалилась на фуру, вороной шарахнулся въ сторону, и фура проѣхала впередъ. Передъ братомъ, на волосокъ отъ его ноги, мелькнуло копыто. Онъ выпустилъ лежащаго человѣка и отскочилъ. Онъ видѣлъ, какъ гнѣвъ смѣнился ужасомъ на лицѣ несчастнаго калѣки, и въ слѣдующій моментъ тотъ исчезъ подъ ногами людей и лошадей. Бушующій живой потокъ вынесъ брата на большую дорогу, и ему стоило немалаго труда пробиться назадъ, на проселокъ.

Миссъ Эльфинстонъ сидѣла, закрывъ лицо руками, а подлѣ, у коляски, маленькій ребе-

нокъ, съ чисто дѣтскимъ отсутствіемъ сострадапія, таращилъ глазенки на лежавшую у дороги черную неподвижную кучу тряпья, которую давили и мяли катящіяся колеса.

— Ѣдемъ обратно! Намъ не пробраться черезъ этотъ адъ.—И братъ сталъ заворачивать пони.

Они отъѣхали съ сотню ярдовъ по той самой дорогѣ, по которой пріѣхали. Ревущая толпа, наконецъ, скрылась изъ вида за поворотомъ. Брату бросилось въ глаза лицо умирающаго, лежавшаго въ канавѣ подъ изгородью,—бѣлое, какъ мѣлъ, съ заострившимся носомъ, лоснящееся отъ предсмертнаго пота. Обѣ женщины сидѣли молча, съежившись и дрожа.

За поворотомъ они опять остановились. Миссъ Эльфинстонъ была блѣдна, какъ смерть. Ея невѣстка горько плакала, забывая даже звать своего «Джорджа». Братъ былъ потрясенъ и не могъ придумать, что имъ дѣлать. Какъ только они повернули назадъ, онъ сообразилъ, какъ важно, какъ необходимо было для нихъ перебраться такъ или иначе черезъ дорогу. Онъ круто повернулся къ миссъ Эльфинстонъ: его рѣшеніе было принято.

— Мы должны проѣхать туда, за дорогу.— И онъ снова повернулъ коня.

Второй разъ въ тотъ день показала эта дѣвушка, чего она стоитъ. Братъ передалъ ей возжи и выскочилъ изъ коляски. Чтобы пробиться сквозь несшійся передъ ними ревущій человѣческій потокъ, онъ ринулся впередъ, и очутился въ водоворотѣ теченія. Онъ схватилъ за узду наѣзжавшаго на нихъ коня какого-то кэба, а она, пользуясь этимъ мгновеніемъ, хлестнула своего пони и выѣхала на дорогу. Но тутъ ихъ коляска сцѣпилась колесами съ проѣзжавшимъ фургономъ, и въ ту же секунду изъ ея кузова вылетѣла планка, выбитая дышломъ третьяго экипажа. Черезъ минуту ихъ подхватило тече-

ніемъ и понесло впередъ. Съ лицомъ и руками, исполосованными бичомъ кучера кэба, братъ вскарабкался въ коляску и взялъ возжи отъ миссъ Эльфинстонъ.

— Направьте на него револьверъ, если онъ будетъ напирать на насъ. Впрочемъ нѣтъ: лучше на его лошадь,—сказалъ онъ, подавая ей револьверъ.

Онъ сталъ смотрѣть, не представится ли возможность перебраться черезъ дорогу на правую сторону. Но, разъ попавъ въ струю теченія, они какъ будто потеряли свою волю и сдѣлались частью этого полчища людей, бѣгущихъ безъ оглядки въ облакахъ пыли. Вмѣстѣ съ потокомъ ихъ пронесло черезъ весь Чиппингъ-Барнетъ. Центръ города оставался уже почти на милю позади, когда имъ удалось, наконецъ, пробиться на другую сторону дороги. Гвалтъ и содомъ и здѣсь были неописуемые, но за городомъ дорога развѣтвлялась въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и ѣхать стало посвободнѣе.

Они поѣхали на востокъ черезъ Гадлей. Тамъ они наткнулись на любопытную сцену. Сотни людей, припавъ къ ручью у дороги, жадно пили воду. Сотни другихъ нетерпѣливо ждали своей очереди. Мѣстами дрались изъ-за воды. А подальше, поднявшись на холмъ за Истъ-Барнетомъ, они увидѣли два поѣзда, медленно тащившіеся одинъ за другимъ, безъ всякихъ сигналовъ и порядка. Оба были биткомъ набиты народомъ (люди стояли даже между углемъ на тендерахъ паровозовъ) и шли на сѣверъ по главной сѣверной линіи. Вышли они, вѣроятно, не изъ Лондона, а съ какой-нибудь маленькой станціи (такъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ братъ), ибо публика въ тѣ дни набрасывалась на поѣзда съ такимъ остервенѣніемъ, что не было никакой возможности выпускать ихъ изъ конечныхъ пунктовъ.

Вскорѣ послѣ того они остановились отдохнуть,

ибо волненія дня въ конецъ измучили всѣхъ троихъ. Время подходило къ вечеру, и они начинали чувствовать приступы голода. Ночь выдалась холодная. Никто изъ нихъ не рѣшался уснуть. Мимо мѣста ихъ привала проходило много народа. Почти всѣ шли въ ту сторону, откуда пріѣхалъ мой братъ. Несчастные бѣжали отъ опасности, а она подстерегала ихъ впереди.

XVII.

„Дитя Грома".

Если бы марсіане поставили себѣ истребленіе единственною цѣлью, то еще въ понедѣльникъ они могли бы уничтожить все населеніе Лондона, пока оно расползалось по сосѣднимъ деревнямъ. Не только по дорогѣ черезъ Барнетъ, но и по Эджуэрской и по Вальгамской, и на востокъ отъ Саутхэнда и Шуберинесса, и на югъ отъ Темзы до самаго Диля и Бродстэрса разливалась бурная людская волна. Если бы въ то іюньское утро подняться на воздушномъ шарѣ въ сверкающее синее небо надъ Лондономъ, то всѣ дороги, выводящія на сѣверъ и на востокъ изъ безконечнаго лабиринта лондонскихъ улицъ, показались бы съ этой высоты совсѣмъ черными, —такъ густъ былъ потокъ бѣглецовъ. И каждая точка этой черной массы несла въ себѣ человѣческую агонію ужаса и физическихъ страданій. Въ предыдущей главѣ я нарочно привелъ подробный разсказъ моего брата о томъ, что происходило на дорогѣ черезъ Чиппингъ-Барнетъ, чтобы дать читателю ясное представленіе объ этомъ вспугнутомъ муравейникѣ, объ этихъ черныхъ мечущихся точкахъ, какими они были для тѣхъ, кто раздѣлялъ ихъ участь. Никогда до тѣхъ поръ въ исторіи міра не бывало такого скопленія человѣческихъ существъ, связанныхъ общимъ страданіемъ и общей цѣлью бѣгства. Легендарныя полчища готовъ и гунновъ,

величайшія арміи, какія когда-либо видѣла Азія, были бы каплей въ этомъ морѣ. И это не было какое-нибудь дисциплинированное шествіе. Нѣтъ! Это было бѣгство охваченнаго паникой гигантскаго стада—безпорядочное, безцѣльное, страшное,—бѣгство шести милліоновъ народа, невооруженнаго и голоднаго, стремглавъ несущагося впередъ. Это было начало гибели цивилизаціи, истребленіи человѣческаго рода.

Сидящій на воздушномъ шарѣ увидѣлъ бы прямо подъ собой широко раскинувшуюся сѣть улицъ; увидѣлъ бы, какъ на огромной картѣ, церкви, дома, сады и скверы, безлюдные, опустѣвшіе, а на югѣ — точно вымаранные чернилами. Какъ будто перо великана прогулялось по картѣ, замазавъ тѣ мѣста, гдѣ были Илингъ, Ричмондъ и Уимбльдонъ. И каждая такая чернильная клякса, непрерывно, неуклонно расползалась вширь, растекалась струйками во всѣ стороны, то огибая кольцомъ холмистыя мѣста, то вдругъ находя новое русло и быстро стекая по склону въ долину, совершенно такъ, какъ растекается по пропускной бумагѣ капля чернилъ.

А позади, надъ синими холмами, что высятся къ югу отъ рѣки, расхаживали сверкающіе марсіане, спокойно и методично, все дальше и дальше распуская по землѣ свои ядовитыя тучи, поливая ихъ струями пара послѣ того, какъ онѣ сдѣлали свое дѣло, и постепенно завладѣвая покоренной страной. Да, несомнѣнно, они не столько имѣли въ виду истребить человѣчество, сколько деморализировать его и подавить всякій отпоръ. Они взрывали всѣ запасы пороха, попадавшіеся имъ на пути, отрѣзывали телеграфное сообщеніе и портили желѣзныя дороги. Они калѣчили человѣчество, подрѣзывали ему жилы. Они, видимо, не спѣшили расширить поле своихъ операцій и не пошли въ тотъ день дальше центральной части Лондона. Возможно, что значитель-

ная часть населенія Лондона все утро понедѣльника сидѣла по домамъ. Во всякомъ случаѣ достовѣрно, что многіе умерли, не выходя изъ дому, задушенные чернымъ дымомъ.

Поразительную картину представляла Темза между Лондонскимъ мостомъ и Блэкуэллемъ съ утра понедѣльника и вплоть до полудня. Вся рѣка въ этомъ мѣстѣ была запружена пароходами и всевозможными судами: они пришли забирать бѣглецовъ, привлеченные громадными суммами, которыя имъ предлагали. Многіе, говорятъ, пытались добраться вплавь до этихъ судовъ и тонули, потому что ихъ отталкивали баграми. Около часу дня между арками Блэкфрайерскаго моста показались разрѣдившіеся остатки облака чернаго дыма, и—Боже мой!—какое столпотвореніе, какая ожесточенная борьба и давка поднялась на рѣкѣ! Былъ моментъ, когда множество баржъ и мелкихъ суденышекъ столпилось въ сѣверной аркѣ Тоуэръ-Бриджа, и матросамъ и грузчикамъ приходилось буквально сражаться съ народомъ, отовсюду карабкавшимся на суда. Люди лѣзли, какъ тараканы; спускались даже сверху по сваямъ моста.

Когда, часомъ позднѣе, за Клокъ-Тоуэромъ показался марсіанинъ и направился въ бродъ внизъ по теченію,—по рѣкѣ, на всемъ протяженіи пройденнаго имъ пути, вплоть до Лаймгауза и выше, плавали одни обломки погибшихъ судовъ.

О томъ, какъ и гдѣ упалъ пятый цилиндръ, будетъ сказано ниже. Шестой упалъ въ Уимбльдонѣ. Мой братъ на привалѣ караулилъ двухъ женщинъ, уснувшихъ въ коляскѣ, и видѣлъ, какъ вдали, за холмами, сверкнулъ, прорѣзавъ небо, зеленый огонь. Во вторникъ маленькая компанія, твердая въ своемъ рѣшеніи добраться до моря и сѣсть на пароходъ, проѣхала къ Кольчестеру черезъ взволнованную, кишащую бѣгле-

цами страну. Извѣстіе о томъ, что марсіане завладѣли Лондономъ, подтверждалось. Ихъ видѣли въ Гайгетѣ и даже, какъ говорили, въ Низдонѣ. Но братъ не видалъ ихъ до слѣдующаго дня.

Въ этотъ день разсыпавшіяся по окрестностямъ столицы огромныя толпы народа начали ощущать нужду въ съѣстныхъ припасахъ. По мѣрѣ того, какъ голодъ вступалъ въ свои права, утрачивало свое значеніе право собственности. Фермерамъ приходилось съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свои скотные дворы, свои амбары и созрѣвающій хлѣбъ на корню. Большинство бѣглецовъ двигалось теперь на востокъ, какъ и мой братъ; но были и такіе, которые съ отчаянія возвращались въ Лондонъ добывать себѣ пищу. Все это были большею частью жители сѣверныхъ предмѣстій, знавшіе о черномъ дымѣ только по наслышкѣ. Брату говорили, что въ Бирмингамѣ собралось больше половины членовъ парламента, и что заготовляются огромные запасы сильныхъ взрывчатыхъ веществъ для автоматическихъ минъ, которыя предполагаютъ заложить на всемъ протяженіи Мидлэнда.

Кромѣ того, прошелъ слухъ, что Мидлэндская желѣзнодорожная компанія замѣстила новыми людьми машинистовъ и кочегаровъ, разбѣжавшихся въ первый день паники, что желѣзнодорожное сообщеніе возстановлено, и что будто бы изъ Сентъ-Альбанса по сѣверной линіи пускаютъ поѣзда во избѣжаніе дальнѣйшаго скопленія народа въ ближайшихъ къ Лондону графствахъ. Въ Чиппингъ-Онгарѣ было вывѣшено объявленіе, гласившее, что въ сѣверныхъ городахъ собраны большіе запасы муки, и что въ слѣдующіе двадцать четыре часа будетъ произведена раздача хлѣба окрестному голодающему населенію. Но, несмотря на это извѣстіе, братъ не отказался отъ составленнаго имъ плана бѣгства. Всѣ трое продолжали весь

день подвигаться на востокъ со всею возможной поспѣшностью, но такъ и не видѣли нигдѣ обѣщанной раздачи хлѣба. Да, впрочемъ, и никто ея не видалъ. Въ ту ночь упала седьмая звѣзда, на холмѣ, близъ Примроза. Ее видѣла миссъ Эльфинстонъ, державшая по ночамъ караулъ посмѣнно съ братомъ.

Въ среду утромъ, переночевавъ на несжатомъ полѣ пшеницы, наши бѣглецы добрались до Чельмсфорда. Здѣсь какая-то шайка изъ мѣстныхъ обывателей, величавшая себя «комитетомъ народнаго продовольствія», завладѣла ихъ лошадкой, какъ провіантомъ, не давъ въ обмѣнъ ничего, кромѣ обѣщанія выдать имъ ихъ долю мяса на другой день. Здѣсь же имъ сообщили, какъ слухъ, что будто марсіане уже въ Эппингѣ, и что пороховой заводъ Вальтгамскаго аббатства разрушенъ послѣ безуспѣшной попытки съ нашей стороны взорвать на воздухъ одного изъ марсіанъ. Здѣшніе жители взбирались на колокольни, чтобы заранѣе высмотрѣть приближеніе незваныхъ гостей.

Мой братъ предпочелъ (на свое счастье, какъ потомъ оказалось) продолжать путь къ берегу моря, не дожидаясь раздачи пищи, хотя всѣ трое были очень голодны. Еще до полудня они прошли Тиллингамъ. Въ городкѣ было до странности пусто и тихо: кромѣ двухъ-трехъ случайныхъ мародеровъ, шнырявшихъ по домамъ въ поискахъ съѣстного, они не встрѣтили ни души. За Тиллингамомъ они вдругъ увидѣли впереди море и на немъ разнообразнѣйшую флотилію паровыхъ и парусныхъ судовъ, какую только можно вообразить.

Когда судамъ нельзя было больше подниматься вверхъ по Темзѣ, они подошли къ Эссекскому берегу—къ Гарвичу, Уольтону и Клактону, а потомъ—къ Фульнессу и Шубери, съ тѣмъ, чтобы забирать оттуда народъ. Они расположились на взморьѣ огромнымъ серпомъ, одинъ

конецъ котораго терялся въ туманѣ, гдѣ-то далеко, у самаго Нэза. Ближе къ берегу толпились рыбацкія лодки—англійскія, шотландскія, французскія, голландскія, шведскія; паровые баркасы съ Темзы, «собственныя» яхты, электрическіе катера. За ними виднѣлись суда болѣе крупнаго калибра: грязныя грузовыя суда, угольныя баржи, баржи для перевозки скота, керосина, парусные купеческіе корабли, пассажирскіе пароходики и большіе океанскіе крейсеры. Былъ тутъ даже одинъ старый бѣлый транспортъ; были и чистенькіе, сѣрые съ бѣлымъ компанейскіе пароходы изъ Соутгемптона и Гамбурга. И по всей линіи синѣвшаго вдали берега за Блэкуотеромъ, почти до самаго Мальдона, насколько можно было различить простымъ глазомъ, кишмя кишѣли лодки, перевозившія пассажировъ на суда.

Миляхъ въ двухъ отъ берега стоялъ броненосецъ, сидѣвшій такъ глубоко, что палуба его приходилась почти вровень съ водой, — такъ, по крайней мѣрѣ, показалось брату съ берега. Это былъ блиндированный мониторъ «Дитя Грома», — единственный военный корабль изъ всѣхъ, бывшихъ въ виду. Но подальше, направо, надъ гладкой скатертью моря (въ тотъ день стоялъ мертвый штиль), тянулись змѣйки дыма, выдавая близкое присутствіе броненосцевъ Ламаншской эскадры. Во время побѣднаго шествія марсіанъ они стояли растянутой линіей противъ устья Темзы, подъ парами, готовые къ бою, бдительные, но безсильные остановить врага.

Когда мистрисъ Эльфинстонъ увидѣла море, ее обуялъ паническій страхъ. Какъ ни убѣждала ее золовка успокоиться, — ничто не помогало. Она «никогда не выѣжала изъ Англіи... Ужъ лучше ей умереть на своей сторонѣ, чѣмъ пускаться въ такую даль, на чужбину, гдѣ у нея нѣтъ ни души близкихъ людей»... И такъ далѣе, и такъ далѣе. Бѣдная женщина, кажется, вообра

жала, что французы недалеко ушли отъ марсіанъ. Ея упадокъ духа, ея страхи перешли въ истерическое состояніе за эти два дня скитаній. Вернуться въ Стэнморъ, во что бы то не стало! Ей не давала покою эта мысль. Въ Стэнморѣ все прекрасно: тамъ имъ не грозитъ никакая бѣда. Въ Стэнморѣ они найдутъ Джорджа...

Общими усиліями, съ величайшимъ трудомъ, они все-таки притащили ее на берегъ. Тутъ брату скоро посчастливилось привлечь вниманіе колеснаго пароходика, выходившаго изъ устья Темзы. Съ пароходика спустили лодку. Матросы сказали брату, что они идутъ въ Остенде. Поторговались немножко, и сошлись на тридцати шести фунтахъ за троихъ.

Было около двухъ часовъ, когда братъ и его спутницы, уплативъ на шкафутѣ деньги за проѣздъ, очутились цѣлыми и невредимыми на палубѣ парохода. Тамъ можно было получить ѣду, хоть и за баснословную цѣну, и всѣ трое хорошо пообѣдали, примостившись на шканцахъ.

На пароходѣ было уже человѣкъ сорокъ пассажировъ (многіе изъ нихъ отдали за проѣздъ послѣднія свои деньги), но капитанъ не торопился уходить. До пяти часовъ вечера они стояли на якорѣ у Блэкуотера, принимая все новыхъ и новыхъ пассажировъ. Подъ конецъ палуба была до того переполнена, что становилось страшно за пароходъ. Они простояли бы, вѣроятно, и дольше, если бъ не пальба изъ пушекъ, которая стала доноситься съ юга къ пяти часамъ. Какъ будто отвѣчая на эту пальбу, стоявшій на взморьѣ броненосецъ выпалилъ изъ маленькой пушки и поднялъ всѣ свои флаги. Столбы дыма взвились изъ его трубъ.

Нѣкоторые изъ пассажировъ полагали, что стрѣляютъ въ Шубиринессѣ; но это оказалось невѣрнымъ, такъ какъ выстрѣлы становились все громче. Вдругъ вдали, на юго-востокѣ, надъ

моремъ показались клубы дыма, и вслѣдъ за тѣмъ изъ воды выросли мачты и трубы трехъ броненосцевъ, одного за другимъ. Но вниманіе брата было сейчасъ же опять отвлечено далекой пальбою на на югѣ. Ему показалось, что сквозь сѣрую пелену дали онъ различаетъ облако чернаго дыма.

Между тѣмъ пароходикъ уже хлопалъ по водѣ лопастями колесъ, заворачивая на востокъ отъ широкаго серпа собравшейся флотиліи, и низкій берегъ Эссекса постепенно заволакивался синею мглой. И вдругъ вдали, со стороны Фульнесса, шагая вдоль берега по илистой землѣ, маленькій, чуть видный на такомъ разстояніи, показался марсіанинъ. Стоявшій на мостикѣ капитанъ съ перепугу сталъ громко ругаться, проклиная себя за промедленіе, и колеса пароходика зачастили, какъ будто заразившись его страхомъ. Всѣ пассажиры до послѣдняго человѣка взобрались кто на скамейки, кто на борты, и въ ужасѣ смотрѣли въ сторону берега, на далекую странную фигуру, выше деревьевъ и колоколенъ церквей, приближавшуюся свободнымъ, размашистымъ шагомъ, замѣчательно удачно пародировавшимъ человѣческій шагъ.

Это былъ первый марсіанинъ, котораго видѣлъ мой братъ. Скорѣе изумленный, чѣмъ испуганный, онъ слѣдилъ глазами за титаномъ. А тотъ преспокойно вошелъ въ воду и зашагалъ къ судамъ, удаляясь отъ берега. Но вотъ вдали, за Кручемъ, выросъ второй великанъ, свободно шагающій черезъ низкую поросль, а потомъ, еще дальше, — надъ сверкающей гладью болота, висѣвшаго, казалось, въ воздухѣ между моремъ и небомъ, — глубоко уходя ногами въ тинистый грунтъ, появился и третій. Всѣ трое направились къ морю, какъ будто за тѣмъ, чтобы отрѣзать путь къ отступленію безчисленнымъ судамъ, столпившимся между Фульнессомъ и Нэзомъ. Какъ ни пыхтѣла, какъ ни ни старалась машина пароходика, какъ ни вертѣлись, какъ ни пѣнили

воду его колеса, онъ удалялся съ ужасающей медленностью отъ этихъ зловѣщихъ, быстро выроставшихъ фигуръ.

Братъ взглянулъ на сѣверо-западъ: широкій серпъ судовъ дрогнулъ и уже распадался, охваченный паникой передъ грозящей бѣдой. Одно судно торопилось обойти своего сосѣда; другое заворачивало въ море, нарушая правильность полукруга. Пароходы свистѣли и столбами выпускали паръ. Всѣ паруса были подняты; по всѣмъ направленіямъ шныряли баркасы. Братъ стоялъ, какъ околдованный, и смотрѣлъ. Онъ былъ такъ поглощенъ видомъ этой суматохи и мыслью объ опасности, приближавшейся слѣва, что не оглядывался назадъ, въ сторону моря. Вдругъ пароходикъ сдѣлалъ крутой поворотъ, едва избѣжавъ столкновенія, и брата сбросило со скамейки, на которой онъ стоялъ. Въ то же время онъ услышалъ кругомъ радостные возгласы. По палубѣ забѣгали, и грянуло у р а. И откуда-то издали слабо донеслось отвѣтное у р а. Пароходикъ накренился, и братъ упалъ плашмя на руки.

Онъ вскочилъ, и у штирборта, не дальше какъ въ ста ярдахъ отъ ихъ суденышка, безпомощно нырявшаго въ волнахъ, увидалъ желѣзную махину, летѣвшую на всѣхъ парахъ мимо нихъ. Она неслась прямо къ берегу, прорѣзывая воду, какъ плугомъ, разбрасывая въ обѣ стороны цѣлыя горы пѣны и разводя такую волну, что ихъ скорлупка—пароходикъ то чуть не выскакивалъ изъ воды, нелѣпо хлопая своими лопастями по воздуху, то скатывался внизъ и погружался въ воду почти до ватеръ-линіи.

Брата на мигъ ослѣпило брызгами, хлынувшими на палубу цѣлымъ каскадомъ. Когда онъ снова могъ видѣть,—желѣзное чудовище уже пронеслось мимо и быстро приближалось къ берегу. Видна была только внушительная, закованная въ броню, надводная часть съ торча-

щими изъ нея двумя трубами, изрыгавшими тучи дыма и огненныхъ искръ. Это былъ торпедный мониторъ «Дитя Грома», спѣшившій на выручку угрожаемой флотиліи.

Крѣпко уцѣпившись за бортъ, братъ стоялъ на качающейся палубѣ, съ трудомъ удерживаясь на ногахъ. Его взглядъ, обходя мчавшагося къ берегу левіаѳана, перенесся дальше въ сторону марсіанъ. Теперь всѣ трое были вмѣстѣ. Они стояли въ морѣ, на такой глубинѣ, что ихъ треножники были почти подъ водой. Въ такомъ видѣ, на девять десятыхъ погруженные въ воду, да еще съ далекаго разстоянія, они казались совсѣмъ не такими страшными, и ужъ во всякомъ случаѣ гораздо слабѣе летѣвшаго на нихъ огромнаго желѣзнаго чудовища, въ кильватерѣ котораго такъ безпомощно болтался пароходикъ. Казалось, они съ удивленіемъ разглядываютъ новаго врага. Быть можетъ, ихъ уму этотъ, закованный въ сталь, великанъ представлялся достойнымъ противникомъ, съ которымъ стоило помѣряться силой. Мониторъ не сдѣлалъ ни одного выстрѣла: онъ просто несся на нихъ полнымъ ходомъ. И, вѣроятно, именно потому, что онъ не стрѣлялъ, ему удалось подойти къ нимъ такъ близко. Они очевидно, недоумѣвали, что бы такое могло быть. Одинъ только выстрѣлъ съ его стороны, и они пустили бы его ко дну тепловыми лучами.

«Дитя Грома» несся такъ быстро, что черезъ минуту было уже на полдорогѣ между пароходикомъ и марсіанами, и его громадный черный корпусъ, рѣзко выдѣлявшійся на постепенно отступавшей линіи Эссекскаго берега, продолжалъ быстро уменьшаться.

Но вотъ передній марсіанинъ направилъ на него свою трубку, и выпустилъ снарядъ съ чернымъ дымомъ. Снарядъ скользнулъ по бакборду, разбился и выбросилъ кверху широкую чернильную струю. Быстро развертываясь клубами чернаго дыма, она поползла въ открытое море.

Но мониторъ былъ уже далеко впереди. Наблюдавшимъ съ пароходика, глубоко сидѣвшаго въ водѣ (да вдобавокъ принужденнымъ смотрѣть противъ солнца) казалось даже, что онъ уже возлѣ марсіанъ.

Они видѣли, какъ три странныя фигуры раздѣлились и стали отступать къ берегу, быстро выростая. Потомъ одинъ изъ великановъ приподнялъ свою камеру съ тепловымъ лучемъ и опустилъ ея воронку книзу, нѣсколько наискось по направленію къ монитору. Огромный столбъ пара взвился изъ воды, какъ только ея коснулся тепловой лучъ. Онъ прошелъ сквозь стальную обшивку монитора, какъ раскаленный добѣла желѣзный прутъ — сквозь бумагу.

Огненная вспышка прорѣзала, стоявшій надъ водой столбъ пара; марсіанинъ дрогнулъ и зашатался. Въ слѣдующій мигъ онъ тяжело грохнулся въ море, и въ воздухѣ закружились новые клубы пара. Съ монитора гремѣли орудія, посылая залпъ за залпомъ. Однимъ выстрѣломъ высоко взметнуло воду у самаго борта пароходика. Ядро отлетѣло рикошетомъ въ сторону другихъ судовъ, державшихъ курсъ на сѣверъ, и разнесло въ щепки рыбацкую лодку.

Но этого никто почти не замѣтилъ. Когда марсіанинъ упалъ, у стоявшаго на мостикѣ капитана вырвался торжествующій крикъ, и всѣ столпившіеся на кормѣ пассажиры подхватили его... И вдругъ раздался другой крикъ—крикъ отчаянія. Изъ бѣлаго водоворота пара и кипящей воды вынурнула какая-то продолговатая, безформенная черная масса; это былъ изувѣченный мониторъ. Изъ средней части его корпуса вырывалось пламя. Огонь валилъ столбами изъ его вентиляторовъ и трубъ.

Онъ былъ еще живъ: штурвалъ, повидимому, остался неповрежденнымъ, и машина работала. Онъ двинулся прямо на второго марсіанина и былъ въ какихъ-нибудь ста ярдахъ отъ него.

когда опять выступилъ на сцену тепловой лучъ. Яркая вспышка огня... оглушительный грохотъ, — и палуба монитора вмѣстѣ съ трубами взлетѣла на воздухъ. Взрывъ былъ такъ силенъ, что марсіанинъ покачнулся. Еще минута, и пылающіе обломки, продолжавшіе стремительно двигаться силой инерціи, налетѣли на него и смяли его, какъ карточный домикъ. Братъ вскрикнулъ отъ восторга. Затѣмъ все снова скрылось въ кипящемъ котлѣ.

— Два!—закричалъ капитанъ.

Всѣ кричали, весь пароходъ отъ носа до кормы дрожалъ отъ дикаго, ликующаго крика. Ближайшія суда подхватывали его одно за другимъ, пока онъ не пронесся отъ края до края по всей длинной вереницѣ движущихся парусовъ и мачтъ.

Паръ висѣлъ надъ водой еще минутъ десять, совершенно скрывая третьяго марсіанина и весь берегъ. Все это время пароходикъ энергично работалъ своими колесами, все дальше уходя отъ мѣста боя. А когда, наконецъ, паръ разсѣялся, отъ берега поползло облако чернаго дыма, и невозможно было разсмотрѣть, осталось ли что-нибудь отъ «Дитяти Грома». Не видно было и третьяго марсіанина. Но зато, совсѣмъ близко, показались броненосцы, державшіе курсъ къ берегу, и скоро пароходикъ оставилъ ихъ за собой.

Онъ шелъ себѣ да шелъ помаленьку, уходя въ открытое море, и черные силуэты броненосцевъ все дальше и дальше отступали къ берегу, еще скрывавшемуся за мраморной завѣсой тумана — смѣси пара и чернаго дыма, сливавшихся и переплетавшихся самыми причудливыми узорами. Флотилія бѣглецовъ замѣтно таяла, исчезая за горизонтомъ на сѣверо-востокѣ. Между пароходикомъ и броненосцами плавало нѣсколько парусныхъ лодокъ. Но вотъ, немного не дойдя до быстро осѣдающей стѣны пара, броненосцы неожиданно повернули на сѣверъ, потомъ вдругъ круто измѣнили курсъ и стали держать на югъ.

Ихъ очертанія постепенно расплывались въ сгущавшихся сумеркахъ. Линія берега становилась все туманнѣе и, наконецъ, слилась съ низкими облаками въ послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца.

И вдругъ съ запада стали доноситься отголоски пушечныхъ выстрѣловъ, и въ золотистой мглѣ заката задвигались черныя тѣни. На пароходикѣ всѣ бросились къ бортамъ, напряженно всматриваясь въ это золотистое зарево, слѣпившее глаза. Но ничего нельзя было различить. Надъ берегомъ ползли густые клубы чернаго дыма, застилая ликъ солнца. Пароходикъ пыхтѣлъ отъ усилій, прибавляя ходъ. Минуты тянулись безконечно въ томительной неизвѣстности.

Солнце сѣло въ посинѣвшихъ облакахъ. Небо вспыхнуло и потемнѣло. Загорѣлась первая звѣзда. Сумерки сгустились. Вдругъ капитанъ вскрикнулъ и указалъ рукой вверхъ. Братъ напрягъ всю силу своего зрѣнія. Изъ сѣрой мглистой дали взвилось къ небу что-то большое плоское и очень широкое, пронеслось по кривой линіи надъ облаками въ западной сторонѣ неба, освѣщенной отблескомъ заката, описало широкую дугу, потомъ, постепенно уменьшаясь, стало опускаться и снова скрылось въ таинственной сѣрой мглѣ. И какъ только оно пролетѣло,—на землю спустилась тьма.

КНИГА II.

Земля подъ властью марсіанъ.

I.

Подъ пятой.

Въ концѣ первой книги я удалился въ сторону отъ моихъ собственныхъ приключеній, описывая то, что пережилъ мой братъ, и двѣ послѣднія главы такъ и оставили насъ съ викаріемъ въ въ пустомъ домѣ въ Галлифордѣ, куда мы спрятались отъ чернаго дыма. Съ этого мѣста я и буду теперь продолжать.

Весь вечеръ воскресенья и весь слѣдующій день,— день паники,— мы просидѣли тамъ, въ засадѣ, отрѣзанные чернымъ дымомъ отъ остального міра, точно на маленькомъ островкѣ, гдѣ еще свѣтило солнце. Оба эти мучительные дня мы провели въ тяжеломъ бездѣйствіи: намъ не оставалось ничего другого, какъ ждать.

Моя душа была полна тревоги за жену. Я представлялъ ее себѣ въ Ледергедѣ — среди опасностей, въ смертельномъ страхѣ, уже оплакивающую меня, какъ умершаго. Я метался по комнатамъ опустѣлаго дома и громко стоналъ, терзаясь мыслью, что я оторванъ отъ нея, и рисуя въ своемъ воображеніи картины того, что могло случится съ нею безъ меня. Правда, я зналъ что мой кузенъ—не трусъ; но онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые умѣютъ сразу оцѣнить и предупредить опасность. А въ данномъ случаѣ нужна была, именно предусмотрительность, а не храбрость. Одно, что немножко меня успокаивало, это—надежда, что марсіане двинутся на Лондонъ, то есть въ противоположную сторону отъ нихъ. Отъ всѣхъ этихъ неопредѣленныхъ страховъ у

меня были натянуты нервы, и душу давила тоска. Нескончаемыя причитанія викарія страшно мнѣ надоѣли и выводили изъ себя. Меня возмущало его себялюбивое отчаяніе. Послѣ нѣсколькихъ безуспѣшныхъ попытокъ успокоить его, я, наконецъ, махнулъ на него рукой и ушелъ въ другую комнату—дѣтскую классную, должно быть, потому что тамъ были глобусы, стояли учебные столы и валялись тетради. А когда немного погодя, онъ тоже явился туда, я перешелъ въ верхній этажъ, въ какую-то кладовую, и заперся на задвижку, чтобы остаться одному со своей тоской.

Весь этотъ день и все утро слѣдующаго мы были заперты чернымъ дымомъ. Сосѣдній съ нашимъ домъ съ вечера воскресенья еще проявлялъ кое-какіе признаки жизни: въ окнахъ двигался свѣтъ, въ одномъ даже мелькнуло чье-то лицо, а позднѣе хлопали двери. Но я до сихъ поръ не знаю, кто были тѣ люди, и что съ ними сталось. На другой день мы уже никого не видали. Все утро понедѣльника черный дымъ медленно сползалъ къ рѣкѣ, подбираясь къ намъ все ближе и ближе, и, наконецъ, потянулся вдоль дороги, проходившей мимо нашего дома.

Около полудня вдали показался марсіанинъ, быстро шагавшій по полямъ слѣдомъ за потокомъ чернаго дыма, поливая его струей такого горячаго пара, что онъ шипѣлъ, когда прикасался къ стѣнамъ, а въ окнахъ лопались стекла, на которыя онъ попадалъ. Въ нашемъ домикѣ тоже лопались стекла въ комнатахъ по фасаду, и викарію обварило руку паромъ въ ту минуту, когда онъ спасался въ заднюю комнатку. А когда послѣ того мы осторожно пробрались опять въ лицевыя комнаты, еще мокрыя отъ осѣвшаго пара, и выглянули въ окно,—вся мѣстность къ сѣверу отъ насъ имѣла такой видъ, какъ будто по ней прошелъ черный ураганъ Взглянувъ въ сторону рѣки, мы съ удивлен.мъ замѣтили, что почернѣвшіе,

словно обгорѣлые луга почему-то отливаютъ краснымъ цвѣтомъ. Но отъ чернаго дыма не оставалось и слѣдовъ: онъ весь растворился.

Мы не сразу уяснили себѣ значенiе для насъ этой перемѣны. Мы поняли, что намъ теперь нечего бояться чернаго дыма — и только. Но потомъ я сообразилъ, что осада снята, что теперь мы можемъ уйти. И какъ только я понялъ, что намъ открытъ путь къ бѣгству, способность и желанiе дѣйствовать вернулись ко мнѣ. Но викарiй былъ какъ въ летаргiи: его ничѣмъ нельзя было убѣдить.

— Здѣсь мы въ безопасности, здѣсь мы будемъ цѣлѣе, — твердилъ онъ.

Я рѣшилъ бросить его одного... Ахъ, зачѣмъ я этого не сдѣлалъ!.. Умудренный опытомъ моего недавняго странствiя съ артиллеристомъ, я позаботился запастись въ дорогу ѣдой и питьемъ. Кромѣ того, я взялъ деревяннаго масла и тряпокъ для перевязокъ (у меня еще не зажили ожоги на рукахъ), а потомъ въ одной изъ спаленъ я нашелъ шляпу и фуфайку и тоже захватилъ ихъ съ собой. Когда викарiй понялъ, что я собираюсь уходить одинъ, что я не боюсь уйти одинъ и примирился съ этой мыслью, онъ вдругъ всталъ и объявилъ, что тоже идетъ. И такъ какъ снаружи все было спокойно, мы вышли на почернѣвшую дорогу и повернули въ сторону Сенбери. Это было около пяти часовъ вечера, судя по солнцу.

И въ Сенбери, и по всей дорогѣ лежали мертвыя тѣла — люди и лошади, скорченныя, въ неестественныхъ позахъ; попадались опрокинутые экипажи, разбросанные узлы и чемоданы,— все, покрытое толстымъ слоемъ черной пыли или пепла. Это напомнило мнѣ то, что я читалъ о разрушенiи Помпеи. Мы добрались до Гемптонъ-Корта безъ всякихъ непрiятныхъ приключенiй, но подъ гнетущимъ впечатлѣнiемъ страшной картины, которая насъ окружала. Только въ

Гемптонъ-Кортѣ глаза наши немного отдохнули на клочкѣ свѣжей зелени, которую пощадилъ пронесшійся удушающій вихрь. Мы прошли весь Буши-Паркъ съ его каштанами и гуляющими на свободѣ оленями и вышли къ Твикенгаму. По парку вдали проходили какіе-то люди — мужчины и женщины: всѣ они шли по направленію къ Гемптону. Это были первые живые люди, попавшіеся намъ на пути.

За дорогой, у Гема и у Петершама, все еще горѣли лѣса. Твикенгамъ уцѣлѣлъ: ни черный дымъ, ни тепловой лучъ не коснулись его. Здѣсь попадалось довольно много народа, но никто не могъ сообщить намъ никакихъ новыхъ вѣстей. Все это были такіе же, какъ мы, бездомные бродяги, искавшіе пріюта, пользуясь наступившимъ затишьемъ. У меня осталось даже такое впечатлѣніе, что во многихъ домахъ прятались ихъ напуганные обитатели, у которыхъ не хватало духу бѣжать. Здѣсь тоже по всей дорогѣ были слѣды поспѣшнаго массового бѣгства. Мнѣ живо припоминаются три велосипеда, лежавшіе кучей одинъ на другомъ и совершенно исковерканные, очевидно, колесами переѣзжавшихъ черезъ нихъ экипажей.

Около половины восьмого мы перешли Ричмондскій мостъ. По мосту мы прошли, конечно, скорымъ шагомъ, такъ какъ боялись слишкомъ долго оставаться на виду; но, тѣмъ не менѣе, я успѣлъ замѣтить, что на поверхности рѣки плавали огромные пучки чего-то краснаго (иные по нѣскольку футовъ въ поперечникѣ). Я не зналъ, что это такое (разсматривать было некогда), и объясненіе, которое я далъ себѣ тогда, было страшнѣе дѣйствительности. По ту сторону моста, на Суррейскомъ берегу, опять была черная пыль—осадокъ чернаго дыма, и опять валялись трупы (не доходя станціи мы наткнулись на цѣлую груду); но почти до самаго Бартса мы не видали ни одного марсіанина.

Вдали, на почернѣвшей равнинѣ, мы видѣли трехъ человѣкъ, выбѣжавшихъ на дорогу откуда-то сбоку и побѣжавшихъ къ рѣкѣ. Но, за исключеніемъ этой встрѣчи, кругомъ было безлюдно. Впереди, на покатой возвышенности, яркимъ пламенемъ горѣлъ Ричмондъ, но вокругъ города не было никакихъ слѣдовъ чернаго дыма.

Вдругъ, уже когда мы подходили къ Кью, надъ крышами домовъ, въ какихъ-нибудь ста ярдахъ отъ насъ, показалась марсіанская боевая машина. Мы замерли отъ ужаса. И въ самомъ дѣлѣ, опасность была велика: стоило марсіанину взглянуть внизъ—и мы бы погибли. Мы не рѣшились итти дальше, свернули въ сторону съ дороги и спрятались въ сараѣ, въ какомъ-то саду. Викарій забился въ уголъ, присѣлъ къ землѣ и тихо плакалъ, рѣшительно отказываясь сдвинуться съ мѣста.

Но моя мысль—добраться до Ледергеда крѣпко засѣла у меня въ головѣ. Она не давала мнѣ покою, и какъ только смерклось, я рѣшилъ итти. Я прошелъ сначала кустами, потомъ переулкомъ, огибавшимъ чей-то большой барскій домъ, и снова вышелъ на дорогу къ Кью. Викарія я оставилъ въ сараѣ, но скоро услышалъ, что онъ догоняетъ меня.

Пускаться въ это второе путешествіе было величайшей глупостью съ моей стороны. Ясно было, что марсіане совсѣмъ близко отъ насъ. Едва успѣлъ викарій поровняться со мной, какъ вдали за лугами, въ сторонѣ Кью-Лоджа, мы увидѣли опять боевую машину, ту ли самую, которую видѣли передъ тѣмъ, или другую,—ужъ не могу сказать. Четыре или пять маленькихъ черныхъ фигурокъ бѣжало передъ ней по сѣровато-зеленой скатерти луга, и съ перваго же взгляда было видно, что марсіанинъ преслѣдуетъ ихъ. Въ три шага онъ поровнялся съ ними, и они бросились въ разсыпную у нео изъ-подъ ногъ. Онъ не пустилъ въ ходъ теплгового луча

не уничтожилъ ихъ, а подобралъ одного за другимъ. Было видно, какъ онъ бросалъ ихъ поочередно въ большой металлическій ящикъ, висѣвшій у него за спиной, точно корзина съ инструментами у рабочаго.

Тутъ я впервые понялъ, что марсіане, быть можетъ, имѣли въ виду вовсе не истребленіе человѣчества; я понялъ, что у нихъ могла быть и другая цѣль. На секунду мы окаменѣли, пораженные ужасомъ; потомъ повернулись и побѣжали. Вскочивъ въ какую-то калитку, мы очутились въ обнесенномъ стѣною саду и скорѣе упали, чѣмъ спустились въ канаву, очень кстати оказавшуюся по близости. Еле смѣя перекинуться словомъ, да и то тихимъ шепотомъ, мы пролежали тамъ, пока въ небѣ не зажглись звѣзды.

Было, я думаю, часовъ одиннадцать ночи, когда мы, наконецъ, набрались храбрости снова двинуться въ путь. Но теперь мы уже не отваживались итти по дорогѣ, а пробирались ползкомъ садами и огородами, подъ прикрытіемъ живыхъ изгородей, зорко всматриваясь въ темноту, — онъ направо, я налѣво, — не покажутся ли гдѣ-нибудь марсіане, которые, какъ намъ казалось, гонятся за нами по пятамъ. Въ одномъ мѣстѣ мы набрели на довольно большую площадь земли, выжженной, почернѣвшей и покрытой еще не совсѣмъ остывшей золой. Тутъ было много страшно изуродаванныхъ человѣческихъ труповъ; но странная вещь: у всѣхъ обгорѣло туловище и голова, а ноги и сапоги были цѣлы. Тутъ же валялись осколки отъ разорвавшихся пороховыхъ ящиковъ и пушекъ. а подальше, футахъ въ пятидесяти, лежали трупы лошадей.

Мѣстечко Шинъ, повидимому, не пострадало, но и тамъ было пусто и мертво. Труповъ мы тамъ не видали; впрочемъ, ночь была такъ темна, что нельзя было ничего разсмотрѣть, особенно въ переулкахъ. Въ Шинѣ мой спутникъ сталъ жаловаться на усталость и жажду, и мы рѣ-

шились попытаться проникнуть въ какой-нибудь домъ.

Первый домъ, въ который мы вошли (не безъ затрудненія — черезъ окошко), была маленькая дача-особнякъ. Но тамъ не оказалось ничего съѣстного, кромѣ заплѣсневѣлаго сыру. Зато нашлась годная для питья чистая вода, и я захватилъ еще топоръ, который могъ намъ пригодиться, чтобы проникнуть въ слѣдующій домъ.

Мы перешли черезъ дорогу въ томъ мѣстѣ, гдѣ она заворачиваетъ къ Мортлэку. Тутъ, въ обнесенномъ оградой саду, стоялъ бѣлый домъ. Тамъ, въ чуланѣ, мы нашли цѣлый складъ провизіи: двѣ ковриги хлѣба, большой кусокъ сырой говядины и полъ-окорока. Я нарочно привожу такой подробный списокъ, ибо намъ пришлось цѣлыхъ двѣ недѣли существовать исключительно этимъ запасомъ. Подъ полкой стояло нѣсколько нераскупоренныхъ бутылокъ пива, а на полкѣ лежало два мѣшка зеленыхъ бобовъ и нѣсколько пучковъ завядшаго салата. Чуланъ выходилъ не прямо въ кухню, а въ сѣнцы, примыкавшія къ ней. Здѣсь въ углу лежали дрова и стоялъ шкафъ съ посудой, въ которомъ мы нашли около полудюжины бутылокъ бургонскаго, консервы лососины и супа и двѣ жестянки галетъ.

Мы перешли въ кухню, поѣли хлѣба съ ветчиной и выпили бутылку пива. Ѣли мы въ темнотѣ, боясь зажигать огонь. Викарій все еще не могъ опомниться отъ страха, но, какъ это ни странно, теперь ему не сидѣлось на мѣстѣ: онъ все торопилъ меня итти, и мнѣ стоило большого труда уговорить его подкрѣпиться пищей на дорогу. Но тутъ-то и случилось происшествіе, благодаря которому мы очутились въ западнѣ.

— Я думаю, еще нѣтъ и двѣнадцати часовъ, — сказалъ я.

Не успѣлъ я договорить, какъ насъ вдругъ ослѣпило, точно молніей. Вся кухня освѣтилась яркимъ зеленоватымъ свѣтомъ; всѣ бывшія въ

кой вещи какъ будто выскочили изъ темноты и сейчасъ же снова скрылись. Послѣдовалъ такой страшный толчокъ, что я удивляюсь, какъ мы уцѣлѣли. Непосредственно за тѣмъ, почти въ тотъ же мигъ, за спиной у меня раздался оглушительный ударъ. Послышался звонъ падающихъ стеколъ; вокругъ насъ съ грохотомъ посыпались кирпичи, и съ потолка, прямо къ намъ на головы, упала штукатурка и разлетѣлась на тысячу кусковъ. Меня сбросило на полъ. Я отлетѣлъ въ уголъ, ударился головой объ печку и лишился чувствъ. Викарій говорилъ мнѣ потомъ, что я долго былъ безъ памяти. Когда я, наконецъ, пришелъ въ себя, мы были по-прежнему въ темнотѣ, и онъ брызкалъ на меня водой, а у него самого, какъ я узналъ потомъ, все лицо было мокро отъ крови, потому что ему разсѣкло штукатуркой лобъ.

Нѣкоторое время я не могъ припомнить, что случилось. Потомъ мало-по-малу память вернулась ко мнѣ. Я чувствовалъ боль въ ушибленномъ вискѣ.

— Ну, что, вамъ лучше?—спрашивалъ меня шепотомъ викарій.

Я, наконецъ, отвѣтилъ, приподнялся и сѣлъ.

— Не шевелитесь, — сказалъ онъ. — По всему полу валяются осколки отъ посуды изъ шкафа. Если вы шевельнетесь, вы непремѣнно загремите, а они, кажется, тутъ, за стѣной.

Мы сидѣли такъ тихо, что было слышно, какъ мы дышимъ. Въ кухнѣ стояла мертвая тишина. Одинъ только разъ, гдѣ-то совсѣмъ близко, шурша, скатилась штукатурка или обломокъ кирпича. Снаружи, изъ-за стѣны, доносился непрерывный лязгъ металла о металлъ.

— Слышите? — шепнулъ мнѣ викарій.

— Да. Что это?

— Марсіанинъ

Я прислушался.

— Но что же значили этотъ грохотъ и свѣтъ?

Это не былъ тепловой лучъ, — сказалъ я. И на минуту у меня мелькнула догадка, ужъ не наткнулась ли на нашъ домъ ихъ боевая машина, какъ тогда—на церковь въ Шеппертонѣ.

Наше положеніе было такъ необычайно и такъ мало поддавалось объясненію, что мы боялись что-либо предпринимать и просидѣли неподвижно часа три или четыре, до самаго разсвѣта. Но вотъ забрезжилъ свѣтъ, — не въ окно, остававшееся по прежнему темнымъ, а сзади насъ—въ трехугольную трещину между балкой потолка и стѣной, изъ которой вылетѣлъ кусокъ кирпича. Теперь мы въ первый разъ могли разсмотрѣть внутренность кухни.

Окно было разбито и до-верху завалено землей и щебнемъ изъ сада. Кучи щебня были и на столѣ, за которымъ мы раньше сидѣли, и на полу у нашихъ ногъ. Завалило, очевидно, весь домъ. Передъ самымъ окномъ, у верхняго косяка, торчала вывороченная дренажная труба. Весь полъ былъ усѣянъ черепками. Проломъ образовался въ той стѣнѣ кухни, которая примыкала къ дому, и такъ какъ оттуда проходилъ дневной свѣтъ, то было ясно, что большая часть дома обвалилась. Рѣзкимъ диссонансомъ въ этой картинѣ разрушенія выдѣлялись бѣлые съ голубымъ обои «подъ изразцы», хорошенькій шкапчикъ, выкрашенный блѣдно-зеленой масляной краской, по тогдашней модѣ, и уставленный жестяной и мѣдной посудой, да еще олеографіи, развѣшанныя по стѣнамъ.

Когда разсвѣло, мы сквозь проломъ въ стѣнѣ разсмотрѣли треножникъ марсіанина. Какъ потомъ оказалось, онъ стоялъ на часахъ у еще не остывшаго цилиндра. Увидѣвъ эту фигуру, мы со всею осторожностью, на какую только были способны, перебрались ползкомъ изъ полутемной кухни въ темноту сѣней.

Тутъ только мнѣ стало понятно истинное значеніе случившагося. — Это пятый цилиндръ,

пятый снарядъ съ Марса. Онъ попалъ въ этотъ домъ и похоронилъ насъ подъ развалинами, — прошепталъ я.

Нѣсколько минутъ викарій молчалъ, потомъ взмолился шепотомъ:

— Господи! Умилосердись надъ нами!

И я услышалъ, какъ онъ тихонько заплакалъ.

Если не считать этихъ мокрыхъ, всхлипывающихъ звуковъ,—въ сѣняхъ было совершенно тихо. Я едва смѣлъ дышать и сидѣлъ, не сводя глазъ съ пробивавшейся изъ-подъ двери кухни полоски слабаго свѣта. Передо мной изъ темноты выступало блѣднымъ овальнымъ пятномъ лицо викарія и его воротничекъ и манжеты. Вдругъ за стѣной поднялось громкое гиканье; потомъ раздался оглушительный стукъ—стукъ молотка по металлу, и наконецъ, послѣ промежутка тишины, послышалось шипѣнье, какъ въ паровой машинѣ. Всѣ эти звуки, для насъ необъяснимые, продолжались безъ перерыва, и по мѣрѣ того, какъ шло время, къ нимъ какъ будто примѣшивались все новые и новые звуки. Скоро стали раздаваться тяжелые размѣренные удары, отъ которыхъ задрожали полъ и стѣны, а въ чуланѣ запрыгала и задребезжала посуда. Одинъ разъ свѣтлая полоска подъ дверью исчезла, и насталъ полный мракъ. Ужъ я и не знаю, сколько часовъ просидѣли мы такимъ образомъ, боясь проронить слово, скорчившись и дрожа, пока, наконецъ, наше утомленное вниманіе не ослабѣло, и не пришелъ сонъ...

Когда я проснулся, я почувствовалъ, что страшно голоденъ. Надо думать, что мы проспали большую часть дня. Мой голодъ такъ настоятельно требовалъ удовлетворенія, что я рѣшился дѣйствовать. Я сказалъ викарію, что отправляюсь добывать себѣ ѣду, и сталъ ощупью пробираться въ чуланъ. Онъ ничего не отвѣтилъ, но когда услышалъ, что я ѣмъ, тотчасъ же вышелъ изъ своей летаргіи и поползъ ко мнѣ

II.

Что мы видѣли изъ-подъ развалинъ дома.

Поѣвъ, мы перебрались назадъ, въ сѣнцы. Тамъ я, должно быть, опять заснулъ, потому что, когда сознаніе дѣйствительности вернулось ко мнѣ, я былъ одинъ. Тяжелый размѣренный грохотъ, отъ котораго трясся весь домъ, продолжался съ нестерпимой назойливостью. Я нѣсколько разъ шопотомъ окликнулъ викарія и, наконецъ, сталъ пробираться ощупью къ двери въ кухню. На дворѣ былъ еще день. Я заглянулъ въ кухню, и увидѣлъ его въ противоположномъ у лу. Онъ лежалъ на полу и смотрѣлъ въ треугольную дыру въ стѣнѣ, обращенной къ марсіанамъ. Головы его не было видно изъ-за приподнятыхъ плечъ.

Изъ-за стѣны доносились самые разнообразные звуки, точно изъ желѣзнодорожной мастерской: но грохотъ равномѣрныхъ ударовъ покрывалъ собой всѣ остальные. Въ отверстіе пролома мнѣ была видна верхушка дерева, позолоченная закатомъ, и синій клочекъ тихаго вечерняго неба. Я простоялъ минуты двѣ, наблюдая за викаріемъ, а потомъ, согнувшись и осторожно ступая между черепками, устилавшими полъ, тихонько подошелъ къ нему.

Я тронулъ его за ногу, и онъ такъ сильно вздрогнулъ, что отъ стѣны снаружи отвалился большой кусокъ штукатурки и упалъ съ громкимъ стукомъ. Я схватилъ его за руку, испугавшись, какъ бы онъ не закричалъ. Мы оба замерли на мѣстѣ и долго пробыли такъ, — затаивъ дыханіе, въ самыхъ неудобныхъ позахъ. Потомъ я повернулся взглянуть, что осталось отъ нашего укрѣпленія. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ обвалилась штукатурка, образовалась сквозная вертикальная щель. Я осторожно приподнялся

на носкахъ, перегнулся черезъ балку и, заглянувъ въ эту щель, увидѣлъ то, что еще наканунѣ вечеромъ было спокойнымъ пейзажемъ. Какая огромная перемѣна!

Пятый цилиндръ упалъ, должно быть, прямо въ середину того дома, въ который мы заходили сначала. Зданіе исчезло: оно было стерто въ порошокъ, сравнено съ землей. Цилиндръ лежалъ теперь гораздо ниже фундамента, въ глубокой ямѣ, которую, очевидно, уже успѣли расширить, ибо она была значительно шире той, которую я видѣлъ въ Уокингѣ. Вся земля кругомъ была взрыта и лежала огромными кучами, изъ-за которыхъ не было видно сосѣднихъ домовъ. Страшной силой удара ее расплескало («расплескало» — въ этомъ случаѣ единственное подходящее слово) совершенно такъ, какъ расплескало бы жидкую грязь, еслибы по ней ударить молоткомъ. Нашъ домъ осѣлъ назадъ. Вся передняя его часть, даже нижній этажъ, обвалилась. По счастливой случайности, кухня и чуланъ уцѣлѣли и были погребены подъ развалинами, засыпанные цѣлыми тоннами земли со всѣхъ сторонъ, кромѣ той, которая была обращена къ цилиндру. Мы висѣли надъ самымъ краемъ глубокой круглой ямы, въ которой онъ лежалъ, и надъ расширеніемъ которой работали теперь марсіане. Тяжелый размѣренный грохотъ шелъ откуда-то сзади, и черезъ ровные промежутки нашу щель застилало, какъ дымкой, клубами свѣтящагося зеленоватаго пара.

Цилиндръ былъ уже отрытъ. Онъ лежалъ въ центрѣ ямы, а на противоположномъ ея краю, среди расщепленныхъ, засыпанныхъ гравіемъ кустовъ, выдѣляясь высокой каланчей на фонѣ вечерняго неба, неподвижно стояла одна изъ боевыхъ машинъ — пустая, покинутая своимъ машинистомъ. Было бы, конечно, послѣдовательнѣе начать съ подробнаго описанія ямы и цилиндра; но въ первый моментъ я почти

не замѣтилъ ни того, ни другого, такъ заняли меня странныя существа, медленно и съ усиліемъ ползавшія по кучамъ земли вокругъ ямы, и такъ меня поразила новая необыкновенная машина которая была теперь въ дѣйствіи, и которую я видѣлъ въ первый разъ.

Это была, несомнѣнно, машина изъ сверкающей стали, но казавшаяся живымъ существомъ, — одинъ изъ тѣхъ сложныхъ механизмовъ, такъ, называемыхъ «машинъ-рабочихъ», которыя въ послѣднее время получили такую громкую извѣстность, и благодаря которымъ у насъ на Землѣ уже совершился такой крупный переворотъ въ области изобрѣтеній. На первый взглядъ эта штука имѣетъ видъ металлическаго паука, на пяти суставчатыхъ легкихъ ножкахъ и съ безчисленнымъ множествомъ подвижныхъ колѣнчатыхъ рычажковъ и какихъ-то втягивающихся и хватающихъ придатковъ, на подобіе лапъ или рукъ, прикрѣпленныхъ вдоль всего тѣла. Бо́льшая часть этихъ рукъ была теперь втянута, но тремя, вытянутыми во всю длину, машина выуживала изъ цилиндра какіе-то желѣзные брусья, доски и планки, служившія, повидимому, подпорками для его стѣнокъ. Все это методично вынималось вещь за вещью и такъ же методично складывалось на ровномъ мѣстѣ за цилиндромъ.

Движенія всѣхъ этихъ рычаговъ были такъ быстры, такъ сложны и совершенны, что я сначала не вѣрилъ, что передо мной машина, несмотря на ея металлическій блескъ. И боевыя машины марсіанъ поражаютъ необыкновенной координаціей своихъ движеній и сходствомъ съ живымъ существомъ, но онѣ ничто въ сравненіи съ этой. Кто не видалъ своими глазами этого удивительнаго сооруженія и составилъ себѣ о немъ представленіе только по фантастическимъ набросамъ нашихъ художниковъ да по весьма несовершеннымъ описаніямъ такихъ

очевидцевъ, какъ я, тотъ не въ состоянiи вообразить всей его жизненности.

Особенно живо припоминается мнѣ иллюстрацiя къ одному изъ первыхъ памфлетовъ, въ которыхъ приводились послѣдовательные отчеты о ходѣ войны. Художникъ, очевидно, просмотрѣлъ на скорую руку описанiе боевыхъ машинъ марсiанъ; этимъ и ограничились его свѣдѣнiя. Онъ изобразилъ боевую машину въ видѣ какихъ-то грубыхъ ходуль изъ трехъ прямыхъ жердей съ колпакомъ на верхушкѣ, лишенныхъ всякой гибкости и отличающихся однообразiемъ движенiй, совершенно не отвѣчающимъ дѣйствительности. Памфлетъ съ этимъ рисункомъ былъ очень распространенъ, и я за тѣмъ только и упоминаю о немъ, чтобы предостеречь читателей отъ ошибочныхъ представленiй, какiя могли составиться у нихъ. Рисунокъ былъ такъ же похожъ на марсiанина въ дѣйствiи (какими я ихъ видѣлъ), какъ голландская кукла—на человѣка. По моему, памфлетъ былъ бы гораздо лучше безъ рисунка.

Сначала, повторяю, «машина-рабочiй» произвела на меня впечатлѣнiе не машины, а какого-то краббообразнаго существа съ лоснящейся, покрытой кожей спинкой. (А это въ машинѣ сидѣлъ марсiанинъ, чувствительныя щупальца котораго управляли ея работой, исполняя ту самую функцiю, которую исполняетъ мозгъ у живого крабба) И только потомъ, я обратилъ вниманiе на сходство этой буроватой лоснящейся кожи у крабба съ кожей странныхъ существъ, ползавшихъ вокругъ ямы, и мнѣ сталъ ясенъ истинный характеръ этого искуснаго рабочаго-автомата. И когда я понялъ это, весь мой интересъ сосредоточился на тѣхъ, другихъ существахъ—на живыхъ марсiанахъ. Я уже имѣлъ о нихъ нѣкоторое представленiе, и чувство тошноты, которое они возбуждали съ перваго взгляда, теперь уже не мѣшало мнѣ наблюдать. Къ тому же теперь они не могли меня видѣть: я не былъ вынужденъ не-

медленно дѣйствовать, какъ въ тотъ разъ, и могъ смотрѣть спокойно.

Теперь я хорошо ихъ разглядѣлъ. Это были самыя сверхестественныя существа, какихъ только можно себѣ представить. Огромное,—фута въ четыре въ діаметрѣ,—круглое тѣло или, вѣрнѣе, голова, и впереди—лицо. Лицо безъ всякихъ признаковъ ноздрей (марсіане, повидимому, совершенно лишены обонянія), но съ двумя огромными темными глазами, а подъ глазами—мясистый наростъ въ видѣ клюва. На затылкѣ у этой головы или на обратной сторонѣ этого тѣла,—ужъ и не знаю, какъ называть,—туго-натянутая барабанная перепонка, служащая ухомъ, какъ показало потомъ анатомическое изслѣдованіе, но оказавшаяся, вѣроятно, почти безполезной въ нашемъ, болѣе сгущенномъ воздухѣ. Вокругъ рта прикрѣплено шестнадцать тонкихъ, гибкихъ, какъ плети, щупальцевъ, расположенныхъ двумя пучками, по восьми въ каждомъ. Впослѣдствіи извѣстный анатомъ, профессоръ Гаузъ, далъ этимъ щупальцамъ весьма удачное опредѣленіе: онъ называетъ ихъ р у к а м и. Еще когда я въ первый разъ видѣлъ марсіанъ, я замѣтилъ, что они старались приподняться на этихъ рукахъ, но, разумѣется, не могли, ибо при измѣнившихся условіяхъ, т.-е. при большей силѣ тяготѣнія на Землѣ увеличился вѣсъ ихъ тѣла. Можно допустить съ большою долей вѣроятности, что на Марсѣ они могутъ довольно легко передвигаться на рукахъ.

Почти такъ же просто и внутреннее строеніе ихъ тѣла. (Долженъ замѣтить, что впослѣдствіи было произведено вскрытіе). Главное мѣсто занимаетъ мозгъ, отъ котораго расходятся очень толстые нервы къ глазамъ, въ уху и къ органамъ осязанія—щупальцамъ. Затѣмъ идутъ весьма сложныя легкія и сердце съ кровеносными сосудами. Что у нихъ есть легкія,—можно было сказать даже и безъ вскрытія: мучительная затрудненность дыханія,—слѣдствіе нашей болѣе сгу-

щенной атмосферы и большей силы протяженія на Землѣ,—сказывалась у нихъ съ достаточной убѣдительностью въ конвульсивной пульсаціи кожи.

Вотъ и всѣ органы, какіе имѣются у марсіанъ. Какъ ни странно можетъ это показаться намъ, людямъ, весь сложный пищеварительный аппаратъ, составляющій главную массу нашего тѣла, отсутствуетъ у нихъ. Марсіанинъ почти весь состоитъ изъ головы. У него нѣтъ ни кишекъ, ни желудка. Онъ не ѣстъ, а слѣдовательно, и не переваривает. Пищу ему замѣняетъ свѣжая кровь —кровь отъ живого существа, которую онъ впрыскиваетъ себѣ въ жилы. Я самъ видѣлъ, какъ это дѣлается, и скажу объ этомъ въ своемъ мѣстѣ. Но пусть я покажусь читателю слабонервнымъ,— я не въ состояніи описывать подробно то, на что я даже смотрѣть не могъ безъ содроганія. Довольно сказать, что кровь отъ живого животнаго (предпочтительно отъ человѣка) переливается посредствомъ маленькой пипетки прямо въ пріемный каналъ.

Одна мысль объ этомъ возбуждаетъ въ насъ омерзѣніе. Но намъ, мнѣ кажется, не слѣдовало бы забывать, что вѣдь, пожалуй, и наши плотоядныя привычки показались бы омерзительными какому-нибудь кролику, если бъ онъ могъ разсуждать.

Физіологическія преимущества такихъ впрыскиваній несомнѣнны, если подумать, какая масса времени и энергіи уходитъ у насъ на ѣду и на пищеварительные процессы. Человѣческое тѣло наполовину состоитъ изъ железъ, каналовъ и органовъ, служащихъ для переработки пищи въ кровь. Пищеварительные процессы воздѣйствуютъ на нашу нервную систему: они могутъ подрывать наши силы и сказываются на нашемъ умѣ. Человѣкъ бываетъ счастливъ или несчастливъ въ зависимости отъ того, здоровая или больная у него печень и хорошо или вяло работаютъ его кишки. Марсіане же, благодаря своему

органическому устройству, стоять выше такихъ колебаній настроенія и чувства.

Ихъ безспорное предпочтеніе людямъ, какъ источника питанія, отчасти объясняется сохранившимися трупами тѣхъ жертвъ, которыхъ они взяли съ собой съ Марса въ качествѣ провіанта. Судя по обезкровленнымъ останкамъ этихъ жертвъ, попавшимъ въ наши руки, это были существа двуногія, футовъ шести ростомъ, съ хрупкимъ, ноздреватымъ скелетомъ (какъ у нѣкоторыхъ породъ губокъ), съ слабой мускулатурой, съ круглой, прямо посаженной головой и большими глазами въ твердыхъ впадинахъ. Въ каждомъ цилиндрѣ было, повидимому, по два, по три такихъ существа, и всѣ были убиты прежде, чѣмъ марсіане достигли Земли. И они должны благодарить за это судьбу, ибо отъ первой же попытки стать на ноги на нашей планетѣ у нихъ поломались бы всѣ кости.

Разъ ужъ я взялся описывать марсіанъ, я прибавлю здѣсь еще нѣсколько подробностей объ ихъ физіологическомъ устройствѣ, ибо, хотя эти подробности и не были извѣстны намъ въ то время, онѣ помогутъ читателю, не знакомому съ марсіанами, составить болѣе ясное представленіе объ этихъ страшныхъ существахъ.

Физіологическое ихъ устройство отличается отъ нашего еще въ двухъ отношеніяхъ. Ихъ организмъ не требуетъ отдыха: они не спятъ, какъ не спитъ сердце у человѣка. При крайне слабомъ развитіи мышечной системы, не требующей постояннаго возобновленія тканей, они не нуждаются въ періодическихъ прекращеніяхъ дѣятельности организма. Они, повидимому, не знаютъ,—или почти не знаютъ,—усталости. Даже на Землѣ, гдѣ они не могли сдѣлать ни одного движенія безъ усилія, они не отдыхали ни минуты до самаго конца. Они работали по двадцать четыре часа въ сутки. У насъ на Землѣ такъ работаютъ развѣ только одни муравьи.

Вторая отличительная черта марсіанъ,—какъ ни невѣроятно можетъ это показаться міру, гдѣ такую важную роль играетъ половая жизнь,—заключается въ томъ, что они—существа абсолютно безполыя и потому не знаютъ тѣхъ бурныхъ страстей, какія порождаетъ у насъ различіе половъ. Размножаются они почкованіемъ, какъ растенія или полипы. Теперь это уже установленный фактъ, что во время пребыванія марсіанъ на Землѣ появился на свѣтъ маленькій марсіанинъ. Онъ, какъ оказывается, былъ прикрѣпленъ къ своему родителю, въ родѣ того, какъ, напримѣръ, бутонъ лилии прикрѣпленъ къ вѣткѣ.

На Землѣ ни у одного изъ высшихъ животныхъ, въ томъ числѣ и у человѣка, этотъ способъ размноженія не имѣетъ мѣста; но и на Землѣ это, несомнѣнно, былъ первоначальный способъ. У низшихъ животныхъ, вплоть до ближайшихъ родичей позвоночныхъ, оба способа существовали бокъ-о-бокъ, но, въ концѣ концовъ, половой способъ вытѣснилъ другой. На Марсѣ, повидимому, произошелъ обратный процессъ.

Любопытная вещь: одинъ извѣстный писатель-философъ (съ довольно, впрочемъ, сомнительной репутаціей, какъ ученый), писавшій задолго до нашествія марсіанъ, говоря о физіологическомъ устройствѣ человѣка въ его окончательной стадіи, описывалъ его приблизительно такимъ, какъ у современныхъ марсіанъ. Его статья была помѣщена, помнится, въ ноябрѣ или декабрѣ 1893 года въ блаженной памяти газетѣ *Pall Mall Budget*; а потомъ въ Пончѣ, юмористическомъ журналѣ тоже до-марсіанскаго періода, появилась каррикатура на нее. Въ статьѣ говорилось въ полушутливомъ тонѣ, что съ усовершенствованіемъ механическихъ приспособленій человѣку будутъ совершено не нужны ноги, а съ успѣхами химіи упразднится пищеварительный процессъ, и что такіе органы, какъ зубы, волосы, наружная часть носа, уши и подбородокъ, пе-

рестaвшіе быть существенно важными для организма, будутъ неизмѣнно уменьшаться и съ теченіемъ вѣковъ постепенно атрофируются дѣйствіемъ естественнаго подбора. Существенно важенъ одинъ только мозгъ; онъ и останется. Кромѣ мозга, большіе шансы на прочное существованіе имѣетъ рука—«учитель и повѣренный мозга». По мѣрѣ атрофированія тѣла, руки будутъ развиваться. Сказанное въ шутку нерѣдко оказывается правдой, и на марсіанахъ мы видимъ безспорный, фактическій примѣръ такого подавленія разумомъ животной стороны организма. Я, по крайней мѣрѣ, вполнѣ допускаю, что прародители марсіанъ сильно приближались къ человѣку, и что путемъ постепеннаго развитія на счетъ остального тѣла мозга и рукъ (переродившихся, наконецъ, въ расположенныя двумя пучками чувствительныя, тонкія щупальца), они превратились въ тѣ существа, какими мы ихъ знаемъ. При полномъ отсутствіи тѣла мозгъ развивался бы еще самобытнѣе и не имѣлъ бы никакихъ эмоціальныхъ наслоеній, присущихъ человѣческимъ существамъ.

Есть еще кое-что, чѣмъ марсіане рѣзко отличаются отъ насъ. На первый взглядъ, это различіе можетъ показаться не стоящимъ вниманія, какъ несущественное и случайное. Микроорганизмы, порождающіе на Землѣ такую массу болѣзней и страданій, или никогда не появлялись на Марсѣ, или санитарная наука марсіанъ сумѣла уничтожить ихъ безъ остатка еще вѣка тому назадъ. Ни одна изъ всѣхъ безчисленныхъ инфекціонныхъ и всякихъ смертельныхъ болѣзней отравляющихъ наше существованіе,—никакіе тифы и чахотки, никакія злокачественныя опухоли не нарушаютъ правильнаго теченія жизни марсіанъ.

Кстати, разъ ужъ я заговорилъ о разницѣ между жизнью на Марсѣ и на Землѣ, я долженъ сказалъ нѣсколько словъ еще объ одномъ любопытномъ явленіи—о «красной травѣ».

Преобладающимъ цвѣтомъ растительнаго царства на Марсѣ является, повидимому, кроваво-красный цвѣтъ, а не зеленый, какъ у насъ. По крайней мѣрѣ, всѣ сѣмена, какія занесли къ намъ съ собой марсіане (съ намѣреніемъ или случайно), всегда давали красные ростки. Но изъ всѣхъ этихъ растеній только одно,—именуемое въ просторѣчіи «красной травой»,—выдержало конкуренцію съ земными породами и привилось на Землѣ. Другое красное растеніе,—ползучее,—продержалось у насъ очень недолго, и лишь немногіе видѣли его. Но красная трава одно время разрослась поразительно пышно и и съ невѣроятной быстротой. Уже на третій или на четвертый день нашего невольнаго заточенія въ пустомъ домѣ она покрыла собой всю внутренность ямы, и ея сочные кактусообразные побѣги обрамляли карминной каймой наше треугольное окошечко въ стѣнѣ. А потомъ я видѣлъ ее на поляхъ, на дорогахъ—всюду: она разрослась по всей окружающей мѣстности, особенно тамъ, гдѣ была текучая вода.

У марсіанъ, какъ это показало анатомическое изслѣдованіе, имѣется слуховой органъ, но не въ видѣ двухъ ушныхъ раковинъ, какъ у насъ, а въ видѣ одной круглой барабанной перепонки, помѣщающейся на задней сторонѣ ихъ туловища-головы. Глаза ихъ видятъ приблизительно такъ же, какъ наши, съ тою разницей, что синій и фіолетовый цвѣта имъ кажутся черными (такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ Филипсъ). Высказывалось предложеніе, что марсіане сообщаются между собой посредствомъ звуковъ и жестикуляціей щупальцами. Это говорится, напримѣръ, въ томъ самомъ талантливомъ, но нѣсколько наспѣхъ составленномъ памфлетѣ, о которомъ я уже упоминалъ, и который до сихъ поръ былъ главнымъ источникомъ свѣдѣній о марсіанахъ. Ясно, что его писалъ человѣкъ, не видавшій марсіанъ или видѣвшій лишь мель-

комъ. Могу сказать одно: изъ всѣхъ насъ, оставшихся въ живыхъ послѣ разгрома, никто не видѣлъ ихъ такъ близко и такъ подолгу, какъ я. Я отнюдь не ставлю этого себѣ въ заслугу: я просто констатирую фактъ. Я наблюдалъ ихъ цѣлыми часами и утверждаю, что видѣлъ, какъ они исполняли самыя сложныя, самыя трудныя работы вчетверомъ, впятеромъ (а одинъ разъ даже вшестеромъ), не обмѣниваясь ни жестомъ, ни звукомъ. Ихъ своеобразное завыванье всегда предшествовало процессу питанія. Въ немъ не было никакихъ модуляцій, и оно никоимъ образомъ не могло имѣть значенія сигнала. По моему, это было просто выдыханіе воздуха—подготовительная процедура передъ принятіемъ пищи. Я имѣю нѣкоторыя притязанія на хотя бы элементарное знаніе психологіи, и я убѣжденъ,—твердо убѣжденъ, что марсіане обмѣниваются мыслями безъ всякаго посредства матеріальнаго міра. И убѣдился я въ этомъ, замѣтьте, вопреки предвзятой идеѣ, крѣпко сидѣвшей во мнѣ. До нашествія марсіанъ (какъ, можетъ быть, припомнятъ читатели, которымъ случалось просматривать мои статьи) я писалъ и, кажется, съ достаточнымъ жаромъ, противъ телепатической теоріи.

Марсіане не носятъ одежды. Ихъ понятія о красотѣ и приличіяхъ расходятся съ нашими (что весьма естественно, конечно). Мало того: они не только менѣе чувствительны къ перемѣнамъ температуры, но даже измѣненіе атмосфернаго давленія, видимо, не отразилось сколько-нибудь серьезно на состояніи ихъ здоровья. Хоть марсіане и не носятъ одежды, зато во всемъ другомъ, чѣмъ можно искусственно пополнять свои физическіе рессурсы, они, несомнѣнно, имѣютъ огромное преимущество надъ людьми. Мы, съ нашими велосипедами и коньками, съ нашими Лиліенталевскими летательными аппаратами, съ нашими ружьями и пушками, и такъ далѣе, только начинаемъ эволюцію, которую марсіане уже за-

кончили. Говоря въ практическомъ смыслѣ, марсіанинъ—это мозгъ, подбирающій себѣ, смотря по надобности, то или иное тѣло, совершенно такъ, какъ человѣкъ надѣваетъ платье, смотря по погодѣ, садится на велосипедъ, когда спѣшитъ, или беретъ зонтикъ, когда идетъ дождь. И во всѣхъ ихъ механическихъ приспособленіяхъ особенно поражаетъ одна интересная особенность: въ нихъ совершенно отсутствуетъ то, что составляетъ самую выдающуюся черту почти всѣхъ механизмовъ, изобрѣтенныхъ людьми,—отсутствуетъ к о л е с о. Изъ всѣхъ вещей, занесенныхъ ими на Землю, ни въ одной не встрѣчается никакихъ указаній, ни даже намека на примѣненіе принципа колеса. Казалось бы, онъ долженъ былъ бы примѣняться хоть для цѣлей передвиженія. Не мѣшаетъ отмѣтить по этому поводу тотъ любопытный фактъ, что и на Землѣ мы нигдѣ не встрѣчаемъ въ природѣ идеи колеса: природа всегда предпочитаетъ достигать движенія другими способами. Быть можетъ, принципъ колеса неизвѣстенъ марсіанамъ (что, впрочемъ, мало вѣроятно); но во всякомъ случаѣ достовѣрно, что они воздерживаются отъ примѣненія его. Мало того: ихъ механическіе аппараты поражаютъ почти полнымъ отсутствіемъ даже неподвижныхъ (или относительно неподвижныхъ) осей, ограничивающихъ круговое движеніе одною плоскостью. Почти всѣ соединенія въ ихъ машинахъ представляютъ сложную систему скользящихъ частей, двигающихся по маленькимъ, великолѣпно отполированнымъ подпоркамъ. Замѣчательна еще одна подробность: длинные рычаги ихъ машинъ въ большинствѣ случаевъ приводятся въ движеніе системой металлическихъ дисковъ въ эластичномъ футлярѣ, представляющей весьма удачное подражаніе системѣ живыхъ мышцъ. Черезъ эти диски пропускаютъ электрическій токъ: они поляризуются и взаимно притягиваются съ значительной силой. Этимъ-то спо-

собою и достигается то сходство съ движеніями живого существа, которое такъ поражало и пугало всѣхъ насъ, видѣвшихъ марсіанъ въ дѣйствіи. Краббообразная машина, работавшая по разгрузкѣ цилиндра какъ разъ въ тотъ моментъ, когда я въ первый разъ заглянулъ въ трещину въ стѣнѣ, отличалась особеннымъ обиліемъ такихъ искусственныхъ мышцъ. Ее было несравненно легче принять за живое существо, чѣмъ самихъ марсіанъ, которые лежали на солнцепекѣ вокругъ ямы, задыхаясь, еле шевеля ослабѣвшими щупальцами, или съ усиліемъ переползали съ мѣста на мѣсто, еще не совсѣмъ пришедшіе въ себя послѣ своего долгаго путешествія въ безвоздушномъ пространствѣ.

Я еще долго наблюдалъ ихъ въ трещину, освѣщенныхъ яркимъ солнцемъ. Я съ любопытствомъ слѣдилъ за ихъ вялыми движеніями, подмѣчая каждую, странную для насъ, подробность ихъ фигуръ, пока, наконецъ, викарій не напомнилъ мнѣ о себѣ, дернувъ меня за руку. Я оглянулся, и увидѣлъ передъ собой сердитое лицо съ краснорѣчиво сжатыми губами. Ему тоже хотѣлось смотрѣть, а щель была невелика, такъ что смотрѣть можно было только одному за-разъ. Поэтому мнѣ пришлось отложить свои наблюденія и ждать, пока и онъ воспользуется своимъ правомъ.

Когда я снова занялъ мѣсто у щели, неутомимая машина-рабочій уже сложила вмѣстѣ вытянутыя изъ цилиндра отдѣльныя части аппарата, представлявшаго, по своей формѣ, несомнѣнное подобіе ея самой. А немного лѣвѣе я увидѣлъ другую машину. Это былъ небольшой аппаратикъ для раскапыванія земли. Выбрасывая кверху столбы зеленаго пара, онъ проворно бѣгалъ вокругъ ямы, постепенно, методично расширяя ее, и такъ же методично и цѣлесообразно складывая вырытую землю по краямъ ровнымъ валомъ. Тутъ только я понялъ, откуда шелъ этотъ непрерывный грохотъ вперемежку

съ ритмическими ударами, сотрясавшими наше ненадежное убѣжище. Во время работы аппаратикъ гудѣлъ и свистѣлъ. Насколько я могъ замѣтить, въ немъ не было марсіанина, и его работой никто не управлялъ.

III.

Дни плѣненія.

Появленіе второй боевой машины заставило насъ бросить нашъ наблюдательный постъ и снова спрятаться въ сѣнцы. Мы боялись, какъ бы марсіанинъ съ своего возвышенія не увидѣлъ насъ въ нашей засадѣ. Потомъ-то мы сообразили, что опасность была не такъ велика: со свѣта, да еще въ яркій солнечный день, наше окошечко должно было казаться просто чернымъ пятномъ. Но первое время довольно было намъ завидѣть боевую машину, какъ мы опрометью, съ бьющимся сердцемъ, бросались въ сѣнцы или въ чуланъ. И все-таки, какъ ни страшенъ былъ рискъ попасться, насъ обоихъ непреодолимо тянуло смотрѣть. Вспоминая теперь тѣ дни, я невольно дивлюсь, какъ мы могли, несмотря на весь ужасъ нашего положенія, несмотря на грозившую намъ страшную альтернативу между смертью отъ голода и другой, еще худшей,—какъ мы могли такъ ожесточенно ссориться изъ-за печальной привилегіи поглядѣть въ щель. Какъ мы могли, смѣшно ковыляя между черепками (потому что боялись загремѣть) и въ то же время торопясь и перегоняя другъ друга, кидаться взапуски черезъ всю кухню, и ссориться, и драться, и толкать другъ друга ногами, когда намъ ежеминутно грозила опасность быть открытыми.

Все дѣло въ томъ, что мы съ нимъ были люди совершенно разнаго склада, разнаго образа мыслей, разныхъ привычекъ и вкусовъ, а уединеніе и опасность только подчеркивали это несходство. Я еще въ Галлифордѣ возненавидѣлъ

его за его слезливое, ребяческое нытье, за тупость и упрямство. Это вѣчное бормотанье, эти нескончаемые монологи себѣ подъ носъ парализовали всѣ мои усилія придумать какой-нибудь планъ дѣйствій и минутами доводили меня, и безъ того издерганнаго, почти до сумасшествія. Онъ такъ же мало умѣлъ сдерживаться, какъ какая-нибудь глупая баба. Онъ плакалъ часами. Мнѣ кажется, этотъ баловень жизни искренно воображалъ до самаго конца, что его жалкія слезы могутъ чѣмъ-то помочь. А я сидѣлъ впотьмахъ, силился не замѣчать его присутствія, выбросить его изъ головы,— и не могъ, потому что онъ назойливо напоминалъ о себѣ. Онъ ѣлъ гораздо больше меня. Я много разъ говорилъ ему, что единственный нашъ шансъ на спасеніе, это—оставаться въ домѣ и ждать, пока марсіане покончатъ со своими работами въ ямѣ, и что въ этотъ, можетъ быть, очень долгій промежутокъ ожиданія можетъ наступить время, когда намъ будетъ нечего ѣсть. Напрасно!—Онъ ѣлъ и пилъ, сколько хотѣлось,—правда, не часто, но жадно, до отвала. Спалъ онъ мало.

Время шло. Его полнѣйшая безпечность и нежеланіе считаться съ обстоятельствами сдѣлали то, что наши запасы сильно оскудѣли. Въ нашемъ положеніи это грозило такою опасностью, что я,—какъ ни претило это мнѣ,—рѣшился прибѣгнуть къ угрозамъ, а подъ конецъ и къ побоямъ. Это его образумило на время. Но онъ былъ изъ тѣхъ слабыхъ натуръ,—лукавыхъ, лицемѣрныхъ,—которыя обманываютъ и Бога, и ближнихъ, и самихъ себя. Противная, трусливая душонка,—дряблая, безъ всякаго самолюбія...

Мнѣ непріятно даже вспоминать, не говоря уже писать про все это; но я хочу, чтобъ мой разсказъ былъ полонъ. Кто былъ такъ счастливъ, что никогда не сталкивался съ темными

и страшными сторонами жизни, тѣ, вѣроятно, съ легкимъ сердцемъ осудятъ меня за мою жестокость и за ту вспышку ярости, которою закончилась наша трагедія. Эти люди не хуже другихъ отличаютъ зло отъ добра; одного только не знаютъ они: они не знаютъ, на что способенъ учненный человѣкъ. Но тѣ, кто испыталъ, что значитъ дойти до предѣла, спуститься до элементарныхъ чувствъ,—тѣ взглянутъ шире и пожалѣютъ меня.

И вотъ, пока въ темнотѣ, въ стѣнахъ дома, шла глухая борьба; пока мы съ нимъ пререкались громкимъ шепотомъ, вырывали другъ у друга изъ рукъ ѣду и питье, обмѣнивались ударами и пинками,—снаружи, въ ямѣ, при безпощадномъ солнечномъ свѣтѣ тѣхъ страшныхъ іюньскихъ дней, совершалось невиданное чудо—тянулась день за днемъ столь чуждая намъ рутина жизни марсіанъ...

Но возвращаюсь къ тѣмъ первымъ новымъ впечатлѣніямъ, которыя я пережилъ тогда. Послѣ довольно большого промежутка я снова подошелъ къ щели и увидѣлъ, что къ вновоприбывшимъ марсіанамъ подоспѣло подкрѣпленіе въ лицѣ, по меньшей мѣрѣ, трехъ товарищей на боевыхъ машинахъ. Всѣ трое принесли съ собой какіе-то новые аппараты и приборы, которые были теперь разставлены въ большомъ порядкѣ вокругъ цилиндра. Вторая машина-рабочій была уже собрана и обслуживала одинъ изъ новыхъ приборовъ, доставленныхъ боевыми машинами. Это былъ довольно сложный приборъ Надъ большимъ цилиндрическимъ пріемникомъ, напоминавшимъ формой жбанъ для молока, былъ укрѣпленъ сообщающійся съ нимъ другой пріемникъ, грушевидной формы, который все время качался. Изъ перваго пріемника непрерывной струей сыпался какой-то бѣлый порошокъ въ подставленный для этого круглый чанъ.

Колебательное движеніе сообщалось второму пріемнику одною изъ рукъ машины-рабочаго. Двумя другими руками, съ концами въ видѣ лопатъ, она копала глину и бросала ее большими кусками сверху въ тотъ же пріемникъ. Въ то же время четвертой рукой она черезъ опредѣленные промежутки открывала заслонку въ первомъ пріемникѣ и выбрасывала изъ него синеватый перегорѣвшій кирпичъ, а пятая ея рука изъ твердой стали прогоняла по желобу бѣлый порошокъ изъ чана въ третій пріемникъ, котораго мнѣ не было видно изъ-за накопившейся кучи перегара. Отъ этого невидимаго пріемника тянулась кверху въ тихомъ воздухѣ тонкая струйка зеленаго дыма. Потомъ, на моихъ глазахъ, машина-рабочій съ слабымъ музыкальнымъ звономъ выпустила изъ себя (на манеръ того, какъ раздвигаютъ телескопъ) еще одну руку, казавшуюся за минуту передъ тѣмъ простою выпуклостью на ея тѣлѣ. Рука вытянулась во всю длину, и конецъ ея скрылся за кучей перегара. Черезъ секунду она поднялась, держа длинную полосу блестящаго, еще не потускнѣвшаго аллюминія, и осторожно приставила ее къ пучку такихъ же полосъ, прислоненныхъ къ боку ямы. Отъ заката до наступленія ночи эта необыкновенная машина сдѣлала, должно быть, больше ста такихъ полосъ изъ простой глины. Синеватая куча все росла и, наконецъ, сравнялась съ краемъ ямы.

Поистинѣ, разителенъ былъ контрастъ между быстрой, отчетливой и сложной работой всѣхъ этихъ машинъ и тою инертностью и мучительною затрудненностью движеній, какую проявляли ихъ хозяева. Мнѣ еще долго пришлось внушать себѣ, пока я повѣрилъ, что они—на самомъ дѣлѣ, не первыя, а послѣднія—живыя существа.

Когда къ ямѣ притащили первыхъ людей, въ щель смотрѣлъ викарій. Я сидѣлъ на полу, поджавъ подъ себя ноги, и напряженно слу-

шалъ. Вдругъ онъ откинулся назадъ: я весь скорчился въ неописанномъ ужасѣ, думая, что мы открыты. Я видѣлъ въ полутьмѣ, какъ онъ скатился съ кучи мусора, на которой стоялъ, и бросился на полъ возлѣ меня. Онъ весь дрожалъ и не могъ говорить. На минуту его испугъ сообщился и мнѣ. Онъ показывалъ жестами, что не хочетъ больше смотрѣть. Тогда любопытство придало мнѣ храбрости: я всталъ, перешагнулъ черезъ него, вскарабкался на кучу мусора и прилипъ къ щели. Сначала я не могъ понять, что его такъ испугало. На дворѣ уже стемнѣло, сверху слабо свѣтили рѣдкія звѣзды; но яма освѣщалась вспышками зеленаго огня, потому что тамъ пережигали глину для выдѣлки алюминія. Мерцающее пламя то ярко разгоралось, то почти гасло, и тогда набѣгали дрожащія черныя тѣни. Надъ ямой шныряли летучія мыши, не обращая никакого вниманія на огонь. Въ общемъ, картина была мрачная и зловѣщая, такъ что жутко было смотрѣть. Еще больше выросшая въ вышину куча зеленовато-синей глины теперь совсѣмъ скрывала отъ меня барахтавшихся на землѣ марсіанъ. Въ одномъ углу ямы стояла боевая машина, укоротившаяся почти впятеро, потому что ножки у ея треножника были сложены. На одинъ мигъ мнѣ показалось, что я различаю человѣческіе голоса сквозь грохотъ машинъ, но я сейчасъ же отогналъ эту мысль.

Прижавшись лицомъ къ щели, я разсматривалъ во всѣхъ подробностяхъ боевую машину. Тутъ я въ первый разъ удостовѣрился своими глазами, что на машинѣ подъ колпакомъ дѣйствительно сидитъ марсіанинъ. При каждой вспышкѣ зеленаго огня я видѣлъ его лоснящуюся маслянистую кожу и блестѣвшіе глаза. Вдругъ я увидѣлъ, какъ изъ-подъ колпака высунулось длинное щупальце, перегнулось назадъ, черезъ плечо машины, и потянулось къ

корзинѣ или клѣткѣ, торчавшей у нея за спиной. Раздался пронзительный крикъ. Потомъ что-то темное, что-то маленькое и отчаянно барахтающееся живой загадкой промелькнуло высоко въ воздухѣ, на фонѣ потемнѣвшаго неба; а когда этотъ таинственный предметъ опустился, то при мерцающемъ зеленоватомъ свѣтѣ я увидѣлъ, что это человѣкъ. Одну секунду онъ былъ ясно видѣнъ. Это былъ плотный, краснощекій господинъ среднихъ лѣтъ, хорошо одѣтый; какихъ-нибудь три дня тому назадъ онъ считался, можетъ быть, важной персоной и разгуливалъ по свѣту, довольный судьбой. Я видѣлъ его выпученные отъ ужаса глаза, видѣлъ игру свѣта на его запонкахъ и часовой цѣпочкѣ. Онъ скрылся за высокой кучей... Съ минуту все было тихо. Потомъ поднялся несмолкаемый, раздирающій визгъ, и послышалось протяжное, звучащее удовольствіемъ, характерное подвываніе марсіанъ...

Я соскользнулъ, не помня себя, съ кучи мусора, зажалъ уши и бросился въ сѣни. Викарій, сидѣвшій на полу, скорчившись и обхвативъ голову обѣими руками, взглянулъ на меня и завопилъ не своимъ голосомъ, увидѣвъ, что я бросаю его, и побѣжалъ за мной...

Въ эту ночь, пока мы сидѣли, притаившись, въ темныхъ сѣнцахъ, колеблясь между страхомъ и притягательной силы щели, въ которую было видно марсіанъ, я не могъ, какъ ни старался (хотя я ясно сознавалъ настоятельную необходимость дѣйствовать),—я не могъ придумать никакого плана бѣгства. Но на другой день я немного успокоился и былъ уже въ состояніи обсудить наше положеніе. Викарій (въ чемъ я теперь окончательно убѣдился) былъ совершенно неспособенъ разсуждать. Всѣ эти ужасы уже сказались на немъ, отнявъ у него разумъ. Онъ потерялъ всякую способность предусматривать и соображать, и жилъ одними импульсами Короче говоря, онъ спустился до уровня жи-

вотнаго. Но я, какъ говорится, зубами цѣплялся за свой разсудокъ. Какъ только я заставилъ себя заглянуть въ лицо фактамъ, я началъ понимать, что, какъ ни ужасно наше положеніе, пока еще нѣтъ основаній отчаиваться. Быть можетъ, эта яма служитъ марсіанамъ лишь временнымъ лагеремъ: въ этомъ былъ нашъ главный шансъ. А если даже они и останутся тутъ, то, можетъ быть, не сочтутъ нужнымъ держать постоянно караулы, и тогда намъ можетъ представиться случай бѣжать... Кромѣ того, я тщательно взвѣсилъ и другую возможность, возможность бѣгства черезъ подкопъ. Но шансы благополучно выйти изъ подкопа на виду у нѣсколькихъ боевыхъ машинъ были слишкомъ слабы. И рыть пришлось бы, конечно, мнѣ одному: на викарія нечего было разсчитывать.

Это было, кажется, на третій день, если память мнѣ не измѣняетъ. Въ этотъ день на моихъ глазахъ убили юношу. Это былъ единственный разъ, когда я воочію видѣлъ, какъ питаются марсіане. Послѣ этого зрѣлища я почти пересталъ подходить къ щели. Вооружившись топоромъ, я перешелъ въ сѣнцы, заперъ дверь въ кухню и принялся рыть, стараясь дѣлать это какъ можно тише. Я провозился нѣсколько часовъ, но когда прокопалъ уже фута на два въ глубину, земля вдругъ съ шумомъ обвалилась. Это отняло у меня послѣднюю энергію; я побоялся продолжать. Я долго пролежалъ на полу безъ мысли, безъ движенія, въ полной апатіи. Послѣ того я оставилъ всякую мысль о бѣгствѣ черезъ подкопъ.

Чтобы дать читателю понятіе о томъ, какое впечатлѣніе произвели на меня марсіане, довольно будетъ сказать, что первое время у меня была почти полная увѣренность, что никакими человѣческими усиліями ихъ нельзя одолѣть. Поэтому я очень удивился, когда разъ ночью, на четвертый или на пятый день нашего заточе-

нія я услышалъ звуки далекихъ пушечныхъ выстрѣловъ.

Это было позднею ночью. Мѣсяцъ ярко свѣтилъ. Марсіане убрали свой землекопательный аппаратикъ, и, если бы не боевая машина, стоявшая на дальнемъ краю ямы, да не машина-рабочій, работавшая въ углу, какъ разъ подъ нашей щелью, такъ что ея не было видно, можно было бы подумать, что они покинули это мѣсто стоянки. Если не считать слабаго свѣта, который давала машина-рабочій, да кое-гдѣ полосъ и пятенъ бѣлаго луннаго свѣта,—яма была въ темнотѣ. Кругомъ стояла тишина, нарушавшаяся только слабымъ позвякиваньемъ машины-рабочаго. Была чудная, ясная ночь. Всѣ звѣзды попрятались передъ сіяніемъ мѣсяца: онъ одинъ царилъ въ небѣ. Издали доносился вой собаки. Эти знакомые звуки вернули меня къ дѣйствительности, и я сталъ прислушиваться. Тутъ-то я услышалъ, совершенно отчетливо, гулкіе раскаты, какъ отъ залповъ изъ тяжелыхъ орудій. Я насчиталъ шесть выстрѣловъ, и потомъ, послѣ длиннаго промежутка, еще шесть. А тамъ опять все стихло.

IV.

Смерть викарія.

Это было на шестой день. Заглянувъ въ последній разъ въ трещину, я уже собирался было уступить мѣсто викарію, но, оглянувшись, неожиданно замѣтилъ, что я одинъ. Вмѣсто того, чтобы цѣпляться за меня и стараться оттереть меня отъ щели, какъ онъ обыкновенно дѣлалъ, онъ отправился въ чуланъ. У меня вдругъ мелькнуло подозрѣніе. Я тотчасъ же тихонько пробрался въ чуланъ слѣдомъ за нимъ. Я услышалъ въ темнотѣ, что онъ пьетъ. Я наудачу протянулъ руку и поймалъ бутылку съ виномъ,

Нѣсколько минутъ мы боролись. Бутылка упала на полъ и разбилась. Я выпустилъ его. Мы стояли, тяжело дыша, угрожая другъ другу. Кончилось тѣмъ, что я загородилъ отъ него наши запасы и объявилъ ему свое рѣшеніе—завести строгій порядокъ. Я раздѣлилъ всю провизію на порціи съ такимъ разсчетомъ, чтобы хватило на десять дней, и сказалъ, что больше я не дамъ ему ѣсть до завтрашняго дня. Передъ вечеромъ онъ, однако, пытался добраться до ѣды. Я дремалъ въ ту минуту, но моментально проснулся. Весь день и всю ночь мы просидѣли другъ противъ друга: я—чуть не падая отъ усталости, но съ твердымъ рѣшеніемъ не уступать, онъ—плача, какъ ребенокъ, и жалуясь на голодъ. Прошло всего сутки,—одинъ день и одна ночь,—я хорошо это знаю; но это время показалось мнѣ,—да и теперь, когда я вспоминаю о немъ, кажется,—безконечнымъ.

Итакъ, наша взаимная антипатія, быстро обостряясь, закончилась открытой враждой. Два долгихъ дня мы безшумно боролись, спорили вполголоса, толкались, дрались. Нѣсколько разъ я принимался неистово тузить его по чемъ попало; пытался и уговаривать, и ублажать. Одинъ разъ пробовалъ даже подкупить его послѣднею бутылкой бургонскаго (я нашелъ въ кухнѣ водопроводную трубу и теперь былъ покоенъ, что мы не останемся безъ питья). Но на него ничто не дѣйствовало—ни ласка, ни сила: это былъ невмѣняемый человѣкъ. Онъ не могъ удержаться, чтобы не набрасываться на ѣду, какъ не могъ не бормотать себѣ подъ носъ. Онъ не хотѣлъ соблюдать даже самыхъ элементарныхъ предосторожностей и дѣлалъ нестерпимой нашу и безъ того ужасную жизнь. Мало-по-малу я началъ понимать, что разумъ покинулъ его, что мой единственный товарищъ въ этой темной западнѣ—сумасшедшій.

Судя по нѣкоторымъ смутнымъ воспомина-

ніямъ, сохранившимся у меня о томъ времени, надо думать, что и моя голова минутами бывала не въ порядкѣ. Какъ только я засыпалъ, мнѣ снились самые дикіе, самые безобразные сны. Мнѣ кажется, какъ это ни странно, что малодушіе этого человѣка, его ненормальность спасли меня отъ безумія: это было предостереженіемъ мнѣ, это заставило меня взять себя въ руки и помогло мнѣ сохранить свой разсудокъ.

На восьмой день онъ пересталъ сдерживать свой голосъ, и что я ни дѣлалъ, я не могъ заставить его говорить тише.

— Ты справедливъ въ гнѣвѣ своемъ, о Боже! Справедливъ!—твердилъ онъ безъ конца.—Да падетъ Твоя кара на меня и на присныхъ моихъ! Мы согрѣшили, мы низко пали... Кругомъ была нищета, было горе; бѣдняковъ топтали во прахѣ, и я спокойно смотрѣлъ. Въ своихъ проповѣдяхъ я потакалъ людскому безумію—да отпустится мнѣ этотъ грѣхъ!—тогда какъ я обязанъ былъ поднять свой голосъ, хотя бы мнѣ пришлось за это умереть; я долженъ былъ взывать: «Покайтесь! Покайтесь!.. Гонители неимущихъ и сирыхъ! Вы отвѣтите за это передъ Богомъ!..»

Потомъ онъ вдругъ возвращался къ вопросу о ѣдѣ, въ которой я урѣзывалъ его: онъ просилъ, молилъ, плакалъ и, наконецъ, принимался грозить. Когда онъ начиналъ повышать голосъ, я упрашивалъ его говорить тише. Онъ понялъ, чѣмъ меня можно взять, и сталъ грозить, что онъ сейчасъ закричитъ и напустить на насъ марсіанъ. Сначала я испугался, но скоро сообразилъ, что всякая уступка только ослабитъ наши шансы на избавленіе. Я сказалъ ему, что не боюсь его угрозы, хотя въ глубинѣ души далеко не былъ увѣренъ, что онъ не исполнитъ ея. Какъ бы то ни было, онъ этого не сдѣлалъ въ тотъ день. Почти весь восьмой день онъ говорилъ хоть и полнымъ голосомъ, но не слишкомъ громко. Къ концу девятаго опять пошли мольбы, угрозы

и покаянныя рѣчи—цѣлый потокъ пустословія, нелѣпый бредъ больного, такъ что противно и жалко было слушать. Потомъ онъ заснулъ ненадолго; но какъ только проснулся, снова принялся за свое. На этотъ разъ онъ говорилъ такъ громко, что надо было во что бы то ни стало заставить его замолчать.

— Тише! Говорите тише!—умолялъ я.

Мнѣ было слышно въ темнотѣ, какъ онъ сталъ на колѣни у котла на полу, гдѣ онъ раньше сидѣлъ.

— Я слишкомъ долго молчалъ,—сказалъ онъ такъ громко, что нельзя было не услышать снаружи.—Теперь я буду свидѣтельствовать... Горе этому маловѣрному граду! Горе! Горе! Горе!.. Горе сынамъ земли, ибо гласъ трубный...

— Молчите!—прошипѣлъ я, вскакивая въ ужасѣ, что марсіане услышатъ.—Ради всего святого!..

— Нѣтъ!—заоралъ онъ во все горло, тоже вставая и простирая руки.—Я буду говорить! Господь глаголетъ моими устами...

Въ три шага онъ очутился у двери въ кухню.

— Я буду свидѣтельствовать! Я иду! Мы слишкомъ долго медлили.

Я протянулъ руку и нащупалъ на стѣнѣ топоръ, какимъ рубятъ мясо. Я бросился за нимъ. Я озвѣрѣлъ отъ страха. Прежде чѣмъ онъ добѣжалъ до середины кухни, я былъ возлѣ него. Послѣдній остатокъ человѣколюбія заговорилъ во мнѣ: я обернулъ топоръ лезвеемъ къ себѣ и ударилъ его обухомъ. Онъ свалился какъ снопъ, лицомъ впередъ. Я споткнулся объ него и тоже чуть не упалъ. Я стоялъ надъ нимъ, тяжело дыша, и ждалъ. Онъ не шевелился.

Вдругъ я услышалъ шумъ снаружи: со стѣны посыпалась штукатурка и что-то темное заслонило трехугольную трещину. Я поднялъ голову и увидѣлъ нижнюю часть машины-рабочаго, медленно продвигавшуюся мимо пролома. Одна

изъ ея цѣпкихъ рукъ извивалась между обломками. Потомъ показалась другая и стала нащупывать себѣ ходъ надъ провалившейся балкой. Я вприросъ къ мѣсту и въ ужасѣ смотрѣлъ, что будетъ. И вдругъ сквозь прозрачную, въ родѣ стеклянной, пластинку, вставленную сбоку машины, я увидѣлъ лицо (если можно такъ его назвать) и большіе темные глаза марсіанина, заглядывающіе въ дыру. Потомъ длинная металлическая рука машины, извиваясь, точно змѣя, стала потихоньку пробираться въ проломъ.

Я съ усиліемъ повернулся, перешагнулъ черезъ тѣло викарія и остановился у двери въ сѣнцы. Рука теперь уже ярда на два просунулась въ кухню и, быстро поворачиваясь своеобразными, угловатыми движеніями, ощупывала стѣны и полъ. Съ минуту я стоялъ, какъ околдованный, не въ силахъ отвести глаза отъ этого, постепенно, точно скачками, подбирающагося ко мнѣ гада; потомъ, съ слабымъ, хриплымъ крикомъ, опрометью бросился въ сѣнцы.

Я весь дрожалъ. Я едва стоялъ на ногахъ. Приподнявъ дверку погреба для угля, въ которой былъ ходъ изъ сѣней, я стоялъ впотьмахъ, не сводя глазъ съ слабой полосы свѣта, выходившей изъ-подъ двери въ кухню, и слушалъ... Видѣлъ ли меня марсіанинъ? Что онъ тамъ дѣлаетъ теперь?

А тамъ что-то двигалось—тихо-тихо: то стукалось о стѣну, то, при перемѣнѣ движенія, звенѣло слабымъ металлическимъ звономъ, какъ ключи на кольцѣ. Потомъ какое-то тяжелое тѣло (я слишкомъ хорошо зналъ—какое) потащилось по полу черезъ кухню къ пролому въ стѣнѣ. Повинуясь непреодолимой силѣ, тянувшей меня посмотрѣть, что тамъ дѣлается, я подползъ къ двери и заглянулъ. Въ свѣтломъ трехугольникѣ щели я увидѣлъ марсіанина на его краббообразной машинѣ: притянувъ къ себѣ тѣло викарія, онъ внимательно осматривалъ его голову. Я сейчасъ же подумалъ, что по знаку

отъ моего удара топоромъ онъ непремѣнно догадается о присутствіи въ домѣ другого человѣка.

Я спустился въ погребъ, захлопнулъ за собой дверку, забился въ уголъ между кучей угля и дровами и, стараясь не шумѣть, принялся зарываться подъ уголь, сгребая его на себя. Каждую секунду я останавливался послушать, не просунулась ли опять въ щель рука машины-рабочаго.

Слабый металлическій звонъ возобновился. Я прослѣдилъ по этому звуку, какъ рука, нащупывая дорогу, не спѣша пробиралась по кухнѣ. Вотъ она совсѣмъ близко—въ сѣнцахъ, какъ мнѣ показалось. Я подумалъ: можетъ быть, она не достанетъ меня? Можетъ быть, она не настолько длинна? Я горячо молился. Рука, легонько царапая, скользнула по дверкѣ погреба. Мнѣ показалось, что прошли вѣка,—такъ нестерпимо томительно было ожиданіе. Потомъ я услыхалъ, что дверку ощупываютъ снаружи. Это онъ нащупывалъ щеколду: онъ нашелъ дверь! Марсіане понимаютъ, что такое дверь!..

Съ минуту онъ провозился съ щеколдой, а потомъ дверка откинулась.

Изъ темноты мнѣ было видно его—этотъ странный предметъ, больше всего похожій на хоботъ слона. Раскачиваясь, онъ подвигался ко мнѣ, трогая и изслѣдуя стѣны, дрова, уголь и потолокъ,—точно большой черный червякъ, когда онъ топорщится и размахиваетъ своею слѣпой головой.

Одинъ разъ о н о даже коснулось подошвы моего сапога. Я укусилъ себя за руку, чтобъ не закричать. Потомъ все стихло. Можно было подумать, что о н о ушло. Вдругъ, съ рѣзкимъ стукомъ, оно схватило что-то—о, Господи! только бы не меня!—и какъ будто убралось изъ погреба. Но я еще не былъ увѣренъ. Должно быть, марсіанинъ взялъ кусокъ угля для изслѣдованія.

Я воспользовался случаемъ перемѣнить положеніе, такъ какъ у меня затекли руки и ноги.

Шепча горячія молитвы о спасеніи, я напряженно слушалъ.

И вотъ опять, медленно, осторожно, оно поползло прямо ко мнѣ. Ближе... ближе... Вотъ опять стучитъ и царапается по стѣнамъ.

Я уже не надѣялся на спасеніе, когда дверь погреба вдругъ захлопнулась съ рѣзкимъ стукомъ. Я слышалъ, какъ оно шарило въ чуланѣ, какъ тамъ гремѣли жестянки изъ-подъ галетъ, какъ зазвенѣла, разбившись, бутылка. Потомъ опять тяжелый ударъ въ дверь погреба, и потомъ тишина, казавшаяся мнѣ, въ моей мучительной неизвѣстности, безконечной.

Ушло или нѣтъ?

Наконецъ, я рѣшилъ, что ушло.

Оно не возвращалось больше, но весь тотъ день, десятый день, я пролежалъ въ погребѣ, въ полномъ мракѣ, зарывшись въ уголь и не смѣя выползти даже за водой, хотя я умиралъ отъ жажды. Только на одиннадцатый день рѣшился я выйти изъ своего убѣжища, да и то не дальше сѣней.

V.

Тишина.

Первымъ дѣломъ, прежде чѣмъ навѣдаться въ чуланъ, я заперъ на задвижку дверь между сѣнцами и кухней. Въ чуланѣ было пусто: не оставалось ни крошки съѣстного. Должно быть, марсіанинъ все забралъ наканунѣ. При этомъ открытіи мною въ первый разъ овладѣло отчаяніе.

Два слѣдующіе дня,—одиннадцатый и двѣнадцатый,—я ничего не ѣлъ и не пилъ. Все это время я просидѣлъ въ темныхъ сѣнцахъ въ состояніи безысходной апатіи. Губы у меня запеклись, въ горлѣ пересохло. Силы замѣтно убывали. Всѣ мысли вертѣлись на ѣдѣ. Мнѣ казалось, что я оглохъ, потому что грохотъ машинъ за стѣной, который я привыкъ слышать за послѣдне-

время, теперь совершенно прекратился. Мнѣ хотѣлось заглянуть въ трещину, но я не былъ увѣренъ, хватитъ ли у меня силъ доползти до нея, и, кромѣ того, я боялся нашумѣть.

На двѣнадцатый день меня такъ страшно стала мучить жажда, что я кое-какъ дотащился до насоса, стоявшаго въ сѣнцахъ подлѣ помойной лохани. Рискуя всполошить марсіанъ (потому что нососъ скрипѣлъ), я накачалъ грязной дождевой воды и выпилъ два полныхъ стакана. Это очень меня освѣжило. Мнѣ придало также бодрости то обстоятельство, что скрипъ насоса не вызвалъ появленія въ трещинѣ инквизиторской руки.

Оба эти дня я много думалъ о викаріи, о томъ, какъ онъ умеръ; но думалось какъ-то отрывочно, несознательно.

На тринадцатый день я опять пилъ воду, дремалъ, и въ головѣ у меня проносились безсвязныя мысли объ ѣдѣ и какія-то весьма туманные, невозможные планы бѣгства. Всякій разъ, какъ я забывался дремотой, мнѣ чудились или страшные призраки, или смерть викарія, или роскошные обѣды, но ни во снѣ, ни наяву меня не покидало мучительное ощущеніе голода, заставлявшее меня пить и пить безъ конца. Свѣтъ, проникавшій въ сѣнцы изъ кухни, былъ теперь уже не сѣрый, а красный. Моему разстроенному воображенію онъ казался кровавымъ.

На четырнадцатый день я вошелъ въ кухню, и очень удивился, замѣтивъ, что трещина въ стѣнѣ сплошь заросла красной травой, отъ чего полусвѣтъ, царившій раньше въ кухнѣ, превратился теперь въ багровую полутьму.

Рано утромъ, на пятнадцатый день я услыхалъ въ кухнѣ очень меня удивившіе знакомые звуки и, прислушавшись, удостовѣрился, что это царапается и что-то обнюхиваетъ собака. Я вошелъ въ кухню и увидѣлъ, что въ трещину между красными листьями просунулась собачья морда. Я

страшно удивился. Почуявъ человѣка, собака тявкнула и замолчала, выжидая.

Мнѣ пришло въ голову, что если бы удалось заманить ее въ кухню, я могъ бы убить ее и съѣсть. Да и во всякомъ случаѣ убить ее слѣдовало, иначе она могла привлечь на меня вниманіе марсіанъ.

Я сталъ тихонько подходить къ ней, шепча: «Собачка, собачка!»; но она вдругъ убрала свою морду и скрылась.

Я долго прослушивался,—я вѣдь зналъ теперь, что я не глухой... Да, несомнѣнно: въ ямѣ было тихо. До меня долетали какіе-то звуки—какъ будто хлопанье крыльевъ, потомъ хриплое карканье,—но и только.

Долго лежалъ я у щели, не рѣшаясь раздвинуть красные листья, заслонявшіе ее. Разъ или два я слышалъ какъ будто мягкіе шаги собаки, шнырявшей по песку гдѣ-то подо мной. Много разъ до меня опять долетали все тѣ же птичьи звуки, но больше ничего. Наконецъ, ободренный этой тишиной, я выглянулъ наружу.

Кромѣ стаи воронъ, которыя дрались въ углу надъ трупами людей, убитыхъ марсіанами, въ ямѣ не было ни одной живой души.

Я поглядѣлъ въ одну сторону, въ другую, не вѣря своимъ глазамъ. Всѣ машины исчезли. Если не считать высокой кучи зеленовато-синяго мусора въ одномъ углу, нѣсколькихъ полосъ аллюминія—въ другомъ, да этой стаи черныхъ птицъ, терзавшихъ трупы, передо мной была самая обыкновенная пустая яма въ пескѣ.

Раздвинувъ красную траву, я понемногу пролѣзъ въ трещину и сталъ на кучу щебня. Теперь я могъ видѣть всю мѣстность во всѣхъ направленіяхъ, кромѣ одного—къ сѣверу (въ ту сторону не было видно за домомъ), и нигдѣ не было ни одного марсіанина и никакихъ слѣдовъ марсіанъ. Прямо подъ ногами у меня была яма; но, пройдя чуть-чуть вбокъ, можно было безъ труда

влѣзть на кучу мусора и такимъ образомъ выбраться изъ развалинъ. Часъ избавленія пробилъ. Я началъ дрожать.

Нѣсколько секундъ я колебался, потомъ, съ храбростью отчаянія и съ сильно бьющимся сердцемъ, вскарабкался на верхушку насыпи, подъ которой я былъ такъ долго погребенъ.

Я осмотрѣлся кругомъ, взглянулъ на сѣверъ: тамъ тоже не было никакихъ признаковъ марсіанъ.

Когда я въ послѣдній разъ видѣлъ эту часть Шина, передо мной была неправильная улица съ хорошенькими бѣлыми и красными домиками и множествомъ тѣнистыхъ деревьевъ. Теперь я стоялъ на грудѣ щебня, глины и обломковъ кирпича, сплошь заросшей какими-то красными, похожими на кактусъ растеніями, доходившими мнѣ до колѣнъ. Эта чуждая флора вытѣснила земныя растенія: ни одно изъ нихъ не смѣло оспаривать ея владычества надъ Землей. Ближайшія ко мнѣ деревья стояли мертвыя—съ почернѣвшими стволами, безъ листьевъ, но немного подальше длинные усики красныхъ побѣговъ заплетались вокругъ еще живыхъ стволовъ.

Всѣ сосѣдніе дома обвалились, но ни одинъ не былъ сожженъ. У нѣкоторыхъ уцѣлѣли оба этажа и стояли съ разбитыми окнами и покосившимися дверьми. Въ комнатахъ безъ крышъ бурно разросталась красная трава. Подо мной была глубокая яма, а въ ней дрались вороны изъ-за падали. Въ развалинахъ порхали еще какія-то птицы. Вдали я видѣлъ кошку, худую, какъ скелетъ: она осторожно пробиралась вдоль стѣны, вся распластавшись. Но нигдѣ не было видно слѣдовъ человѣка.

Послѣ моей тюрьмы день показался мнѣ ослѣпительно свѣтлымъ, небо—ярко-голубымъ. Легкій вѣтерокъ нѣжно покачивалъ стебли красной травы, заполонившей каждый вершокъ свободной земли. О, что за день, что за чудный воздухъ

VI.

Дѣло двухъ недѣль.

Не знаю, сколько времени я простоялъ на высокой насыпи, балансируя на своихъ ослабѣвшихъ ногахъ и совершенно позабывъ, что мнѣ надо спасаться. Въ той ужасной норѣ, откуда я, наконецъ, вылѣзъ, я могъ думать—напряженно думать только объ одномъ, о ближайшемъ—о моемъ избавленіи. Я не представлялъ себѣ, какія перемѣны могли произойти на Землѣ, и не ожидалъ увидѣть то необычное, поразительное, что увидѣлъ. Я думалъ, что увижу Шинъ въ развалинахъ, а вмѣсто того передо мною былъ мрачный, сказочный пейзажъ другой планеты.

Въ этотъ моментъ я испыталъ совсѣмъ особенное чувство, неизвѣстное людямъ, но слишкомъ хорошо знакомое бѣднымъ тварямъ, которыхъ подчинилъ себѣ человѣкъ. Я чувствовалъ то же, что долженъ былъ бы почувствовать кроликъ, если бъ, возвращаясь въ свою норку, онъ неожиданно наткнулся на работу десятка землекоповъ, роющихъ яму для фундамента новаго дома. Но это былъ еще только слабый намекъ, только первый проблескъ того, что потомъ стало опредѣленнымъ, сознательнымъ ощущеніемъ, что угнетало меня много дней: это—чувство низверженія съ трона, сознаніе, что я больше не господинъ, не царь природы, а такое же животное, какъ и всѣ земныя твари, подъ пятой марсіанъ. Я думалъ: «И намъ теперь придется, какъ животнымъ, бѣгать и прятаться и выглядывать изъ засады. Обаяніе и владычество человѣка миновали».

Но какъ только я вполнѣ уяснилъ себѣ совершившееся,—это чувство прошло, и мучительное ощущеніе голода послѣ долгаго поста снова стало преобладающимъ. Въ сторонѣ отъ ямы, за стѣной, покрытой листьями красныхъ растеній,

я увидѣлъ уцѣлѣвшій клочекъ огорода. Это подало мнѣ мысль: я направился прямо туда, то по колѣна, то по шею въ красной травѣ. Я шелъ спокойно, чувствуя себя въ безопасности въ этой гущинѣ. Стѣна была футовъ въ шесть вышиной; я пробовалъ взобраться на нее, но не могъ занести ноги. Тогда я пошелъ вдоль стѣны и дошелъ до угла. Тамъ лежалъ большой камень; я сталъ на него и такимъ образомъ влѣзъ на верхушку стѣны, съ которой спрыгнулъ въ огородъ. Я нашелъ тамъ немножко зеленаго луку, нѣсколько клубней земляной груши и много молодой моркови. Все это я забралъ съ собой, перелѣзъ черезъ другую, полуобвалившуюся стѣну и по дорогѣ, окаймленной кроваво-красными деревьями, пошелъ въ сторону Кью. У меня было только двѣ мысли: добыть еще ѣды и какъ можно скорѣе,—какъ только мнѣ позволятъ силы,—выбраться на просторъ изъ этого проклятаго уголка чужого, сказочнаго міра.

Немного въ сторонѣ отъ дороги, на полянкѣ, я увидѣлъ кучку грибовъ и съѣлъ ихъ всѣ до одного. Но эти суррогаты пищи только раздразнили мой голодъ. Подальше, въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинались луга, теперь и на дорогѣ и по обѣимъ ея сторонамъ стояли большія лужи темно-коричневой воды, какъ послѣ разлива. Сначала меня удивило такое обиліе воды въ это сухое, жаркое лѣто, но потомъ я узналъ, что оно объяснялось тропически-роскошнымъ ростомъ красной травы. Вездѣ, гдѣ это странное растеніе встрѣчало воду, оно разросталось необыкновенно быстро и до гигантскихъ размѣровъ. Его плодовитость ни съ чѣмъ несравнима. Какъ только сѣмена его попали въ воду Уэя и Темзы, они пустили ростки, и растущіе на глазахъ огромные листья скоро заглушили обѣ рѣки, вытѣсняя воду изъ береговъ.

Въ Путнеѣ, какъ мнѣ пришлось потомъ убѣдиться, почти не видно было моста изъ-за чащи

красныхъ листьевъ, а въ Ричмондѣ вода Темзы выходила изъ береговъ и разливалась широкимъ, мелкимъ потокомъ по лугамъ Гемптона и Твикентгама. Вода разливалась, а красная трава нагоняла ее. Одно время разрушенныя дачи по всей долинѣ. Темзы совершенно исчезли подъ ея красной листвой, такъ что, проходя по дорогѣ, краемъ этой чащи, я далеко не могъ составить представленія о разрушеніи, внесенномъ марсіанами.

Въ концѣ концовъ, красная трава погибла почти такъ же быстро, какъ и разрослась. На нее напала болѣзнь, которую потомъ объясняли ядомъ какихъ-то бактерій. Надо замѣтить, что всѣ земныя растенія, въ силу естественнаго подбора, пріобрѣли способность сопротивляться всякой бактеріальной заразѣ: если они и погибаютъ, то только послѣ упорной борьбы. А красная трава гибла безъ сопротивленія: она сгнивала, какъ трупъ. Листья на ней моментально блекли, морщились, засыхали и ломались при малѣйшемъ прикосновеніи, и вода, которая сначала помогала ей разростаться, уносила ея послѣдніе остатки въ море...

Конечно, первымъ моимъ дѣломъ, какъ только я дошелъ до воды, было утолить жажду. Я напился до-сыта и, повинуясь невольному побужденію, сталъ жевать листья красной травы. Но они были водянисты и имѣли противный металлическій вкусъ... Лужа въ этомъ мѣстѣ была такъ мелка, что я попробовалъ отправиться въ бродъ, хоть ноги мои и путались въ красной травѣ. Но потомъ, ближе къ рѣкѣ, становилось все глубже, и я повернулъ назадъ къ Мортлэку. Я узнавалъ дорогу по развалинамъ окружавшихъ городъ дачъ, по остаткамъ изгородей и по уцѣлѣвшимъ кое-гдѣ фонарямъ. Такимъ образомъ, я скоро выбрался изъ этого болота и, поднявшись на холмъ, вышелъ къ Рогемптону, а оттуда къ Путнейскому выгону.

Полная перемѣна декорацій! Вмѣсто необыкновеннаго, чуждаго пейзажа изъ другого міра передо мной была картина разгрома своего, привычнаго. Мѣстами это было полное опустошеніе, какъ послѣ циклона, и тутъ же, въ какихъ-нибудь пяти-шести десяткахъ ярдовъ, виднѣлись уцѣлѣвшіе участки—сады и дома съ аккуратно спущенными шторами и замкнутыми дверьми, словно ихъ обитатели уѣхали на день, на два, или еще покоились сладкимъ сномъ. Красной травы здѣсь было значительно меньше: ея побѣги не успѣли еще заплести высокихъ деревьевъ, окаймлявшихъ дорогу. Я обошелъ нѣсколько садовъ, въ надеждѣ, не найду ли чего-нибудь съѣстного, обшарилъ даже два опустѣвшихъ дома, но тамъ, очевидно все, что было, обобрали еще до меня, такъ какъ замки на дверяхъ оказались взломанными. Остатокъ дня я пролежалъ въ кустахъ: я такъ усталъ и ослабѣлъ, что не могъ итти дальше.

За все это время я не встрѣтилъ ни одного человѣка и не видѣлъ никакихъ слѣдовъ марсіанъ. Попались мнѣ по дорогѣ двѣ голодныя собаки. Я проповалъ подозвать ихъ къ себѣ, но и та и другая испуганно шарахнулись въ сторону и убѣжали. Подъ Рогемптономъ, я наткнулся на два человѣческіе скелета—не трупа, а скелета, безъ всякихъ признаковъ мяса,—а проходя лѣсомъ, видѣлъ много обглоданныхъ костей кошекъ и кроликовъ и черепъ овцы. Я поднималъ нѣкоторыя и пробовалъ сосать, но тамъ ужъ нечѣмъ было поживиться.

Послѣ заката я побрелъ дальше, по дорогѣ въ Путней. Здѣсь, судя по всѣмъ признакомъ, пускали въ дѣло для какихъ-то цѣлей тепловой лучъ. За Рогемптономъ въ одномъ огородѣ я нашелъ довольно много молодого картофеля и заморилъ червяка. Изъ этого огорода открывался видъ на рѣку и на Путней. Необыкновенно унылый былъ этотъ видъ въ быстро надвигав-

шихся сумеркахъ: черныя обгорѣлыя деревья, черныя пустыя развалины, а ниже, у подошвы холма—большія лужи отъ разлившейся рѣки, багровыя отъ красной травы. И надо всѣмъ этимъ—гробовая тишина...

Какъ быстро совершилась эта страшная перемѣна... Меня охватилъ неописуемый ужасъ. Я былъ увѣренъ, что человѣчество окончательно сметено съ лица земли, что я стою здѣсь одинъ, послѣдній человѣкъ, оставшійся въ живыхъ... Не доходя вершины Путнейскаго холма, я опять набрелъ на скелетъ; у этого были оторваны руки и брошены въ нѣсколькихъ ядрахъ впереди. Чѣмъ дальше я шелъ, тѣмъ больше убѣждался, что истребленіе рода человѣческаго, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, случайно уцѣлѣвшихъ, какъ я, уже закончено, по крайней мѣрѣ, въ этой части міра. Марсіане, думалъ я, отправились дальше отыскивать себѣ пропитаніе, оставивъ за собой опустошенную страну. Быть можетъ, въ эту минуту они громятъ Берлинъ или Парижъ, а можетъ быть, повернули на сѣверъ...

VII.

Человѣкъ съ Путнейскаго холма.

Я провелъ эту ночь въ гостиницѣ, что стоитъ на Путнейскомъ холмѣ. Въ первый разъ я спалъ въ постели со дня моего бѣгства въ Ледергедъ. Не стану описывать, какого мнѣ стоило труда попасть въ этотъ домъ (и всего досаднѣе, что я напрасно трудился, ибо, какъ потомъ оказалось, наружная дверь была не на замкѣ). Не стану распространяться и о томъ, какъ я шарилъ по всѣмъ комнатамъ, отыскивая чего-нибудь поѣсть, пока, наконецъ, уже отчаявшись въ успѣхѣ, не нашелъ въ одной комнатѣ (служившей, повидимому, спальней прислугѣ) обглоданной крысами корки хлѣба и двухъ ананасовъ въ консер

вахъ. Тутъ былъ уже раньше обысканъ каждый уголокъ и все взято. Въ буфетѣ я потомъ нашелъ еще бисквиты и нѣсколько штукъ бутербродовъ. Бутербродовъ нельзя было ѣсть, но бисквиты очень пригодились: ихъ было много, и я не только утолилъ свой голодъ, но взялъ еще про запасъ. Я не зажигалъ лампы, боясь, что вдругъ который-нибудь изъ марсіанъ вздумаетъ направиться въ эту часть Лондона въ поискахъ за пищей. Я долго не ложился. На меня напала тревога, и я все переходилъ отъ окошка къ окошку, высматривая, не видно ли гдѣ-нибудь этихъ страшилищъ. Спалъ я мало. Когда я легъ въ постель, то вдругъ почувствовалъ, что мысли мои принимаютъ послѣдовательное теченіе, чего со мной не было со дня моего послѣдняго спора съ викаріемъ. Съ тѣхъ поръ мое душевное состояніе было лишь быстрой смѣной ощущеній: я воспринималъ впечатлѣнія почти безсознательно, моя душа отупѣла. Но теперь, ночью—вѣроятно, потому, что я подкрѣпился пищей,—мой мозгъ прояснился, и я началъ думать.

Три главныхъ пункта занимали мои мысли: убійство викарія, вопросъ о настоящемъ мѣстопребываніи марсіанъ и вѣроятная участь моей жены. Первое не поднимало во мнѣ ни ужаса, ни угрызеній. Я смотрѣлъ на это дѣло, какъ на совершившійся фактъ, который навсегда оставитъ по себѣ тяжелое воспоминаніе,—и только. Совѣсть не упрекала меня. Я считалъ себя жертвой рока, какъ считаю и теперь. Я видѣлъ, какъ рядъ независящихъ отъ меня обстоятельствъ постепенно приводилъ меня къ развязкѣ, къ которой я неизбѣжно долженъ былъ прійти. Укоровъ совѣсти, повторяю, я не испытывалъ, но память рисовала мнѣ картину—все ту же, неизмѣнную, и эта картина преслѣдовала меня. Въ безмолвіи ночи, съ тѣмъ ощущеніемъ близости Бога, которое подчасъ овладѣваетъ нами во мракѣ и тишинѣ, я призывалъ себя къ допросу

и самъ себя судилъ за эту минуту гнѣва и страха Я прослѣдилъ слово за словомъ весь нашъ разговоръ съ того момента, когда я увидѣлъ его наклонившимся надо мной на лугу, въ тѣни изгороди. Я вспомнилъ, какъ онъ показывалъ мнѣ на дымъ и пламя, струившіеся надъ развалинами Уэйбриджа, не обращая вниманія на мои мольбы принести мнѣ воды. Мы не могли стать товарищами: злая судьба насмѣялась надъ нами, сведя насъ вмѣстѣ. Если бъ я предвидѣлъ, я бросилъ бы его въ Галлифордѣ. Но я не предвидѣлъ, а преступенъ только тотъ, кто предвидѣлъ и все-таки совершилъ. Я разсказываю это, какъ оно было,—какъ и вообще все, что я здѣсь говорю. Свидѣтелей не было: я могъ бы утаить. Но я все сказалъ, и пусть читатель самъ дѣлаетъ выводъ.

А когда я, сдѣлавъ надъ собою усиліе, отогналъ прочь эту картину распростертаго тѣла, передо мной всталъ вопросъ о марсіанахъ и другой — объ участи моей жены. Для рѣшенія перваго не было никакихъ данныхъ: я могъ предполагать все, что угодно. Въ такой же неизвѣстности я былъ, къ несчастью, и относительно второго... И вдругъ на меня напалъ непобѣдимый ужасъ. Я думалъ, что не переживу этой ночи. Я поймалъ себя на томъ, что я сижу въ постели, смотрю широко раскрытыми глазами въ темноту и молюсь, горячо молюсь только о томъ, чтобы тепловой лучъ поразилъ ее внезапно и безъ мученій. Съ той самой ночи, какъ я вернулся изъ Ледергеда, я ни разу не молился. Правда, когда мнѣ грозила бѣда, я бормоталъ молитвы — молитвы фетишиста, какъ бормочетъ язычникъ слова заклинаній. Но теперь я молился по настоящему—горячо и разумно, лицомъ къ лицу съ мракомъ и Богомъ... Странная ночь! Странная потому, что когда разсвѣло, я, человѣкъ, только что бесѣдовавшій съ Богомъ, выползъ изъ дома, какъ крыса

изъ норы, какъ такое же животное, только побольше ростомъ, — какъ низшее существо, которое по первой прихоти своихъ властелиновъ можетъ быть поймано и убито. Быть можетъ, и крысы молятся съ горячей вѣрой... Да, одно несомнѣнно: если эта война не научила насъ ничему другому, она во всякомъ случаѣ научила насъ состраданію къ тѣмъ неразумнымъ тварямъ, которымъ такъ тяжко живется подъ игомъ человѣка.

Утро было ясное, теплое. Небо, уже розовѣвшее на востокѣ, пестрѣло маленькими золотистыми облачками. По всей дорогѣ, отъ вершины Путнейскаго холма до Уимбльдона, попадались печальные слѣды той паники, которая охватила народъ послѣ начала разгрома и въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ погнала къ Лондону потокъ бѣглецовъ. Я видѣлъ маленькую одноколку со сломаннымъ колесомъ,—собственность какого-то «Томаса Лобба, зеленщика изъ Нью-Мальдена», какъ гласила надпись на ней. Тутъ же былъ брошенъ жестяной ящикъ. Подальше валялась соломенная шляпа, затоптанная въ грязь, теперь уже затвердѣвшую; а выше, на подъемѣ къ Вестъ-Гиллю,лежала опрокинутая бадья и куча битаго стекла, забрызганнаго кровью.

Я двигался съ трудомъ; голова моя работала вяло. У меня была только одна мысль — итти въ Ледергедъ, хотя я зналъ, что нѣтъ почти никакихъ шансовъ найти тамъ мою жену. Конечно, и она, и оба наши кузена, если только смерть не застигла ихъ внезапно, бѣжали оттуда: но мнѣ казалось, что тамъ я какъ-нибудь узнаю, куда бѣжалъ народъ изъ Суррея. Я зналъ, я чувствовалъ только, что мнѣ надо, непремѣнно надо найти мою жену: мое сердце болѣло по ней, моя душа рвалась къ людямъ, но у меня не было яснаго представленія, гдѣ и какъ я могу ихъ найти. Теперь только я вполнѣ

сознавалъ все свое одиночество: отъ того мѣста, откуда я вышелъ, на всемъ протяженіи длинной дороги, сначала тянувшейся между деревьевъ и кустовъ, а потомъ выходившей въ открытое поле, до самаго Уимбльдонскаго выгона я не встрѣтилъ ни души.

На всемъ этомъ широкомъ пространствѣ полей нигдѣ не было видно красной травы: кругомъ былъ только верескъ, да мѣстами желтѣли полянки, поросшія дрокомъ. Я не безъ страха пробирался краемъ поля, озираясь по сторонамъ. Но вотъ взошло солнце, и все кругомъ наполнилось свѣтомъ и жизнью. Въ одной низинкѣ подъ деревьями, куда стекала вода, суетился цѣлый выводокъ лягушекъ. Я остановился посмотрѣть. Какая жизнерадостность у этихъ крошечныхъ звѣрьковъ! Какая твердая рѣшимость жить во что бы то ни стало! Тутъ было чему поучиться... Вдругъ я почувствовалъ, что за мной наблюдаютъ (необъяснимое ощущеніе, знакомое каждому): я оглянулся и увидѣлъ, что въ кустахъ ползетъ что-то большое. Я постоялъ, присматриваясь, потомъ шагнулъ въ ту сторону. Тогда таинственное существо поднялось и превратилось въ человѣка, съ саблей у пояса. Я пошелъ къ нему ровнымъ шагомъ. Онъ стоялъ молча, не шевелясь, и смотрѣлъ на меня.

Подойдя ближе, я замѣтилъ, что онъ весь въ грязи — не лучше меня. У него былъ такой видъ, точно его протащили по водосточной канавѣ: все платье на немъ было въ зеленыхъ пятнахъ, какъ отъ тины, съ налипшими комками сохшей земли, а мѣстами замазано углемъ. Черные космы волосъ падали ему на глаза; черезъ всю щеку и подбородокъ шелъ ярко-красный шрамъ; смуглое лицо такъ осунулось и было такъ грязно, что я очень долго не узнавала его.

— Стойте! — закричалъ онъ, когда я подошелъ къ нему на десять ярдовъ.

Я остановился.

— Откуда вы идете? — спросилъ онъ. У него хрипѣло въ горлѣ.

Я помолчалъ, наблюдая за нимъ, потомъ сказалъ:

— Я иду изъ Мортлэка. Я сидѣлъ въ развалинахъ дома, возлѣ ямы, куда упалъ цилиндръ марсіанъ. Потомъ я вылѣзъ и убѣжалъ.

— Вамъ здѣсь нечѣмъ поживиться, — сказалъ онъ.—Это все м о я земля. Вонъ отъ того холма, до рѣки, и въ эту сторону до Клэпэма, и въ ту до самаго выгона — все мое. Здѣсь можетъ прокормиться только одинъ. Вы куда держите путь?

Я неохотно отвѣтилъ:

— И самъ еще не знаю. Я просидѣлъ въ развалинахъ тринадцать или четырнацать дней. Меня засыпало обломками дома. Я ничего не знаю, что случилось за эти дни.

Онъ съ сомнѣніемъ смотрѣлъ на меня. Вдругъ онъ вздрогнулъ, и въ лицѣ его произошла какая-то странная перемѣна.

— Я и не думалъ оставаться здѣсь, — продолжалъ я. — Вѣрнѣе всего, что я пойду въ Ледерґедъ, потому что тамъ была моя жена.

Онъ шагнулъ ко мнѣ.

— Такъ это вы, — человѣкъ изъ Уокинга! Васъ, значитъ, не убили въ Уэйбриджѣ?

Тутъ только я его узналъ.

— А вы, стало быть, тотъ самый артиллеристъ, который забрался тогда ко мнѣ въ садъ?

— Намъ съ вами повезло, — сказалъ онъ, — Мы счастливчики. Ну кто бы могъ подумать, что это вы!

Онъ протянулъ мнѣ руку, и я пожалъ ее.

— Я прятался отъ нихъ въ дренажной канавѣ. Да вѣдь и не всѣхъ же они убиваютъ, — продолжалъ онъ. — Ну, а когда они ушли, я пошелъ къ Уольтону прямикомъ черезъ поля... Однако — вѣдь не прошло еще, кажется, и шестнадцати

дней, а у васъ волосы совсѣмъ сѣдые. — Онъ вдругъ оглянулся черезъ плечо. — Нѣтъ, ничего, это грачъ: я испугался его тѣни... Здѣсь, знаете, слишкомъ открытое мѣсто. Пойдемте, лучше сядемъ вонъ тамъ, подъ кусты, и потолкуемъ

— Давно вы видѣли марсіанъ? — спросилъ я его. — Съ тѣхъ поръ, какъ я вылѣзъ изъ...

Онъ меня перебилъ:

— Они ушли къ Лондону. Тамъ теперь, должно быть, главный ихъ лагерь. По ночамъ, вонъ въ той сторонѣ, у Гемпстеда, все небо горитъ отъ ихъ огней: точно большой городъ вдали... Иной разъ бываетъ видно, какъ въ заревѣ огней двигаются ихъ тѣни. Днемъ-то ничего не видно. Ну, а близко я ихъ не видалъ... — онъ сосчиталъ по пальцамъ, — вотъ уже пять дней. Одинъ разъ, впрочемъ, видѣлъ двоихъ на Гаммерсмитской дорогѣ: тащили что-то большое. А третьяго дня ночью... — онъ помолчалъ и продолжалъ многозначительно: — было кое-что новое: тоже много было свѣта, но, кромѣ того, что-то летало по воздуху. Они построили летательный аппаратъ и теперь учатся летать, я такъ думаю.

Я остановился на четверенькахъ, потому что мы ползли въ кустахъ въ эту минуту:—Летать?!

— Да, летать, — повторилъ онъ.

Я доползъ до большого, раскидистаго куста и сѣлъ.

— Если такъ, — погибло человѣчество!—сказалъ я.—Если они научатся летать, они облетятъ всю землю, и тогда...

Онъ кивнулъ головой.

— Непремѣнно. Но... намъ-то здѣсь, пожалуй, станетъ полегче. И потомъ... — Онъ взглянулъ на меня: — Развѣ вы еще не убѣдились, что человѣчество погибло? Я давно убѣдился. Мы побѣждены. Мы побиты.

Я въ ужасѣ смотрѣлъ на него. Какъ это ни странно, но самъ я не додумался до этого факта.

ставшаго для меня совершенно очевиднымъ, какъ только онъ его высказалъ. До сихъ поръ у меня еще была слабая надежда, — вѣрнѣе, не надежда, а привычка всей жизни думать такъ.

Онъ повторилъ: — Мы побиты. — Непоколебимая увѣренность звучала въ этихъ словахъ.

— Все кончено,—говорилъ онъ.—А они потеряли, одного—только одного! Они стали здѣсь твердой ногой. Они сломили насъ—величайшую силу на Землѣ. Они повергли насъ во прахъ и перешагнули черезъ насъ. Смерть этого одного подъ Уэйбриджемъ была чистѣйшей случайностью. И это только піонеры. Придутъ еще. Эти зеленыя падучія звѣзды... За послѣдніе пять или шесть дней я не видалъ ни одной, но я увѣренъ что онѣ и теперь гдѣ-нибудь падаютъ каждую ночь. Тутъ ничего не подѣлаешь. Мы въ ихъ рукахъ. Мы побиты.

Я не отвѣчалъ. Я сидѣлъ, тупо глядя передъ собой и тщетно пытаясь придумать возраженіе.

— Это даже не война, — продолжалъ онъ.

— Какая это война! Какая можетъ быть война между людьми и муравьями?

Я вспомнилъ вдругъ ночь на обсерваторіи и наблюденія Огильви.

— Однако, послѣ десятаго выстрѣла они больше не стрѣляли, по крайней мѣрѣ, до того дня, когда упалъ первый цилиндръ.

— Почемъ вы знаете? — спросилъ онъ.

Я объяснилъ. Онъ задумался.

— Съ пушкой что-нибудь приключилось: поломка, можетъ быть,—сказалъ онъ.—Но что же изъ этого? Они починятъ. А если бы даже и отложили, такъ развѣ это измѣнитъ конецъ? Долго ли справиться съ муравьями? Муравьи суетятся, строятъ свои города, живутъ своею жизнью, воюютъ между собой, дѣлаютъ, можетъ быть, революціи. А когда людямъ понадобится убрать ихъ съ дороги, ихъ убираютъ, — и дѣло

съ концомъ. Такъ будетъ и съ нами. Мы — тѣ же муравьи, только...

— Ну?

— Только съѣдобные.

Мы сидѣли, глядя другъ на друга.

— Такъ что же, по вашему, они сдѣлаютъ съ нами? — спросилъ я.

— Объ этомъ-то я и думаю все время, — сказалъ онъ, — объ этомъ-то я и думаю. Послѣ Уэйбриджа я пошелъ на югъ и по дорогѣ все думалъ. Я понималъ, чтó будетъ. Всѣ вокругъ меня кричали, волновались, приходили въ отчаяніе. Я не люблю кричать. Я не разъ заглядывалъ въ глаза смерти. Я бывалый солдатъ — не для парадовъ служу, и — хорошо ли это или худо, но я знаю—смерть есть смерть. И если хочешь спастись, не теряйся, а думай, Я видѣлъ, что всѣ бросились бѣжать къ югу, и сказалъ себѣ: «На всѣхъ тамъ не хватитъ корма», и повернулъ назадъ. Я сталъ держаться возлѣ марсіанъ, какъ воробей держится возлѣ человѣка. А тамъ — и онъ махнулъ рукой, показывая вдаль, — тамъ умираютъ съ голоду толпами, толкаются, давятъ другъ друга...

Онъ увидалъ мое лицо и замолчалъ, смутившись.

— Конечно, у кого есть деньги, тѣ съ голоду не помрутъ. Многіе, навѣрное, уѣхали во Францію... — Онъ замялся: видимо, ему хотѣлось въ чемъ-то оправдаться передо мной. Онъ нерѣшительно поднялъ на меня глаза и сказалъ: —Здѣсь, въ этой округѣ, есть чѣмъ прокормиться. Въ лавкахъ остались консервы; есть водка, вино, минеральныя воды. Нѣтъ только простой воды: водопроводы пусты... Да, что бишь я говорилъ? О чемъ я думалъ?.. Ахъ да! Такъ вотъ: «Они—существа разумныя», сказалъ я себѣ, «и мы нужны имъ, какъ кормъ. Начнутъ они, конечно, съ того, что сокрушатъ безъ остатка весь нашъ государственной строй: уничтожатъ

наши машины, наши корабли, пушки, наши города. Все это погибнетъ. Будь еще мы ростомъ съ муравья, насъ можно было бы не замѣтить. Но мы черезчуръ велики. Они не могутъ оставить нетронутыми такія громоздкія сооруженія, какъ наши. Это первое. Такъ ли я говорю? Я молча согласился.

— Да, это такъ. Все это я хорошо обдумалъ... Прекрасно, теперь дальше А дальше то, что насъ будутъ хватать по мѣрѣ надобности. Стоитъ которому-нибудь марсіанину пройти нѣсколько миль, и въ его распоряженіи цѣлыя стада съѣдобныхъ животныхъ: мало ли нашего брата бѣжитъ теперь по дорогамъ! Какъ-то я видѣлъ одного въ Вэндсвортѣ — я говорю про тѣхъ, про марсіанъ: я видѣлъ, какъ онъ ломалъ дома и рылся въ обломкахъ. Я знаю, чего онъ искалъ... Такъ вотъ, когда они отправятъ къ чорту всѣ наши пушки и корабли, поломаютъ наши желѣзныя дороги, когда они покончатъ со всѣмъ этимъ, они займутся охотой. Они будутъ систематически вылавливать насъ по одному, будутъ отбирать лучшіе экземпляры и сажать въ клѣтки. Они непремѣнно этимъ займутся, и скоро—вотъ увидите. Пока они еще не принимались за насъ.

— Еще не принимались!—вырвалось у меня.

— Конечно, нѣтъ. Все, что было до сихъ поръ, только потому и случилось, что у насъ не хватило ума сидѣть смирно. Мы надоѣдали имъ своими пушками и прочей чепухой. Мы потеряли голову и побѣжали толпами, сами не зная куда, потому что тамъ, куда мы бѣжали, было ничуть не безопаснѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ. Имъ пока не до насъ. Они еще заняты своими дѣлами—сборкой машинъ, заготовкой всякаго матеріала, который они не могли привезти съ собой. Имъ еще много работы: надо вѣдь приготовиться къ пріему новыхъ земляковъ. Потому, можетъ быть, и цилиндры пере-

стали падать, что они тамъ, на Марсѣ, боятся стрѣлять,—боятся, какъ бы не попасть въ своихъ. И вмѣсто того, чтобы бѣжать очертя голову да заготовлять динамитъ—авось, дескать, представится случай взорвать ихъ всѣхъ на воздухъ,—намъ лучше примириться съ новымъ порядкомъ вещей. Вотъ какъ я на это смотрю. Разумѣется, это не совсѣмъ то, о чемъ мечтаетъ человѣкъ для человѣчества, но что же дѣлать: съ фактами приходится считаться. Вотъ я и дѣйствую на основанiи этого принципа. Нацiи, города, цивилизацiя, прогрессъ—все это кануло въ вѣчность. Эта игра сыграна. Мы побиты.

— Но если такъ,—для чего жить?

Онъ смотрѣлъ на меня, не отвѣчая.

— Прощай теперь театры и концерты. Прощай Королевская Академiя Наукъ! Прощай веселенькiе пикники въ ресторанахъ! Ничего этого не будетъ миллiонъ лѣтъ. Если вамъ нужны развлеченiя, то я такъ смекаю: вы проиграли игру. Если у васъ салонныя манеры, если вы не можете видѣть, когда груши ѣдятъ ножомъ или швыряютъ на полъ окурки, то лучше спрячьте свои вкусы въ карманъ: они теперь ни къ чему.

— Вы хотите сказать?..

— Я хочу сказать, что жить будутъ такiе люди, какъ я,—для продолженiя рода. И говорю вамъ, я твердо рѣшилъ жить. И, если не ошибаюсь, такъ и вы скоро покажете намъ, чего стоите вы. Насъ не истребятъ. — нѣтъ! Мало того: я не допущу даже, чтобъ меня поймали, а потомъ стали бы приручать или откармливать, какъ быка на убой. Ухъ! Вы только представьте себѣ, какъ эти сѣрые ползучiе гады...

— Не можетъ быть, чтобы вы хотѣли...

— Вотъ именно. Я хочу жить. Подъ ихъ властью,—да! Я все уже обдумалъ, я составилъ планъ. Мы, люди, побѣждены, и все оттого, что у насъ мало знанiй. Намъ надо учиться, и тогда у насъ будутъ шансы побѣдить. А пока мы учимся

надо жить, но оставаясь свободнымъ. Вотъ что намъ нужно дѣлать. Поняли?

Я глядѣлъ на него, пораженный, глубоко взволнованный рѣшимостью этого человѣка.

— О Господи! Вы—настоящій человѣкъ!— вырвалось у меня отъ души. И, повинуясь невольному порыву, я крѣпко стиснулъ ему руку.

— А что?—проговорилъ онъ съ блестящими глазами.—Ловко я это придумалъ?

— Продолжайте,—сказалъ я.

— Ну-съ, тѣ, кто не хочетъ быть пойманнымъ, должны быть готовы къ борьбѣ. И я готовлюсь. Не забывайте, вѣдь не всякій ,изъ насъ способенъ жить жизнью дикаго звѣря а оно къ тому придетъ. Вотъ почему я и слѣдилъ исподтишка за вами. У меня были сомнѣнія: очень ужъ вы жидковаты на видъ. Я вѣдь не зналъ, что это вы; я не зналъ, что вы отсидѣлись въ развалинахъ... А тѣ—и тѣ, что жили въ этихъ дачахъ, и тѣ, городскіе,—ну, разные тамъ мелкіе служащіе, конторщики, писцы,—тѣ никуда не годятся. Въ нихъ нѣтъ смѣлости, нѣтъ порыва: ни гордыхъ мечтаній, ни вожделѣній. А тотъ, у кого нѣтъ ни того, ни другого, тому все всегда страшно,—да, Боже ты мой! на что способенъ такой человѣкъ? Я видѣлъ ихъ тысячи, видѣлъ, какъ они бѣгутъ на службу. Летитъ во всѣ лопатки, а у самого еще кусокъ во рту: не доѣлъ завтрака, потому что боится прозѣвать свой поѣздъ (они вѣдь всѣ ѣздятъ по годовому билету),—боится, чтобы со службы не прогнали. А тамъ, на службѣ?—Сидитъ себѣ, корпитъ надъ работой и даже не потрудится вникнуть въ нее. Потомъ опять во всѣ лопатки мчится домой— какъ бы не опоздать къ обѣду. А послѣ обѣда ужъ не высунетъ изъ дому носа. Еще бы! Вечеромъ, на глухой улицѣ... страшно! А ночью спитъ съ женой, на которой женился не потому, что не могъ жить безъ нея, а потому что у нея оказались кое-какія деньжонки—все-таки ма-

ненькое обезпеченіе въ этой жалкой погонѣ за кускомъ хлѣба,—все-таки не такъ страшно. Застраховалъ свою жизнь, отложилъ маленькій капиталецъ про черный день, на всякій случай, и счастливъ... А въ воскресенье?—Въ воскресенье опять новый страхъ—будущей жизни. Какъ будто адъ созданъ для кроликовъ!.. Да для такихъ господъ марсіане—сущій кладъ! Просторныя, чистыя клѣтки, сытный кормъ, хорошій уходъ, ни труда, ни заботы... Вотъ вы посмотрите: побѣгаютъ эдакъ недѣльку другую по полямъ съ пустымъ желудкомъ, и сами придутъ, сами отдадутся въ руки,—съ удовольствіемъ. Пройдетъ время, и они будутъ совершенно довольны судьбой. Будутъ даже удивляться, какъ это люди жили раньше, пока не пришли марсіане и не позаботились о нихъ. Воображаю себѣ этихъ чиновниковъ, приказчиковъ, всѣхъ этихъ никчемныхъ людей, которые теперь работаютъ, чтобы ѣсть, и ѣдятъ, чтобы работать,—воображаю!—проговорилъ онъ съ какимъ-то мрачнымъ наслажденіемъ.—Вотъ когда у нихъ будетъ сколько угодно досуга на сентименты и на ханжество!.. Да, много я видѣлъ въ жизни странныхъ вещей, и вотъ только теперь, за послѣдніе дни, я начинаю понимать ихъ настоящій смыслъ... Десятки тысячъ примутъ, какъ должное, новый порядокъ вещей: будутъ себѣ жить въ свое удовольствіе, жирѣть и тупѣть. Многихъ будетъ, можетъ быть, безпокоить смутное чувство, что что-то какъ будто неладно, что надо что-нибудь сдѣлать. Ну, а извѣстно: когда люди начинаютъ чувствовать, что надо что-то сдѣлать, то тѣ, кто послабѣе, и у кого отъ мыслей умъ за разумъ зашелъ, непремѣнно выдумаютъ себѣ какую-нибудь праздную религію—очень высокую, очень строгую и ни къ чему не обязывающую,—выдумаютъ, предадутъ себя волѣ Божіей и успокоятся. Выходъ энергіи найденъ... Навѣрное, и вамъ слу-

чалось видѣть это... Охъ, какое они разведутъ благочестіе въ своихъ клѣткахъ—могу себѣ представить! Псалмы и гимны будутъ раздаваться цѣлый день. Но эта забота больше для простаковъ. А кто поумнѣе, тѣ ударятся въ другого рода развлеченія—какъ бы это сказать?—эротическаго характера, что ли...

Онъ помолчалъ.

— Весьма вѣроятно, что нѣкоторыхъ марсіане будутъ удостаивать своею благосклонностью. У нихъ, можетъ быть, будутъ любимцы, которыхъ они станутъ обучать разнымъ штукамъ, какъ знать? Когда-нибудь какой-нибудь марсіанинъ еще, пожалуй, расчувствуется надъ бѣднымъ мальчикомъ, что вотъ, молъ, мальчикъ выросъ и теперь готовъ на убой. А нѣкоторыхъ они, можетъ быть, пріучать охотиться за нами.

— Нѣтъ, этого не будетъ, не можетъ быть!—вскрикнулъ я.—Ни одно человѣческое существо...

— Полноте! Зачѣмъ тянуть эту ложь?—перебилъ онъ меня.—Есть люди, которые съ радостью пойдутъ на это. Неужели вы скажете, что такихъ нѣтъ? Что за вздоръ!

Я былъ подавленъ этимъ доводомъ.

— Но я хотѣлъ бы видѣть, какъ они справятся со мной! Пусть только попробуютъ!—И онъ опять замолчалъ въ мрачномъ раздуміи.

Я сидѣлъ молча, обдумывая то, что онъ говорилъ. Я не находилъ возраженій. Еще недавно, до нашествія марсіанъ, никто не усумнился бы въ моемъ умственномъ превосходствѣ надъ этимъ человѣкомъ: я—опытный, извѣстный писатель на философскія темы, а онъ—простой солдатъ! И однако, онъ уже формулировалъ положеніе, въ которомъ я еще только начиналъ разбираться.

— Что же, по вашему, надо дѣлать? Какіе у васъ планы?—спросилъ я его.

Онъ молчалъ въ нерѣшимости, потомъ заговорилъ:

— Ну, хорошо, я вамъ скажу... Что дѣлать, спрашиваете вы?—Надо придумать такой родъ жизни, чтобы быть сравнительно въ безопасности, чтобы можно было жить, и плодиться, и выращивать дѣтей... Постойте: сейчасъ я объясню точнѣе, что, по моему, надо дѣлать. Я вѣдь говорю не о прирученныхъ людяхъ. Съ тѣми будетъ то же, что и вообще бываетъ съ домашними животными: черезъ нѣсколько поколѣній они превратятся въ крупную, хорошо откормленную, здоровую и глупую расу.

Но эти не въ счетъ. Для насъ же, оставшихся на волѣ, есть только одинъ рискъ—одичать, выродиться въ нѣчто въ родѣ дикой крысы. Вы спросите: какъ мы будемъ жить? Подъ землей. И я уже придумалъ гдѣ,—въ сточныхъ трубахъ. Подъ Лондономъ ихъ цѣлыя мили—сотни миль. На первый взглядъ, правда, это можетъ показаться ужаснымъ: жить въ нечистотахъ! Но стоитъ пройти хорошему дождю, и все это промоетъ. Не забывайте: вѣдь Лондонъ опустѣлъ. Главныя трубы такъ велики, что воздуха на всѣхъ хватитъ. А кромѣ того, есть погреба, подвалы, склепы: изъ нихъ можно прорыть ходы въ трубы. А подземныя дороги? А туннели?.. Ну что? Вы начинаете смекать?.. Мы образуемъ банду—умѣлыхъ, ловкихъ людей, крѣпкихъ тѣломъ и духомъ. Мы будемъ принимать съ разборомъ: намъ не нужно хлама. Слабыхъ—по-просту похеримъ.

— Въ родѣ того, какъ вы хотѣли похерить меня?

— Я вѣдь началъ съ парламентерскихъ переговоровъ. Развѣ не такъ?

— Ну, ладно, не будемъ изъ-за этого ссориться... Продолжайте.

— Тѣ, кого мы оставимъ, должны подчиняться дисциплинѣ. Женщины—хорошія работницы и умныя—тоже нужны, какъ матери и наставницы. Только не сентиментальныя дамы съ подкаты-

ваньемъ глазокъ и прочими фокусами. Ничего слабаго и глупаго намъ не надо. Жизнь снова станетъ борьбой, и все безполезное, стѣснительное и вредное должно умереть. Такіе люди должны умереть. Они должны желать умереть. Нечестно, наконецъ, жить и портить породу. Да и все равно, они не могутъ быть счастливы. И потомъ, смерть совсѣмъ не такъ страшна: плохо умирать только оттого, что боишься... Ну, а мы станемъ собираться во всѣхъ безопасныхъ мѣстахъ. Нашей постоянной резиденціей будетъ подземный Лондонъ. За марсіанами будемъ потихоньку наблюдать: какъ увидимъ, что ихъ нѣтъ по близости, такъ сейчасъ и выполземъ наверхъ. Можно будетъ иногда подышать свѣжимъ воздухомъ,—въ крикетъ поиграть, можетъ быть... Вотъ такимъ-то способомъ мы и сохранимъ расу. Что? Развѣ это невозможно по вашему? Но сохранить расу еще не такъ важно само по себѣ. Это значило бы только, повторяю, превратиться въ дикихъ крысъ. Самое важное—сохранить наши знанія и пріумножить ихъ. Вотъ тутъ-то и понадобятся такіе, какъ вы. У насъ есть книги, есть модели. Надо будетъ устроить подъ землей сохранныя мѣста; туда мы стащимъ всѣ книги. Не романы и не риѳмованный вздоръ, а научныя книги. Тутъ ужъ выступите на сцену вы, ученые люди. Пойдемъ въ Британскій музей и заберемъ оттуда всѣ книги. Главное—не утерять ничего изъ того, что мы уже знаемъ, и учиться дальше. А за марсіанами надо слѣдить. Нѣкоторымъ изъ насъ придется пробраться къ нимъ, чтобы шпіонить за ними и доносить своимъ. Когда все устроится, можетъ быть, и я къ нимъ пойду. То-есть дамъ себя поймать, я разумѣю. Но самое главное—не трогать ихъ, не задирать. Ничего не брать у нихъ, даже потихоньку. Если мы только станемъ имъ на дорогѣ, они насъ истребятъ. Надо всячески показывать, что мы и не думаемъ имъ вредить.

Они вѣдь существа разумныя: они не будутъ насъ преслѣдовать, разъ у нихъ будетъ все, что имъ нужно. Зачѣмъ преслѣдовать безвредныхъ насѣкомыхъ.

Онъ замолчалъ. Потомъ положилъ мнѣ на плечо свою загорѣлую руку и продолжалъ:

— И знаете, въ сущности, намъ даже не такъ долго придется учиться. Вы только представьте: вдругъ выходятъ четыре или пять такихъ боевыхъ машинъ. Тепловой лучъ гуляетъ направо и налѣво. И въ нихъ—въ этихъ машинахъ—ни одного марсіанина, ни одного марсіанина, а люди—люди, изучившіе, какъ ими управлять. Можетъ быть, даже самъ я доживу до этого—доживу и увижу этихъ людей. Вообразите только имѣть въ своихъ рукахъ одну изъ этихъ милыхъ штучекъ! Имѣть въ своемъ распоряженіи тепловой лучъ! Пускать его во всѣ стороны, куда хочешь!.. Воображаю, какъ выпучатъ марсіане свои прекрасные глаза! Я такъ и вижу ихъ передъ собой. Ухъ, какой это будетъ переполохъ! Какъ они засуетятся, какой подымутъ вой, какъ схватятся впопыхахъ за другія свои механическія штуки! Да только нѣтъ, шалишь!—поздно, сколько теперь ни мудри! Жж!... Тепловой лучъ направленъ на нихъ, и готово! — Человѣкъ отвоевалъ свое прежнее мѣсто на землѣ.

Смѣлость фантазіи этого солдата, его отвага и убѣжденный тонъ его рѣчей совершенно покорили меня. Я безъ колебаній повѣрилъ въ исполнимость его необыкновеннаго плана и въ будущее человѣчества, какъ онъ его себѣ представлялъ. Быть можетъ, читатель назоветъ меня за это легковѣрнымъ дуракомъ. Но пусть онъ приметъ во вниманіе разницу обстановки. Въ его положеніи — въ положеніи человѣка, спокойно читающаго книгу, котораго ничто не отвлекаетъ отъ предмета чтенія, не трудно судить здраво; но это не такъ-то легко, когда сидишь, скорчив-

шись въ кустахъ и со страхомъ прислушиваешься къ каждому звуку.

Мы говорили почти все утро, а потомъ выползли изъ кустовъ и, осмотрѣвшись по сторонамъ — не видать ли гдѣ марсіанъ,—быстро пробѣжали къ дому на Путнейскамъ холмѣ, гдѣ онъ устроилъ свою главную квартиру. Онъ прятался тамъ въ подвалѣ для угля. И тутъ только, когда я увидѣлъ работу, на которую онъ потратилъ недѣлю — узенькій подземный ходъ, ярдовъ въ десять длиною, не больше, который онъ думалъ довести до главной сточной трубы на Путнейскомъ холмѣ, — меня въ первый разъ осѣнило, какая огромная пропасть была между его смѣлыми мечтами и трудоспособностью. Такую нору даже я прорылъ бы въ одинъ день. Но я еще настолько вѣрилъ въ него, что проработалъ съ нимъ за-полдень надъ этимъ подкопомъ. У насъ была тачка: мы вывозили землю и сваливали ее подъ задней стѣной кухни. Между работой мы подрѣпились консервами супа изъ телячьей головы и виномъ: все это мы нашли въ кладовой. Въ этой грубой тяжелой работѣ я находилъ какое-то странное облегченіе отъ мучительнаго сознанія необычайности совершившихся перемѣнъ. За работой я все время переворачивалъ въ головѣ его планъ, и мало-по-малу во мнѣ начали подниматься сомнѣнія Но я все-таки копалъ, не отрываясь, довольный уже тѣмъ, что у меня есть цѣль. Проработавъ съ часъ времени, я сталъ прикидывать въ умѣ, сколько приблизительно ярдовъ понадобится прорыть, чтобы добраться до главной трубы. Выходило что-то очень много, не говоря уже о томъ, что было очень мало шансовъ, чтобы подкопъ вывелъ насъ непремѣнно къ трубѣ. Смущалъ меня еще одинъ вопросъ: зачѣмъ было рыть такой длинный туннель въ главную трубу, когда гораздо скорѣе можно было докопаться до той изъ боковыхъ, которая проходила ближе къ дому?

Кромѣ того мнѣ казалось, что домъ выбранъ неудачно, слишкомъ далеко отъ трубы, и что поэтому приходится затрачивать много лишней работы. Но не успѣлъ я еще какъ слѣдуетъ углубиться во всѣ эти соображенія, какъ мой артиллеристъ вдругъ пересталъ копать и взглянулъ на меня.

— Мы хорошо поработали, — сказалъ онъ и бросилъ заступъ.—Давайте-ка, сдѣлаемъ передышку. Пора, я думаю, учинить рекогносцировку. Пойдемте на крышу.

Я былъ за то, чтобъ продолжать работу, и послѣ нѣкотораго колебанія онъ было снова взялся за свой заступъ. Вдругъ у меня мелькнула мысль, — я пересталъ копать, и онъ сейчасъ же сдѣлалъ то же.

— Зачѣмъ вы ходили по полю?—спросилъ я.

— Вѣдь у васъ тутъ работа была.

— Я ходилъ подышать воздухомъ, — отвѣчалъ онъ. — Я уже возвращался, когда мы встрѣтились. Ночью выходить безопаснѣе.

— А какъ же работа?

— Ну, нельзя же вѣчно работать, — сказалъ онъ.

Тутъ я сразу понялъ, что онъ за человѣкъ. Онъ постоялъ въ нерѣшимости, держась за заступъ, потомъ сказалъ:

— Нѣтъ, знаете, положительно надо сдѣлать рекогносцировку, а то вдругъ они близко? Тогда они могутъ услышать стукъ заступовъ и нападутъ на насъ врасплохъ.

Мнѣ больше не хотѣлось спорить. Мы вмѣстѣ поднялись на чердакъ и оттуда, стоя на приставной лѣстницѣ, заглянули въ слуховое окно. Нигдѣ не было никакихъ слѣдовъ марсіанъ. Тогда мы рѣшились вылѣзти на крышу, быстро пробѣжали по черепицамъ и спрятались за парапетъ.

Съ этого мѣста большая часть Путнея была не видна за кустарникомъ, но видно было рѣку

превратившуюся въ одинъ сплошной волнующійся красный кисель, и нижнюю часть Ламбета, залитую водой и тоже красную отъ красной травы. Другое красное растеніе — ползучее — заплело всѣ деревья вокругъ стараго дворца, и между его густыми побѣгами уныло торчали ихъ мертвые, покрытые сморщенными листьями, сучья. Поразительно, до чего было связано распространеніе обоихъ этихъ растеній съ близостью текучей воды. Вокругъ нашего дома не было ни того, ни другого; альпійскій ракитникъ, калина, дерево жизни поднимались изъ-за лавровъ ярко, зеленые на солнцѣ. За Кенсингтономъ стояло облако дыма а вдали стлался сизый туманъ, за которымъ исчезали холмы, тянувшіеся на сѣверъ.

Мой артиллеристъ сталъ мнѣ разсказывать про Лондонъ, и что тамъ дѣлалось въ послѣднее время.

— Разъ вечеромъ на прошлой недѣлѣ, — говорилъ онъ, — какіе-то дураки вздумали поправить электрическое освѣщеніе. Вся Редженть-Стритъ и Циркъ горѣли огнями, и тамъ толпился народъ — пьяные оборванцы, раскрашенныя женщины...Плясали и орали пѣсни до зари. Мнѣ это разсказывалъ одинъ человѣкъ, который былъ тамъ. А когда разсвѣло, они вдругъ увидали, что у Лангема стоитъ боевая машина и смотритъ на нихъ. Богъ ее знаетъ, съ какихъ поръ она тамъ стояла. И вотъ, она подошла прямо къ толпѣ и преспокойно подобрала съ сотню людей. Они вѣрно, были такъ пьяны или до того испугались, что не могли убѣжать.

Забавный эпизодикъ изъ эпохи, которую никакая исторія не опишетъ вполнѣ!

Потомъ я постарался навести его вопросами на прежнюю тему. Онъ вернулся къ своимъ грандіознымъ планамъ и пришелъ въ энтузіазмъ. Онъ такъ краснорѣчиво говорилъ о возможности овладѣть боевою машиной, что я опять на половину повѣрилъ ему. Но теперь, когда я уже

немножко зналъ цѣну этому человѣку, мнѣ было понятно, почему онъ такъ напираетъ, на то, что надо дѣйствовать не спѣша. А кромѣ того, я замѣтилъ, что теперь уже не было рѣчи о томъ, что онъ самолично захватитъ боевую машину и будетъ сражаться на ней.

Поговоривъ еще немного, мы опять спустились въ подвалъ. Ни у него, ни у меня не было особеннаго желанія продолжать работу, такъ что, когда онъ намекнулъ что-то такое насчетъ легкаго завтрака, я не сталъ возражать. Онъ вдругъ сдѣлался необыкновенно щедрымъ и принялся усердно меня угощать, а когда мы поѣли, онъ куда-то вышелъ и вернулся съ превосходными сигарами. Мы закурили, и тутъ ужъ его оптимизмъ разошелся во всю. Даже на свою встрѣчу со мной онъ былъ готовъ смотрѣть, какъ на событіе огромной важности.

— А знаете, въ погребѣ есть шампанское, — сказалъ онъ.

— Можно отлично работать и на простомъ бургонскомъ, — замѣтилъ я.

— Нѣтъ, сегодня я хозяинъ. Шампанскаго! Слава тебѣ Господи, намъ предстоитъ нелегкая работа! Надо только прежде передохнуть и понабраться силъ. Взгляните-ка, какъ я натеръ себѣ руки.

И, преслѣдуя свою мысль отпраздновать этотъ день, онъ рѣшительно объявилъ, что послѣ завтрака мы должны сыграть въ карты. Онъ научилъ меня какой-то новой игрѣ: мы подѣлили Лондонъ между собой — онъ взялъ себѣ сѣверную сторону, я — южную, — и играли на городскіе приходы. Какъ ни смѣшно, какъ ни глупо это можетъ показаться всякому трезвому человѣку, но что мы играли въ карты—это сущая правда, и что еще замѣчательнѣе — я искренно увлекся и этой игрой, и другими, въ которыя мы играли потомъ.

Странно устроена душа человѣка Въ минуту,

когда всему человѣческому роду грозило полное истребленіе или унизительное рабство, когда и для себя лично мы не могли ожидать ничего, кромѣ отвратительной смерти,—въ эту самую минуту мы спокойно сидѣли и съ живѣйшимъ интересомъ слѣдили, въ какихъ комбинаціяхъ ложатся на столъ кусочки раскрашеннаго картона! Мы съ удовольствіемъ сыграли въ «джокеръ»; потомъ онъ научилъ меня «покеру», а потомъ мы засѣли за шахматы, и я три раза сряду далъ ему матъ. Мы оба такъ увлеклись, что, когда смерклось, рѣшились даже зажечь лампу.

Послѣ безконечнаго множества партій во всевозможныя игры мы поужинали, и мой артиллеристъ допилъ остатки шампанскаго. Все это время мы курили сигары. Теперь онъ не былъ уже тѣмъ энергичнымъ преобразователемъ, тѣмъ избавителемъ человѣчества, какимъ я встрѣтилъ его поутру. Онъ былъ попрежнему оптимистически настроенъ, но оптимизмъ его теперь что-то ужъ очень отдавалъ философскимъ спокойствіемъ. Я помню, онъ говорилъ спичи, весьма мало разнообразные и не отличавшіеся связностью мысли, и каждый спичъ заканчивалъ тостомъ за мое здоровье. Я взялъ сигару и вышелъ на крышу взглянуть на странный зеленоватый свѣтъ надъ Гайгетскими холмами, про который онъ мнѣ говорилъ.

Сначала я машинально смотрѣлъ въ сторону Лондона, вдоль по долинѣ Темзы. Сѣверные холмы были окутаны тьмой; подъ Кенсингтономъ свѣтились краснымъ свѣтомъ огни; минутами вспыхивало пламя красно-желтымъ языкомъ и опять пропадало въ глубокой синевѣ ночи. Вся остальная часть Лондона тонула во мракѣ. Но вдругъ, взглянувъ ближе, я замѣтилъ какой-то странный, струящійся свѣтъ,— вѣрнѣе, блѣдное пурпурно-фіолетовое сіяніе, колебавшееся отъ ночного вѣтерка. Въ первую минуту я не могъ понять, откуда идетъ этотъ

фосфорическій свѣтъ, но потомъ догадался, что отъ красной травы. И съ этой мыслью, вернувшей меня къ страшной дѣйствительности, во мнѣ проснулось притупившееся было сознаніе истиннаго соотношенія вещей и событій и чувство подавляющаго недоумѣнія передъ совершившимся. Мой взглядъ съ Земли перенесся къ Марсу, сіявшему на западѣ такой далекой красной звѣздочкой, а потомъ я долго и пытливо всматривался въ темноту, гдѣ были Гемпстэдъ и Гайгетъ.

Я очень долго пробылъ на крышѣ, дивясь нелѣпому превращенію, случившемуся со мной. Я припомнилъ часъ за часомъ всѣ мои переживанія за этотъ день, съ минуты моей горячей молитвы прошлою ночью вплоть до нашей глупой картежной игры. Всѣ мои лучшія чувства возмутились. Помню, я съ отвращеніемъ бросила сигару, какъ гнусный символъ. Мое безуміе предстало передо мной въ преувеличенно ужасающемъ видѣ. Мнѣ казалось, что я предалъ мою жену, моихъ ближнихъ, весь человѣческій родъ. Моя душа была полна угрызеній. И я рѣшилъ сейчасъ же разстаться съ этимъ страннымъ распущеннымъ мечтателемъ, болтающимъ о высокихъ матеріяхъ, предоставить его обжорству и пьянству и итти въ Лондонъ. Тамъ, казалось мнѣ, у меня будетъ больше случаевъ узнать, что затѣваютъ марсіане, и что дѣлаютъ мои братья—люди. Я былъ еще на крышѣ съ моими тяжелыми думами, когда на небѣ поднялся поздній мѣсяцъ.

VIII.

Мертвый Лондонъ.

Разставшись съ артиллеристомъ, я спустился съ холма, перешелъ мостъ и черезъ Гай-Стритъ направился къ Ламбету. Къ этому времени красная трава страшно разрослась въ тѣхъ мѣстахъ, такъ что по мосту отъ нея почти не было проходу; но

листья на ней уже поблѣднѣли отъ быстро развивавшейся болѣзни, которая вскорѣ и убила ее.

На углу переулка, который ведетъ къ станцiи, я наткнулся на лежащаго человѣка, чернаго, какъ трубочистъ, отъ черной золы — осадка чернаго дыма. Онъ былъ живъ, но пьянъ до безчувствiя. Я ничего не могъ добиться отъ него кромѣ отборной брани и безпомощныхъ попытокъ ударить меня. Мнѣ кажется, я не ушелъ бы отъ него, если бъ не его звѣрское, безсмысленное лицо.

Черная зола устилала толстымъ слоемъ всю дорогу по обѣ стороны моста, а къ Фульгему ея становилось все больше. На улицахъ было ужасающе тихо. Въ одной булочной я нашелъ булку— твердую, какъ камень, кислую и заплѣсневѣлую, но все-таки еще съѣдобную. Подальше, къ Вальгемъ-Грину, улицы были свободны отъ черной золы. Я прошелъ здѣсь мимо цѣлаго ряда горящихъ домовъ, и вой пожара, нарушавшiй эту жуткую тишину, былъ для меня положительно облегченiемъ. Ближе къ Бромптону опять стояла гробовая тишина.

Здѣсь снова все было покрыто черной золой, и на улицахъ лежали мертвыя тѣла. Я насчиталъ ихъ до дюжины на протяженiи Фульгемъ-Родъ. Все это были трупы людей, умершихъ много дней тому назадъ, такъ что проходя мимо нихъ, я ускорялъ шаги. Всѣ они были покрыты густымъ слоемъ черной золы, смягчавшимъ ихъ очертанiя. Два или три были попорчены собаками.

Тамъ, гдѣ не было черной золы, все удивительно напоминало обыкновенный воскресный день въ Сити: тѣ же запертые магазины, тѣ же замкнутыя двери и спущенныя шторы въ домахъ, то же безлюдье и тишина. Кое-гдѣ, видимо, поработали мародеры, по большей части, впрочемъ, въ бакалейныхъ лавкахъ и винныхъ погребкахъ. Въ одномъ мѣстѣ я видѣлъ выбитое окно въ

ювелирномъ магазинѣ, но вору, очевидно, помѣшали, потому что на панели валялось нѣсколько брошенныхъ золотыхъ цѣпочекъ и часы. Я, разумѣется, не далъ себѣ труда ихъ поднять. Подальше, у дверей одного дома, сидѣла, вся какъ-то опустившись, женщина, похожая издали на кучу тряпья. Правая рука, свѣсившаяся черезъ колѣно, была порѣзана, и кровь перепачкала подолъ ея полинялаго темнаго платья. На панели, возлѣ нея стояла лужа отъ валявшейся тутъ же разбитой бутылки шампанскаго; женщина казалась спящей, но была мертва.

Чѣмъ дальше проникалъ я въ центръ Лондона, тѣмъ глубже становилась тишина. Но это не была тишина смерти, а скорѣе томительнаго ожиданія ея. Въ каждую данную минуту разрушительная рука, уже коснувшаяся сѣверо-западныхъ окраинъ столицы, уже уничтожавшая Илингъ и Кильбурнъ, могла простереться надъ этими домами и превратить ихъ въ дымящіяся развалины. Это былъ обреченный и покинутый городъ...

На улицахъ Южнаго Кенсингтона не было ни черной золы, ни мертвыхъ тѣлъ. Тутъ-то, немного не доходя Южнаго Кенсингтона, я и услышалъ въ первый разъ тотъ странный крикъ. Звуки его, сначала очень слабые, какъ-то незамѣтно проникли въ мое сознаніе. Это было не то рыданье, не то вой, состоявшій изъ двухъ, непрерывно тянувшихся чередующихся нотъ: «Ул-ля! Ул-ля! Ул-ля!» Пока я шелъ улицами, идущими съ юга на сѣверъ, вой все разростался, но какъ только я свернулъ въ сторону, дома и другія зданія снова заглушили его. Я услышалъ его вполнѣ явственно, когда вышелъ на Экзибишёнъ-Родъ. Я остановился и сталъ смотрѣть въ сторону Кенсингтонскихъ садовъ, недоумѣвая, что означаетъ этотъ странный, доносящійся откуда-то издали вой. Можно было подумать, что это громада опустѣвшихъ домовъ нашла,

наконецъ, голосъ, чтобы вылить весь свой страхъ, все свое одиночество.

— Ул-ля! Ул-ля! Ул-ля!—неслось какими-то сверхчеловѣческими рыдающими звуками, разливавшимися широкой волной между высокими зданіями по залитой солнцемъ дорогѣ. Совершенно озадаченный, я повернулъ на сѣверъ къ желѣзнымъ воротамъ Гайдъ-Парка. Я уже совсѣмъ было рѣшилъ попробовать пробраться въ Естественно-Историческій Музей и подняться на одну изъ его башенъ, откуда можно было видѣть весь паркъ; но потомъ подумалъ, что безопаснѣе оставаться на землѣ, гдѣ легче было спрятаться, и пошелъ дальше по Экзибишёнъ-Родъ. Огромные дворцы по сторонамъ дороги были пусты, и стукъ моихъ шаговъ гулко отдавался въ мертвой тишинѣ, отражаясь отъ стѣнъ. Не доходя воротъ парка, я увидѣлъ опрокинутый омнибусъ и дочиста объѣденный лошадиный скелетъ. Я постоялъ немного, въ недоумѣніи передъ этой картиной, потомъ свернулъ къ мосту. Вой становился все громче, но за крышами домовъ, обступающихъ сѣверную сторону парка, не видно было ничего, кромѣ облаковъ дыма, поднимавшихся гдѣ-то вдали на сѣверо-западѣ.

— Ул-ля! Ул-ля! Ул-ля!—ревѣлъ таинственный голосъ. Звуки, какъ мнѣ казалось, выходили изъ Реджентъ-Парка или откуда-то по сосѣдству съ нимъ. Мнѣ всю душу переворачивалъ этотъ раздирающій крикъ: я не могъ забыть о немъ ни на минуту. Моего недавняго бодраго настроенія какъ не бывало. Я вдругъ почувствовалъ, что у меня болятъ ноги, что я страшно усталъ, что мнѣ опять хочется ѣсть и пить.

Время было уже за́-полдень. Зачѣмъ я брожу одинъ въ этомъ городѣ мертвыхъ? Отчего одинъ я живъ, когда весь Лондонъ лежитъ на ложѣ смерти, покрытый чернымъ саваномъ? Мнѣ стало невыносимо одиноко. Вспоминались старые забытые друзья, о которыхъ я не думалъ много,

много лѣтъ. Приходили на умъ хранящіеся въ аптекахъ яды и спиртные напитки, которые можно было достать въ винныхъ погребахъ. Припомнились и тѣ два несчастныя, опившіяся до потери разума существа — единственныя, насколько мнѣ было извѣстно, дѣлившія со мной этотъ вымершій городъ...

Черезъ Мраморную Арку я вышелъ на Оксфордъ-Стритъ. Здѣсь опять были трупы и черная зола. Изъ подвальныхъ этажей нѣкоторыхъ домовъ несся зловѣщій, отвратительный запахъ. Послѣ длиннаго странствія по жарѣ меня томила жажда, Съ безконечнымъ трудомъ я ухитрился пробраться въ трактиръ, гдѣ и добылъ себѣ ѣды и питья. Наѣвшись, я окончательно размякъ отъ усталости. Я прошелъ въ комнату за буфетомъ; тамъ оказался черный волосяной диванъ; я легъ и уснулъ.

Проснулся я подъ тотъ же удручающій вой.
— Ул-ля! Ул-ля! Ул-ля!—попрежнему звенѣло у меня въ ушахъ. На дворѣ уже смеркалось. Захвативъ съ собою изъ буфета бисквитовъ и кусокъ сыру (тамъ была и говядина, но она вся кишѣла червями), я снова отправился блуждать. Пройдя безмолвными аристократическими скверами, изъ которыхъ я знаю названіе только одного — Портмэнъ-Сквера я вышелъ на Бэкеръ-Стритъ и такимъ образомъ добрался, наконецъ, до Редженть-Парка. И въ тотъ моментъ, когда я дошелъ до конца Бэкеръ-Стритъ, я увидѣлъ вдали надъ деревьями, на фонѣ освѣщеннаго закатомъ неба, блестящій колпакъ гигантской боевой машины, отъ которой и шелъ этотъ вой. Къ удивленію, я даже не испугался. Я пошелъ прямо на великана, какъ будто такъ и должно было быть. Я внимательно присматривался къ нему: онъ не шевелился. Онъ стоялъ на мѣстѣ и вылъ, а отчего онъ воетъ — я не могъ понять.

Я пытался составить какой-нибудь планъ дѣйствій. Это несмолкаемое, назойливое «Ул-ля!

Ул-ля!» путало мои мысли. Можетъ быть, я былъ слишкомъ утомленъ, чтобы бояться. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что любопытство, нетерпѣливое желаніе узнать причину этого монотоннаго воя мучило меня въ ту минуту гораздо больше, чѣмъ страхъ. Я свернулъ на Паркъ-Родъ, съ тѣмъ, чтобы, обогнувъ паркъ, выйти подъ прикрытіемъ домовъ къ Сентъ-Джонскому лѣсу и уже оттуда хорошенько разсмотрѣть этого неподвижно стоящаго и неизвѣстно отчего воющаго марсіанина. Ярдахъ въ двухстахъ отъ Бэкеръ-Стритъ я услыхалъ визгъ и лай нѣсколькихъ собачьихъ голосовъ. Прямо на меня бѣжалъ большой догъ съ кускомъ гніющаго, красснаго мяса въ зубахъ, а за нимъ гналась стая голодныхъ дворняжекъ. Передній песъ описалъ широкій кругъ, чтобъ избѣжать встрѣчи со мной, точно боялся, какъ бы и я не оказался его конкурентомъ. Какъ только лай и визгъ замерли вдали на безлюдной дорогѣ, въ воздухѣ съ прежней силой стало раздаваться все то же нестерпимое «Ул-ля! Ул-ля!».

На полъ-дорогѣ къ станціи Сентъ- Джонскаго лѣса я нашелъ сломанную машину-рабочаго. Сначала я наткнулся на обломки обрушившагося и завалившаго дорогу дома и, только вскарабкавшись на развалины, съ изумленіемъ увидалъ этого Самсона-автомата. Безпомощно подогнувъ свои поломанныя и помятыя желѣзныя руки, онъ лежалъ среди разрушенія, которое самъ же произвелъ Передняя часть машины разлетѣлась въ куски. Должно быть, она со всего маху наскочила на домъ и была смята его паденіемъ. И тутъ-то мнѣ пришло въ голову, не оттого ли это случилось, что машина, уже будучи пущена въ ходъ, вдругъ очутилась безъ руководителя. Я не могъ пробраться черезъ развалины, чтобы взглянуть на нее поближе, а сумерки уже настолько сгустились, что съ моего мѣста нельзя было замѣтить ни крови, покрывавшей сидѣнье, ни

валявшагося подлѣ обглоданнаго хряща марсіанина, который бросили собаки.

Окончательно пораженный всѣмъ, что я видѣлъ я свернулъ къ Примрозскому холму. Вдали, сквозь просвѣтъ между деревьями, я вдругъ увидалъ второго марсіанина. Онъ стоялъ въ паркѣ ближе къ зоологическому саду, и былъ недвижимъ, какъ и первый. Но этотъ молчалъ. За развалинами дома, гдѣ лежала сломанная машина-рабочій, опять повсюду росла красная трава. Весь каналъ Редженть-Стритъ представлялъ одну сплошную губчатую массу темно-красной растительности.

Вдругъ въ ту минуту, когда я переходилъ мостъ, таинственный вой прекратился. Звуки смолкли сразу, точно обрубленные, и тишина пришла съ внезапностью громового удара.

Дома обступали меня высокими сѣрыми тѣнями, сливавшимися съ темнотой. Впереди чернѣли деревья парка. Кругомъ, между развалинъ, въ сгущавшейся тьмѣ топорщилась красная трава, точно стараясь перерасти меня и покрыть съ головой. На меня надвигалась Ночь—мать Страха и Тайны. Пока раздавался тотъ голосъ, — это безлюдье, это одиночество были еще выносимы Лондонъ казался все-таки живымъ, и меня поддерживало это сознаніе присутствія жизни подлѣ меня. И вдругъ, эта рѣзкая перемѣна... точно что-то произошло—что-то, мнѣ неизвѣстное... И затѣмъ молчаніе—тишина такая, что ее, казалось, можно было осязать. Зловѣщее, замогильное молчаніе,—и больше ничего, ничего...

Лондонъ глядѣлъ на меня, точно выходецъ съ того свѣта. Окна его бѣлыхъ домовъ зіяли, какъ пустые глаза черепа. Воображеніе рисовало мнѣ на каждомъ шагу тысячи невидимыхъ, безшумно подбирающихся ко мнѣ враговъ. Ужасъ оковалъ меня—ужасъ передъ моею смѣлостью. Я замѣтилъ, что дорога впереди совершенно черна, точно ее полили дегтемъ, а поперекъ

ея лежитъ, странно скорчившись, какая-то фигура. Я не могъ себя заставить итти впередъ. Я повернулъ назадъ къ Сентъ-Джонскому лѣсу и бросился бѣжать отъ этой нестерпимой тишины. Я побѣжалъ къ Кильбурну и тамъ, гдѣ-то на Гарроу-Родъ, далеко за-полночь просидѣлъ подъ навѣсомъ на извозчичьемъ дворѣ, прячась отъ ночи и тишины. Но мало-по-малу мужество вернулось ко мнѣ: было еще далеко до разсвѣта, на небѣ еще свѣтились звѣзды, когда я уже снова шелъ къ Реджентъ-Парку. Я заблудился въ лабиринтѣ улицъ и, выйдя на какой-то длинный проспектъ, въ концѣ его неожиданно увидѣлъ при свѣтѣ занимавшейся зари очертанія Примрозскаго холма. И на вершинѣ холма, подымаясь головой къ меркнущимъ звѣздамъ, стоялъ третій марсіанинъ, прямой и неподвижный, какъ и тѣ.

Во мнѣ созрѣло рѣшеніе—безумное по своей дерзости. Не было силъ тянуть дольше эту ужасную неизвѣстность,—лучше ужъ было умереть. И не надо было даже трудиться убивать себя. Я пошелъ, очертя голову, прямо къ великану. Я подходилъ ближе и ближе. И вотъ, при свѣтѣ разгоравшейся зари, я увидѣлъ, что надъ колпакомъ кружитъ огромная стая какихъ-то черныхъ птицъ. Что это? Неужели?!. Сердце запрыгало у меня въ груди, и я пустился бѣгомъ по дорогѣ.

Солнце еще не всходило, когда, продравшись сквозь заросли красной травы, опутывавшей всю Сентъ-Эдмундскую Террасу (для этого мнѣ пришлось пройти по грудь въ водѣ черезъ потокъ, бѣжавшій отъ фонтановъ въ Альбертъ-Родъ), я выбрался на сухое мѣсто и подошелъ къ холму. У вершины его на большое пространство тянулись высокія насыпи, образуя что-то въ родѣ огромнаго редута (это былъ послѣдній, самый большой лагерь марсіанъ), и изъ-за этихъ насыпей подымалась къ небу тонкая струйка дыма.

На самомъ верху, на фонѣ свѣтлѣвшаго неба, промелькнулъ силуэтъ бѣгущей собаки и скрылся. Блеснувшая въ умѣ моемъ догадка получила реальную основу, становилась правдоподобной. Я не испытывалъ страха. У меня захватывало духъ отъ волненія, отъ дикой, ликующей радости, когда я бѣжалъ въ гору къ чудовищу, неподвижно стоявшему тамъ. Изъ-подъ колпака гигантской машины висѣли какіе-то мягкіе темно-красные клочья, и голодныя птицы рвали ихъ клювами.

Еще минута, и я стоялъ на гребнѣ земляного вала. Вся внутренность редута была передо мной, какъ на ладони. Она занимала огромную площадь. По всему этому пространству стояли рядами какіе-то странные навѣсы съ сложенными подъ ними кучами заготовленнаго матеріала, и были въ безпорядкѣ разбросаны гигантскія машины. И тутъ же—одни на опрокинутыхъ боевыхъ машинахъ, другіе на стоящихъ теперь въ мертвомъ бездѣйствіи машинахъ-рабочихъ, а многіе—просто сбившись въ кучу на землѣ,—безъ звука, не шевелясь, лежали марсіане — мертвые! — погибшіе, какъ погибла потомъ и красная трава, уничтоженные болѣзнью, къ борьбѣ съ которой не былъ подготовленъ ихъ организмъ,—убитые, послѣ того, какъ всѣ ухищренія человѣческаго ума оказались недѣйствительными, ничтожнѣйшимъ изъ Божьихъ твореній, которое Онъ, въ Своей мудрости, поселилъ на землѣ.

Да, вотъ какъ все кончилось! И въ сущности, и я, и многіе могли бы это предвидѣть, если бы ужасъ передъ нагрянувшей бѣдой не ослѣпилъ нашихъ умовъ. Зародыши болѣзни брали съ человѣчества дань съ начала міра,—брали дань съ нашихъ дочеловѣческихъ предковъ еще съ начала жизни на землѣ. Но благодѣтельный естественный подборъ развилъ въ нашемъ организмѣ силу сопротивленія имъ: никакимъ бакте-

ріямъ мы не поддаемся безъ борьбы, а многія— тѣ, напримѣръ, которыя вызываютъ гніеніе въ мертвыхъ тѣлахъ,—совершенно не дѣйствуютъ на нашъ живой организмъ. Но на Марсѣ нѣтъ бактерій, и вотъ, какъ только къ намъ явились пришельцы съ Марса, какъ только они начали питаться на Землѣ, наши микроскопическіе союзники принялись за работу и побѣдили ихъ. Уже тогда, когда я наблюдалъ нашихъ враговъ изъ-подъ развалинъ дома, они были обречены смерти; еще передвигаясь съ мѣста на мѣсто, они уже гнили заживо. Ихъ гибель была неизбѣжна. Цѣною многихъ милліоновъ смертей человѣкъ купилъ себѣ первородство на Землѣ: оно—е г о по праву, и никакіе пришельцы ему не страшны; оно не досталось бы марсіанамъ, будь они хоть въ десять разъ могущественнѣе. Не даромъ же люди жили и умирали столько вѣковъ.

И теперь наши сраженные враги лежали передо мной—всѣхъ ихъ было тутъ штукъ пятьдесятъ,—лежали въ ими же самими вырытой глубокой ямѣ, застигнутые смертью, казавшейся имъ, вѣроятно необъяснимой, непонятной, какою должна, впрочемъ, казаться и всякая смерть. Да и мнѣ въ то время она казалась непонятной. Все, что я могъ тогда понять, все, что я видѣлъ,—это, что отвратительныя существа, которыя еще недавно были живы и были такъ страшны людямъ,—теперь мертвы. На одинъ мигъ я даже подумалъ что это повторилась гибель Сеннахериба, что Богъ смягчился въ гнѣвѣ Своемъ и послалъ Ангела Смерти убить ихъ въ нощи.

Я стоялъ, смотрѣлъ въ яму, а сердце мое ликовало. Восходящее солнце зажгло все вокругъ своими лучами. Яма была еще въ темнотѣ. Могучія сооруженія, такія громадныя, такія поразительныя по своей силѣ и сложности, столь чуждыя Землѣ по своимъ страннымъ, изогнутымъ очертаніямъ, туманными призраками тя-

нулись изъ тьмы къ свѣту. Слышно было, какъ гдѣ-то внизу, на днѣ ямы, грызлись надъ трупами и рычали собаки. На дальнемъ краю ея, противъ меня, огромный, плоскій, ни на что не похожій, лежалъ, распластавшись, летательный аппаратъ, съ которымъ марсіане производили опыты въ нашей, болѣе сгущенной, атмосферѣ, пока болѣзнь и смерть не прекратили ихъ работъ. Смерть пришла какъ разъ во-время. Я услышалъ карканье у себя надъ головой, взглянулъ вверхъ и увидѣлъ грозную боевую машину, которой уже не суждено было больше дѣйствовать въ бою., и увидѣлъ красные клочья растерзаннаго мяса, съ которыхъ капала кровь на вершину холма.

Я обернулся назадъ къ склону, и посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ, окруженные теперь кольцомъ черныхъ птицъ, стояли два другіе марсіанина,—тѣ, которыхъ я видѣлъ накануне ночью какъ разъ въ тотъ моментъ, когда ихъ настигла смерть. Одинъ изъ нихъ умеръ, призывая на помощь товарищей. Быть можетъ, онъ умеръ послѣднимъ, и голосъ его взывалъ долго и тщетно, когда истощилась сила машины. Какъ весело сверкали въ лучахъ восходящаго солнца эти, отнынѣ безвредныя, трехногія башни изъ блестящаго металла!..

Вокругъ ямы, насколько хваталъ глазъ, чудомъ спасшаяся отъ полнаго разрушенія, разстилалась Матерь городовъ. Кто видѣлъ Лондонъ не иначе, какъ окутаннымъ траурной пеленой дыма, тотъ не можетъ представить себѣ всей красоты лабиринта его безмолвныхъ домовъ въ ихъ наготѣ, озаренной утреннимъ солнцемъ.

Къ востоку, надъ почернѣвшими развалинами Террасы Альберта и надъ расколовшимся шпилемъ церкви, солнце ослѣпительно сверкало въ безоблачномъ небѣ. Мѣстами лучи его попадали на ребро бѣлаго карниза какого-нибудь изъ этой громады домовъ и, отражаясь, казались

еще ослѣпительнѣе, еще ярче. Солнце играло даже на круглымъ зданіи виннаго склада у станціи Чокъ-Фармъ и заливало, придавая имъ какую-то таинственную прелесть, желѣзнодорожные дворы, изрѣзанные длинными рядами рельсовъ, еще недавно черныхъ, а теперь красныхъ отъ ржавчины послѣ двухнедѣльнаго промежутка бездѣйствія.

Къ сѣверу тянулись Кильбурнъ и Гемпстэдъ, пестрѣя мозаикой скученныхъ построекъ. Къ западу великій городъ исчезалъ за завѣсой тумана. Къ югу, за марсіанами, колыхался своими зелеными волнами Реджентъ-Паркъ, отчетливо выступали на солнцѣ уменьшенные разстояніемъ Лангемъ, куполъ Альбертъ-Голла, Императорскій Институтъ и величественные дворцы Бромптонъ-Рода, а за ними въ туманныхъ очертаніяхъ вздымались къ небу развалины Вестминстера. Вдали синѣли Суррейскіе холмы, и сверкали серебромъ башни Хрустальнаго дворца. Куполъ Святого Павла темной массой вырисовывался противъ солнца, зіяя пустотой огромной трещины, которую я видѣлъ теперь въ первый разъ.

И когда я окинулъ взглядомъ эту широко раскинувшуюся громаду домовъ, церквей и фабрикъ, безмолвныхъ и покинутыхъ, когда я вспомнилъ о несчетныхъ усиліяхъ, о тѣхъ милліонахъ жизней, которыя ушли на сооруженіе этой твердыни работы человѣческихъ рукъ, когда я подумалъ о связанныхъ съ нею надеждахъ и о мгновенномъ, безпощадномъ разрушеніи, висѣвшемъ надъ ней, и когда я созналъ, наконецъ, вполнѣ ясно, что эта тѣнь ушла и больше не вернется, что въ этихъ улицахъ опять будутъ жить люди, что этотъ дорогой моему сердцу огромный городъ оживетъ, могучій, какъ и прежде,—душу мою наполнило глубокое умиленіе, готовое вылиться въ слезахъ.

Кончились муки. Съ сегодняшняго дня на-

чнется исцѣленіе. Оставшіеся въ живыхъ,—всѣ тѣ, которыхъ разбросало во всѣ стороны, бродящіе по странѣ безъ руководителей, безъ закона, безъ пищи, какъ овцы безъ пастыря,—и тѣ, что убѣжали за море,—начнутъ возвращаться. На опустѣлыхъ улицахъ, постепенно усиливаясь, опять забьется пульсъ жизни. Могучимъ потокомъ разольется жизнь по обезлюдѣвшимъ скверамъ. Велико было разрушеніе, но смерть остановила руку разрушителя: эта рука была мертва. Скоро, скоро въ этихъ зловѣщихъ развалинахъ, на почернѣвшихъ скелетахъ домовъ, что такъ печально смотрятъ на залитые солнцемъ зеленые склоны холмовъ, застучатъ молотки, зазвенятъ топоры и лопаты новыхъ строителей, и холмы будутъ вторить имъ веселымъ эхо... И съ этой мыслью я воздѣлъ руки къ небу и возблагодарилъ Творца. Еще годъ,—думалъ я,—еще какой-нибудь годъ...

И тутъ, съ подавляющей силой, на меня нахлынули горькія мысли—о себѣ, о женѣ и о прежней жизни, полной нѣжной заботливости и надеждъ,—о жизни, которая кончилась навсегда.

IX.

На развалинахъ.

Теперь наступаетъ самый странный моментъ въ моемъ разсказѣ,—пожалуй, впрочемъ, и не такой странный, если вдуматься. Я помню—живо, ясно и послѣдовательно,—все, что я дѣлалъ въ тотъ день. Я помню, какъ я стоялъ на вершинѣ Примировскаго холма, славилъ Бога и плакалъ. Но это—послѣднее, что я помню.

У меня ничего не осталось въ памяти отъ слѣдующихъ трехъ дней. Потомъ я узналъ, что я былъ далеко не первымъ изъ людей, открывшихъ фактъ гибели марсіанъ. Нѣсколько такихъ же скитальцевъ, какъ я, бродя въ окре-

стностяхъ Лондона, сдѣлали это открытіе даже сутками раньше. Одинъ изъ нихъ (это былъ первый) тотчасъ же отправился въ Сенъ-Мартинъ-ле-Гранъ и въ то самое время, когда я отсиживался на извозчичьемъ дворѣ подъ навѣсомъ, и какимъ-то образомъ ухитрился протелеграфировать въ Парижъ. Радостная вѣсть облетѣла весь міръ. Тысячи городовъ, скованные ужасомъ передъ грозящей бѣдой, засіяли огнями иллюминацій. Въ то время, когда я стоялъ на земляномъ валу, надъ ямой, Дублинъ, Эдинбургъ, Манчестеръ, Бирмингамъ, уже знали обо всемъ. Въ ближайшихъ къ Лондону городахъ спѣшно снаряжались поѣзда для отправки въ столицу, и люди, плача отъ радости (какъ мнѣ потомъ разсказывали), прерывали работу, кричали ура и жали руки другъ другу. Колокола церквей, двѣ недѣли молчавшіе, вдругъ заговорили, разнося великую новость, пока вся Англія не огласилась колокольнымъ звономъ. По всѣмъ дорогамъ и проселкамъ полетѣли гонцы на велосипедахъ, нечесаные, съ исхудалыми лицами, крича всѣмъ встрѣчнымъ о нежданномъ избавленіи, будя своимъ ликующимъ крикомъ надежду въ сердцахъ обезумѣвшихъ отъ отчаянія, полупомѣшанныхъ людей. Конецъ скитаніямъ, конецъ страху и голоду! Черезъ Каналъ, черезъ Ирландское море, черезъ Атлантическій океанъ, везли для насъ зерно, хлѣбъ и мясо. Кажется, флотиліи всего міра неслись къ Лондону въ тѣ дни. Но ничего этого я не помню. Я не знаю, какъ я провелъ эти три дня. Меня несло по теченію, какъ неодушевленный предметъ: разумъ покинулъ меня. Очнулся я въ домѣ добрыхъ людей, подобравшихъ меня на третій день гдѣ-то у Сентъ-Джонскаго лѣса. Они мнѣ разсказывали потомъ, что я шелъ, какъ пьяный, плакалъ и пѣлъ какую-то чепуху, изъ которой можно было разобрать только: «Послѣдній человѣкъ на Землѣ—ура! Послѣд-

ній человѣкъ на Землѣ!» Несмотря на тяжелыя личныя заботы, угнетавшія ихъ, эти люди (которыхъ, къ сожалѣнію, я не могу здѣсь назвать, хотя мнѣ было бы крайне пріятно выразить имъ мою признательность) приняли во мнѣ участіе, пріютили меня въ своемъ домѣ и спасли меня отъ самого себя.

За эти три дня они, очевидно, отчасти познакомились съ моей исторіей изъ моего безумнаго бреда, потому что, когда мой умъ пришелъ въ нѣкоторое равновѣсіе, они со всевозможной осторожностью сообщили мнѣ, что имъ удалось узнать объ участи Ледергеда. Спустя два дня послѣ того, какъ я попалъ въ западню въ развалинахъ дома, Ледергедъ былъ уничтоженъ марсіаниномъ съ всѣми жившими въ немъ. Его смели съ лица земли, разрушили,—безъ намѣренія покарать, а такъ, просто, изъ прихоти, изъ желанія показать свою власть, въ родѣ того, какъ мальчишка разрываетъ муравейникъ.

Я былъ теперь одинокій человѣкъ; у меня не осталось ни семьи, ни близкихъ, и эти люди были добры ко мнѣ. Я былъ одинокій человѣкъ, убитый горемъ, и имъ было тяжело со мной. Я пробылъ у нихъ еще четыре дня послѣ моего выздоровленія. Все это время меня томило страстное, все возраставшее желаніе взглянуть еще разъ на то, что оставалось отъ моего прошлаго, отъ скромной личной жизни, казавшейся мнѣ такой счастливой и свѣтлой. Это была болѣзненная жажда безнадежности—жажда упиться своимъ горемъ. Они меня отговаривали. Они сдѣлали все, что могли, чтобы отвлечь меня отъ этой нездоровой мысли. Но прошло четыре дня, и я не могъ больше бороться. Пообѣщавъ вернуться, я со слезами—чистосердечно въ этомъ признаюсь—простился съ моими четырехдневными друзьями и снова зашагалъ по улицамъ, которыя еще недавно были такъ пусты, темны и казались такими чужими.

Теперь онѣ были полны возвращавшимся народомъ. Мѣстами попадались даже открытыя лавки, и въ фонтанахъ уже била вода.

Помню, какъ насмѣшливо ясенъ былъ день, когда я пустился въ свое печальное странствіе къ маленькому домику въ Уокингѣ, какое движеніе было на улицахъ, и какая жизнь кипѣла кругомъ. На улицахъ повсюду толпилось столько народу, что фактъ недавняго истребленія такой большой части населенія казался невѣроятнымъ. Но скоро я сталъ замѣчать, какъ желты были лица встрѣчавшихся мнѣ, въ какомъ безпорядкѣ были ихъ волосы, какъ у нихъ провалились и какъ блестѣли глаза, и какъ много попадалось людей въ грязныхъ лохмотьяхъ. На всѣхъ лицахъ читалось или страшное, ненормальное возбужденіе или угрюмая рѣшимость. Если бъ не это выраженіе лицъ, можно было принять Лондонъ за городъ бродягъ. Въ церковныхъ ризницахъ всѣмъ безъ разбору выдавали хлѣбъ, присланный намъ французскимъ правительствомъ. У немногихъ встрѣчавшихся лошадей ребра торчали, какъ у скелетовъ. На всѣхъ перекресткахъ стояли констэбли съ бѣлыми значками, блѣдные, съ испитыми лицами. Я, впрочемъ, не замѣчалъ, чтобы марсіане оставили по себѣ какіе-нибудь особенные слѣды, пока не дошелъ до Веллингтонъ-Стритъ: тутъ я увидѣлъ что быки Ватерлоосскаго моста густо заплетены красной травой.

У моста, на углу, мнѣ бросился въ глаза одинъ изъ столь обыкновенныхъ контрастовъ того нелѣпо-страннаго времени: надъ чащей красной травы красовался укрѣпленный на палкѣ листъ печатной бумаги. Это было объявленіе о первой газетѣ — *Daily Mail*, — возобновившейся печатаніемъ послѣ долгаго перерыва. Я купилъ номеръ за почернѣвшій шиллингъ, оказавшійся у меня въ карманѣ. Большая часть газеты пустовала, но зато ея единственный составитель

доставилъ себѣ маленькое развлеченіе, помѣстивъ шуточную схему объявленій на послѣдней страницѣ. Въ передовой статьѣ рѣчь больше шла о личныхъ чувствахъ автора. Отдѣлъ «извѣстій» еще не сорганизовался. Я не узналъ ничего новаго, кромѣ, того, что уже за первую недѣлю изученіе механическихъ сооруженій марсіанъ дало изумительные результаты. Авторъ статьи, между прочимъ, категорически утверждалъ (хотя я тогда ему не повѣрилъ), что «секретъ воздушныхъ полетовъ» открытъ.

Въ Ватерлоо я нашелъ уже оборудованные, готовые поѣзда, развозившіе по домамъ возвращающуюся публику. Первый наплывъ уже кончился. Въ моемъ поѣздѣ было мало пассажировъ, а такъ какъ я былъ совсѣмъ не расположенъ къ случайнымъ встрѣчамъ и разговорамъ, то и занялъ отдѣльное купэ. Я сѣлъ къ окну, скрестилъ руки и застылъ въ этой позѣ, машинально глядя на мелькавшую мимо картину, опустошенія, ярко освѣщенную солнцемъ. Послѣ конечнаго пункта пути, поѣздъ запрыгалъ по временнымъ рельсамъ. По обѣ стороны дороги тянулись почернѣвшія развалины домовъ. Вплоть до Клэпгемской узловой станціи, Лондонъ имѣлъ еще совершенно грязный видъ отъ осадка чернаго дыма, несмотря на два дня грозъ и проливныхъ дождей. За Клэпгемомъ полотно дороги опять было разрушено. Тысячи оставшихся безъ дѣла конторщиковъ и приказчиковъ работали надъ починкой на ряду съ простыми землекопами. Послѣ небольшой задержки поѣздъ снова потащилъ насъ по спѣшно проложенному временному пути.

На всемъ протяженіи дороги за Лондономъ страна имѣла опустошенный видъ, унылый и непривычный. Особенно пострадалъ Уимбльдонъ. Уольтонъ, благодаря своимъ уцѣлѣвшимъ сосновымъ лѣсамъ, казался наиболѣе сохранившимся изъ всѣхъ мѣстечекъ, которыя мы про-

ѣзжали. Рѣчки Уандль и Моль и всѣ ручьи были запружены красной травой, напоминавшей издали шинкованную красную капусту. Суррейскіе сосновые лѣса оказались, вѣроятно, слишкомъ сухими для краснаго паразита, потому что они были свободны отъ него. За Уимбльдономъ, въ виду желѣзной дороги, подлѣ чьихъ-то питомниковъ, поле было взрыто паденіемъ шестого цилиндра. Вокругъ него лежали высокія кучи земли, толпился народъ, и работали саперы. Надъ ямой развѣвался англійскій флагъ, весело шелестя отъ вѣтра. Питомники сплошь заросли красной травой и представляли широкую площадь всѣхъ оттѣнковъ краснаго цвѣта отъ темнобагроваго до ярко пурпурнаго, рѣзавшаго глазъ. Съ безконечнымъ облегченіемъ переносился взглядъ отъ этой, мѣстами кроваво-красной, мѣстами мертвенно сѣрой обожженной земли передняго плана къ мягкому сине-зеленому цвѣту виднѣвшихся на востокѣ дальнихъ холмовъ.

По всей линіи отъ Лондона до станціи Уокингъ производился ремонтъ пути, поэтому я сошелъ въ Байфлитѣ и отправился пѣшкомъ въ Мэйбери. Я прошелъ мимо того мѣста, гдѣ мы съ артиллеристомъ встрѣтили гусаръ, и мимо того, гдѣ я сидѣлъ въ грозу, и гдѣ я въ первый разъ увидѣлъ марсіанина. Въ этомъ мѣстѣ, повинуясь необъяснимому любопытству, я свернулъ съ дороги посмотрѣть, не найду ли я одноколки, въ которой я ѣхалъ тогда. И я нашелъ и одноколку съ сломаннымъ колесомъ, и кости лошади, совершенно обглоданныя, побѣлѣвшія отъ времени и разбросанныя. Я простоялъ довольно долго, глядя на эти останки...

Потомъ я пошелъ сосновымъ лѣсомъ, пробираясь сквозь заросли красной травы, которая мѣстами была мнѣ по шею. Хозяинъ «Пестрой собаки», очевидно, дождался, наконецъ, похоронъ: по крайней мѣрѣ, его трупа уже не было на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ прежде лежалъ. Я про-

шелъ коллегію и уже подходилъ къ своему дому. Въ дверяхъ сосѣдняго коттеджа стоялъ человѣкъ; онъ поздоровался со мной, назвавъ меня по имени, когда я проходилъ мимо.

Я взглянулъ на свой домъ съ слабой искрой надежды, сейчасъ же погасшей. Замокъ былъ взломанъ. Одна половинка дверей тихонько пріотворялась, точно мнѣ навстрѣчу. Потомъ ее захлопнуло вѣтромъ. Въ открытомъ окнѣ моего кабинета—томъ самомъ, у котораго мы съ артиллеристомъ ждали наступленія дня,—отъ вѣтра раздувались занавѣски. Окна не закрывали съ тѣхъ поръ. Поломанные кусты были въ томъ же видѣ, какъ я ихъ оставилъ безъ малаго четыре недѣли тому назадъ. Невѣрными шагами я вошелъ въ прихожую. Домъ былъ пустъ—я это чувствовалъ. Коверъ на лѣстницѣ былъ смятъ и полинялъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ я сидѣлъ, прижавшись къ стѣнѣ, весь мокрый послѣ грозы, застигшей меня въ ночь катастрофы. На ступенькахъ виднѣлись наши грязные слѣды—мои и артиллериста. Они шли до самаго кабинета. Тамъ я нашелъ на прежнемъ мѣстѣ, на моемъ письменномъ столѣ, подъ селенитовымъ прессъ-папье, исписанный листъ бумаги—мою работу, какъ я ее оставилъ въ тотъ день, когда открылся первый цилиндръ. Я постоялъ надъ ней, пробѣжалъ послѣднюю страницу, машинально слѣдя за ходомъ своей аргументаціи: это была статья о вѣроятномъ развитіи моральныхъ идей съ развитіемъ цивилизаціи, и послѣдняя фраза начиналась пророчествомъ: «Лѣтъ черезъ двѣсти» писалъ я, «мы можемъ ожидать»—на этомъ обрывалось. Я вспомнилъ, какъ я не могъ сосредоточиться на работѣ въ то утро (не прошло и мѣсяца съ тѣхъ поръ), какъ я бросилъ писать и побѣжалъ покупать *Daily Chronicle*. Я вспомнилъ, какъ, подойдя къ калиткѣ сада, я встрѣтилъ проходившаго мимо газетчика, и какъ я слушалъ его странный разсказъ про «людей съ Марса».

Я спустился въ столовую. Тамъ, на столѣ, стоялъ хлѣбъ и баранина, совершенно сгнившая, и лежала опрокинутая бутылка изъ-подъ пива,—все, какъ мы оставили. Мой домъ опустѣлъ. Я понялъ все безуміе надежды, которую такъ долго лелѣялъ... Но вдругъ случилась странная вещь. «Безполезно!» сказалъ чей-то голосъ,—«въ домѣ нѣтъ никого. Никто не заходилъ сюда за эти десять дней. Оставаться дольше значило бы только понапрасну мучить себя. Никто не спасся, кромѣ васъ».

Я былъ пораженъ. Неужели это я вслухъ сказалъ свою мысль?.. Я обернулся. Французское окно у меня за спиной было открыто. Я бросился къ нему и выглянулъ въ садъ.

И тамъ, пораженные, испуганные не меньше меня, стояли мой кузенъ и моя жена—блѣдная, съ сухими глазами. Она слабо вскрикнула.

— Я пришла,—проговорила она:—я знала... знала... знала...

Она схватилась за грудь и зашаталась. Я шагнулъ впередъ и схватилъ ее въ свои объятія.

X.

Эпилогъ.

Ммѣ остается только пожалѣть, что, заканчиая свой разсказъ, я ничѣмъ не могу способствовать разрѣшенію многихъ вопросовъ, такъ оставшихся невыясненными. Въ одномъ отношеніи моя книга несомнѣнно вызоветъ много критическихъ замѣчаній. Моя спеціальность—спекулятивная философія. Всѣ мои познанія по сравнительной физіологіи ограничиваются двумя-тремя прочтенными мною книгами; но гипотеза Карвера насчетъ причины внезапной смерти марсіанъ, мнѣ кажется, настолько правдоподобна, что ее можно считать почти доказанной. На нее я и опираюсь въ моемъ разсказѣ.

Во всякомъ случаѣ достовѣрно, что ни въ одномъ изъ всѣхъ труповъ марсіанъ, изслѣдованныхъ послѣ разгрома, не найдено никакихъ видовъ бактерій, кромѣ уже извѣстныхъ на землѣ. Тотъ фактъ, что марсіане не хоронили своихъ мертвецовъ, и то безцѣльное массовое избіеніе, которое они производили, ни съ чѣмъ не считаясь, показываютъ, кромѣ того, что они не имѣли никакого понятія о процессѣ гніенія. Но какъ ни близко къ истинѣ такое объясненіе, считать его доказаннымъ отнюдь нельзя.

Неизвѣстенъ намъ и составъ чернаго дыма, пускавшагося въ ходъ марсіанами съ такимъ убійственнымъ эффектомъ. Такой же загадкой остается для насъ и генераторъ теплового луча. Послѣ ужасныхъ катастрофъ въ лабораторіяхъ Илинга и Южнаго Кенсингтона ученые химики не рѣшаются продолжать свои изслѣдованія надъ послѣднимъ. Спектральный анализъ чернаго порошка безошибочно указываетъ на присутствіе въ немъ какого-то новаго, неизвѣстнаго намъ элемента, и весьма возможно, что этотъ элементъ, въ соединеніи съ аргономъ, образуетъ составъ, мгновенно и смертоносно дѣйствующій на какую-нибудь изъ составныхъ частей крови. Но все это лишь недоказанныя предположенія, и они едва ли могутъ интересовать читателей, для которыхъ написана эта книга. Бурая пѣна, плывшая по теченію Темзы послѣ разрушенія Шеппертона, не была изслѣдована своевременно, а теперь ея больше нѣтъ.

Выше я уже говорилъ о результатахъ анатомическаго изслѣдованія труповъ марсіанъ, насколько оно оказалось возможнымъ, ибо голодныя бродячія собаки не оставили нетронутымъ ни одного трупа. Впрочемъ, всѣ, вѣроятно, знакомы съ великолѣпнымъ, почти неиспорченнымъ экземпляромъ марсіанина въ спирту, хранящимся въ Естественно-Историческомъ Музеѣ, и съ безчисленными рисунками, сдѣланными съ этого

экземпляра. Что же касается строенія тѣла марсіанъ и физіологическихъ отправленій ихъ организма, то они представляютъ лишь чисто научный интересъ.

Гораздо важнѣе, по универсальности своего интереса, вопросъ о возможности новаго нашествія марсіанъ. Я нахожу, что этой сторонѣ дѣла удѣляютъ слишкомъ мало вниманія. Съ каждымъ возвратомъ планеты Марсъ въ положеніе противостоянія можно ожидать со стороны марсіанъ (таково, по крайней мѣрѣ, мое личное убѣжденіе) возобновленія ихъ попытки. Во всякомъ случаѣ, къ этому надо быть готовымъ. Возможно было бы, мнѣ кажется, опредѣлить положеніе орудія, изъ котораго они стрѣляютъ на Землю, и установить постоянное наблюденіе за этой частью планеты, чтобы слѣдующая аттака не застигла насъ врасплохъ.

Первый же ихъ цилиндръ можетъ быть уничтоженъ нашей артиллеріей или динамитомъ, прежде чѣмъ онъ успѣетъ достаточно остыть. Можно такимъ образомъ не допустить ихъ выйти наружу, или же перестрѣлять ихъ всѣхъ изъ пушекъ, какъ только откроется цилиндръ. Я думаю, что неудача перваго опыта отбила у нихъ всякую охоту продолжать. Очень можетъ быть, что такъ они и смотрятъ на это.

Лессингъ приводитъ очень вѣскіе доводы въ пользу предположенія, что марсіанамъ недавно удалось основаться на планетѣ Венера. Семь мѣсяцевъ тому назадъ Венера и Марсъ были на одной линіи съ солнцемъ: другими словами, Марсъ, для наблюдающаго съ Венеры, находился въ положеніи противостоянія къ ней. Вскорѣ послѣ этого на неосвѣщенной половинѣ ближайшей къ солнцу планеты показался очень характерный, свѣтящійся извилистый слѣдъ, и почти одновременно на фотографическомъ снимкѣ съ диска Марса получился слабый, темный извилистый отпечатокъ такого же характера. Стоитъ

взглянуть на снимки съ того и другого, чтобы убѣдиться въ ихъ замѣчательномъ сходствѣ.

Но такъ или иначе, грозитъ намъ или нѣтъ новое нашествіе съ Марса, нашъ взглядъ на будущее человѣчества не могъ не измѣниться послѣ недавнихъ событій. Теперь мы знаемъ, что мы не должны смотрѣть на нашу планету, какъ на безопасное мѣсто, защищенное отъ остального міра, гдѣ человѣкъ можетъ спокойно устраивать свою жизнь. Никогда не можемъ мы предвидѣть, какая бѣда или какія блага свалятся на насъ изъ безвоздушнаго пространства. Возможно, что съ широкой, міровой точки зрѣнія, нашествіе съ Марса было не безполезно для насъ, жителей Земли. Оно освободило насъ отъ той безмятежной увѣренности въ прочности нашего будущаго, которая служитъ самымъ вѣрнымъ источникомъ упадка. Дары, принесенные имъ человѣческому знанію,—громадны: оно значительно подвинуло человѣчество въ пониманіи истинной сущности всеобщаго блага. Быть можетъ, марсіане сквозь неизмѣримое пространство слѣдили за судьбой своихъ піонеровъ, приняли къ свѣдѣнію полученный ими урокъ и нашли болѣе безопасное мѣсто для своей эмиграціи на планетѣ Венера. Какъ бы то ни было, еще много-много лѣтъ дискъ Марса будетъ для насъ предметомъ неослабнаго наблюденія, и падающія звѣзды—эти огненныя стрѣлы, которыя посылаетъ намъ небо,—будутъ неизбѣжно приносить съ собой страхъ всѣмъ сынамъ человѣческимъ.

Нельзя даже вполнѣ оцѣнить, насколько расширился умственный горизонтъ человѣка послѣ нашествія марсіанъ. До паденія ихъ перваго цилиндра у насъ держалось общераспространенное мнѣніе, что жизнь существуетъ только на поверхности нашей крошечной планеты, а во всемъ остальномъ громадномъ міровомъ пространствѣ ея нѣтъ. Теперь мы не такъ близо-

руки. Если марсіане могли перелетѣть на Венеру, то нѣтъ причины думать, что это недостижимо для людей, и когда съ постепеннымъ охлажденіемъ солнца Земля станетъ необитаемой (что неизбѣжно случится, въ концѣ концовъ), — возможно, что нить жизни, начавшейся здѣсь, на Землѣ, протянется до родственной намъ планеты и обовьетъ ее. За нами ли будетъ побѣда?..

Поразительно огромно туманное видѣніе, родившееся въ моемъ мозгу—видѣніе жизни, которая изъ маленькаго разсадника солнечной системы—съ нашей планеты—постепенно разольется по всему безжизненному необъятному звѣздному пространству. Но это только отдаленная мечта. Возможно, съ другой стороны, что благополучный исходъ недавней катастрофы, закончившейся гибелью марсіанъ,—лишь отсрочка, и имъ, а не намъ, принадлежитъ будущее.

Долженъ сознаться, что подавляющій ужасъ и опасности того времени оставили неизгладимый слѣдъ въ моей душѣ. Я не могу теперь отдѣлаться отъ чувства неувѣренности въ дѣйствительности и въ прочности существующаго. Иной разъ я сижу у себя въ кабинетѣ и пишу—сижу среди привычной обстановки, у лампы, за письменнымъ столомъ,—и вдругъ мнѣ кажется, что по всей, такъ хорошо мнѣ знакомой долинѣ подъ моимъ окномъ извиваются огненные языки пожара, и на меня нападаетъ мучительная увѣренность, что въ домѣ никого нѣтъ, кромѣ меня, что онъ навсегда опустѣлъ. Или иду я по Байфлитской дорогѣ и вижу—ѣдутъ экипажи,—вотъ проѣхалъ приказчикъ изъ мясной въ своей повозкѣ, вотъ рабочей на велосипедѣ, вотъ дѣти идутъ въ школу,—и вдругъ все это становится туманнымъ, нереальнымъ, и я опять бреду съ артиллеристомъ по горячей, пыльной дорогѣ среди гнетущей тишины. По ночамъ мнѣ снятся безмолвныя улицы, черныя отъ черной золы, и трупы, покрытые чернымъ саваномъ. Они встаютъ,

изувѣченные, обглоданные собаками, и лѣзутъ на меня. Они бормочутъ что-то, потомъ приходятъ въ ярость, становятся все блѣднѣе, все безобразнѣе, наконецъ, превращаются въ какія-то сверхъестественныя искаженія человѣческаго образа, и я просыпаюсь въ темнотѣ, весь въ холодномъ поту отъ испуга.

Ѣду я въ Лондонъ, смотрю на суетливую толпу, снующую по Флитъ-Стриту и Странду, и мнѣ думается, что всѣ эти люди—только тѣни прошлаго, явившіяся съ того свѣта взглянуть на эти улицы, которыя я видѣлъ такими тихими и пустынными, и бродятъ они теперь тоскующими призраками по мертвому городу—эти гальванизированныя тѣла, поддѣлка подъ жизнь... А какъ странно мнѣ стоять на вершинѣ Примрозскаго холма (я ходилъ туда не дальше, какъ вчера, передъ тѣмъ, какъ сѣлъ писать эту послѣднюю главу),—стоять тамъ, смотрѣть на огромную панораму домовъ, подернутую синей пеленой тумана и дыма и постепенно сливающуюся вдали съ горизонтомъ,—смотрѣть, какъ по склону холма между цвѣточными клумбами ходятъ люди, — смотрѣть на зѣвакъ, толпящихся вокругъ марсіанской машины, которая все еще стоитъ на прежнемъ мѣстѣ,—слышать веселый гомонъ играющихъ дѣтей,—и вспоминать то время, когда я видѣлъ этотъ городъ и эту равнину такими яркими, рѣзко очерченными, холодными и безмолвными при свѣтѣ занимающейся зари послѣдняго, великаго дня.

Но всего страннѣе, всего удивительнѣе—держать въ своей рукѣ руку жены и думать, что я считалъ ее, какъ и она меня, между мертвыми.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

КНИГА I.

Прибытіе марсіанъ.

Стр.

I. Наканунѣ войны 3
II. Падучая звѣзда 11
III. На Горсельскомъ выгонѣ 16
IV. Цилиндръ отвинчивается 20
V. Тепловой лучъ 24
VI. Тепловой лучъ на Кобгемской дорогѣ 29
VII. Какъ я добрался домой 32
VIII. Ночь съ пятницы на субботу 37
IX. Война начинается 41
X. Въ грозу 48
XI. У окна 56
XII. Какъ были уничтожены Уэйбриджъ и Шеппертонъ 64
XIII. Какъ я столкнулся съ викаріемъ . . 78
XIV. Въ Лондонѣ 85
XV. Что случилось въ Суррeѣ 99
XVI. Исходъ изъ Лондона 110
XVII. «Дитя грома» 127

КНИГА II.

Земля подъ властью марсіанъ.

Стр.

I. Подъ пятой 140
II. То, что мы видѣли изъ-подъ развалинъ дома 150

III. Дни плѣненія 163
IV. Смерть викарія 170
V. Тишина 176
VI. Дѣло двухъ недѣль 180
VII. Человѣкъ на Путнейскомъ холмѣ . . . 184
VIII. Мертвый Лондонъ 206
IX. На развалинахъ 218
X. Эпилогъ 225

Универсальная Библіотека.

. Лермонтовъ. Лирическія сти-
творенія.
А. Коринфскій. Славянскія
ывальщины.
Дружининъ. Полинька Саксъ.
. Вальми. Погоня за лю-
овью.
0. Уайльдъ. Флорентинская
рагедія.
Купринъ. Гамбринусъ и др.
Купринъ. Ученикъ и др.
4. Мопассанъ. Монтъ-Орі-
ль.
Пушкинъ. Драматич. сцены.
8. Уэллсъ. Освобожденный
іръ.
Шмелевъ. Весенній шумъ.
атс..а.
Шмелевъ. На томъ берегу.
счастье. Въ деревнѣ.
4. Прево. Полудѣвы.
6. Л. Толстой. Казаки.
Л. Толстой. Семейное счастье.
1. Мопассанъ Сильна какъ
мерть.
Гр. А. Толстой. Дни войны.
Гр. А. Толстой. Архипъ и др.
6. Гр. А. Толстой. Хромой ба-
инъ.
Мопассанъ Мисъ Гэрріетъ и др.
9. Л. Толстой. Севастополь.
Купринъ. Бредъ и др.
Купринъ. Осенніе цвѣты и др.
5. Прево. Осень женщины.
Джеромъ. Человѣкъ, который
е вѣрилъ въ счастье, и др.
0. Деледда. Пепелъ.
Григорьевъ. Великій трагикъ.
7 Мопассанъ. Милый другъ.
Франсъ. Записки добровольца.
0. де-Виньи. Неволя и вели-
е солдата.
Маринетти. Битва у Триполи.
3. Лондонъ. Приключенія ры-
ачьяго патруля.
Франкъ. Семь женъ Синей
ороды.
9 Келлерманъ Туннель.
Перро, Ш. Волшебныя сказки.
Гусевъ-Оренбургскій. Казакъ
молодинъ и др.

1074. Гусевъ-Оренбургскій. Злой
духъ и др.
1075-76. Уэллсъ. Чудесное посѣ-
щеніе.
1077. Нажививъ. На нивѣ народной.
1078-80. Лондонъ. Сынъ волка.
1081-85. Лондонъ. Дочь снѣговъ.
1086. Л. Толстой. Набѣгъ.
1087-88. Мицкевичъ. Пани Юлія.
1089. Поэты Бельгіи. Сборникъ.
1090-94. Крашевскій. Борьба за
Краковъ.
1095-97. Гейерстамъ. Комедія брака.
1098. Уайльдъ. Баллада Редингской тюрьмы.
1099-1100. Стивенсонъ. Странная
исторія м-ра Джекиля и д-ра
Хайда.
1101-4. Локкъ. Кумиры.
1105. М. Криницкій. Молодежь.
1106-8. Тетмайеръ. Панна Марк.
1109. Л. Толстой. Утро помѣщика.
1110-12. Аннунціо. Дѣва скалъ.
1113. Городецкій. Сутуловское ги-
здовье.
1114-15 Мопассанъ. Наслѣдство.
1116. Лондонъ. Алая чума.
1117-21. Жеромскій. Исторія грѣ-
ха, ч. I.
1122-25. Жеромскій. Исторія грѣ-
ха, ч. II.
1126-27. Ш. Диль. Византійскіе пор-
треты, т. II, в. 2.
1128. Штейнманъ. Инфлуэнца.
1129. Пушкинъ-Титовъ. Уединенный
домикъ на Васильевскомъ.
1130-31. Верхарнъ. Собраніе сти-
ховъ.
1132-33. Линанниссси. Драма кре-
стьянина.
1135. Брюсовъ. Избранные стихи.
1136-41. Лондонъ. Солнце краснее.
1142. Гринъ. Синій каскакъ Тел-
лури.
1143. Гринъ. Трагедія плоскогорья
Суанъ.
1144-48. Бангъ. Крахъ.
1149. Брюсовъ. Обрученіе Даніи.
1150 Чулковъ. Осенніе туманы.